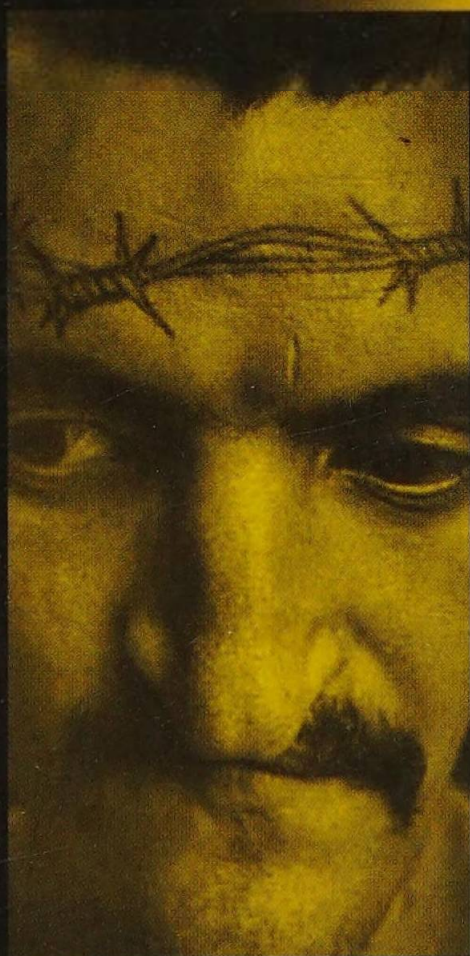
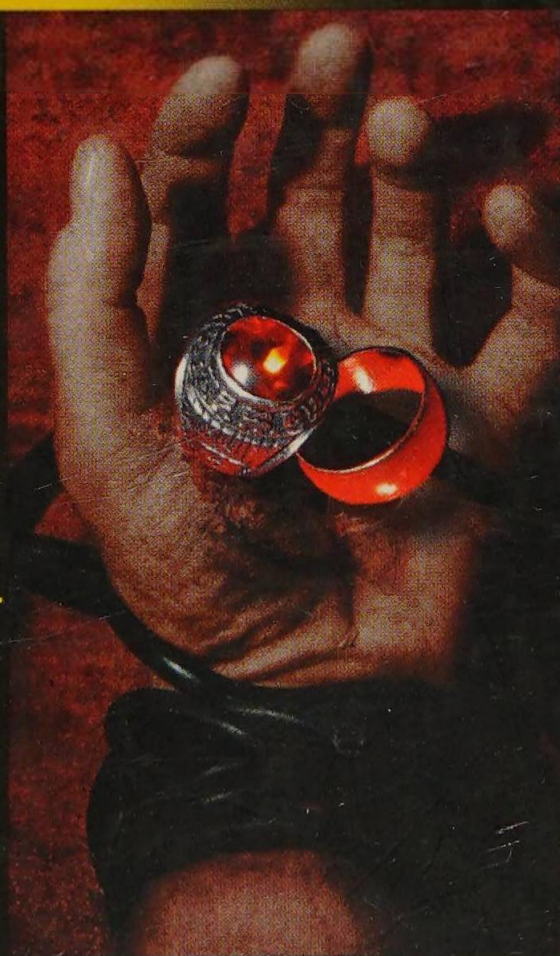

АЛЕКСАНДР ЖИГАЛИН

СОВРЕМЕННАЯ ВОРОВСКАЯ САГА

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

ДЕЛЕЖ

ПО ПОНЯТИЯМ

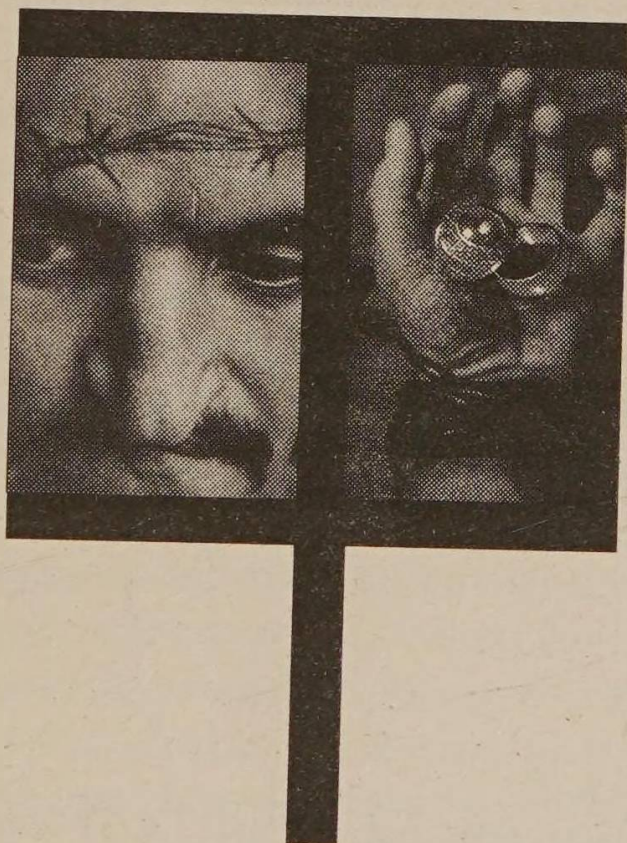

ЭКСМО

СОВРЕМЕННАЯ ВОРОВСКАЯ САГА

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

**АЛЕКСАНДР
ЖИГАЛИН**

**ДЕЛЕЖ
ПО ПОНЯТИЯМ**

Москва
«Эксмо»
2006

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ж 68

Оформление художника *С. Груздева*

Жигалин А. П.

Ж 68 Дележ по понятиям: Роман / А. П. Жигалин. — М.: Эксмо, 2006. — 384 с. — (Тюрьма и воля).

ISBN 5-699-16950-4

Один раз Граф уже брал банк. Обошлось ему это в восемь лет строгача. Так что следующее ограбление он продумал до мелочей: подобрал подельников, запасся баллонами с усыпляющим газом, придумал еще кое-какие хитроумные ноу-хау. В результате мешки с деньгами изъяты из инкассаторской машины так, что никто этого не заметил. Огромная сумма — почти шесть миллионов долларов. Теперь вопрос — как их отмыть и поделить? Тут тоже ошибаться нельзя, иначе или менты накроют, или подельники пришибут. Граф снова затевает сложную игру, уж кто-кто, а он знает — не всем нравится дележ по понятиям...

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-16950-4

© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Глава 1

НОЧНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ

Ночь была как на заказ. Точь-в-точь такая же глухая, какой ее показывают в кино про преступников. Небо, все сплошь покрытое хмурыми тучами, напоминало огромное черно-фиолетовое одеяло. Скомканное как попало, оно свисало над самой землей, то и дело пропуская сквозь себя грохочущие раскаты грома. Сверкающие с разных сторон разряды молний, подобно новогоднему фейерверку, с треском озаряли землю ослепительно ярким светом, заставляя одиноких прохожих невольно пригибаться и с испугом поглядывать в ту сторону, откуда только что прогремел гром. Дождь, падавший на землю отдельными крупными каплями, был похож на жидкие аплодисменты той самой небесной стихии, которая была в данный момент полноправной хозяйкой намечающегося бала природы. Но он уже собирался перейти к овациям, грозясь вот-вот превратиться в ливень.

Гаражные боксы находились в самом конце переулка. После них был лишь небольшой пяточок для разворота автобуса, остановка и тупик. Все строения, обнесенные высоким забором, поверх которого клочками была намотана колючая проволока, больше напоминали лагерную зону, чем автохозяйство. Вдоль всего переулка стояли несколько осветительных опор,

на всего лишь трех из которых тусклым светом горели лампочки. Жилых строений поблизости не было, не считая одиноко стоявшего заводского общежития, в котором в основном проживали молодые семьи да матери-одиночки. И то от ворот проходной автохозяйства увидеть можно было лишь только несколько окон этого унылого трехэтажного здания, так как выстроено оно было буквой Г, да и к тому же располагалось за углом.

Свет фар машины, осветив сначала черное небо, затем, пройдясь по стенам магазина, переместился на деревянное ограждение. Метр за метром ощупывая забор, он становился все ярче и ярче, подбираясь к калитке и высоким металлическим воротам, центральная часть которых была сплошь оббита досками. Неожиданно к свету фар автомобиля прибавились огни сине-белого проблескового маячка. Сирена, как правило, включающаяся с проблесковым маячком, на этот раз не завывала и не заставляла любопытных жителей окрестных районов кидаться к окну в надежде увидеть за стеклом нечто такое, о чем можно было бы посудачить завтра на работе.

Вынырнув из-за поворота, машина с надписью «Вневедомственная охрана», проскочила проулок и, чуть взвизгнув тормозами, остановилась у самой калитки, ведущей на территорию автотранспортного предприятия. Дверцы «жигуленка» как по команде распахнулись, и выскочившие из салона двое людей в милицеской форме напрямик проследовали к запертой калитке.

В ответ на грохот ударов ботинок за окном проходной сначала замаячила одинокая тень, после чего, включив уличное освещение, какой-то человек, выйдя на крыльцо, громко выкрикнул:

— Кто там?

— Милиция, — зычно раздалось в ответ.

— Милиция? — удивленно произнес Степаныч, напаяливая на затылок фуражку. — А что случилось-то?

— Да ничего. Сигнализация сработала, — проговорил тот, что был повыше ростом. — У вас боксы на сигнализации?

— Ну.

— Что — ну?

— Ну на сигнализации, — оторопел от столь неожиданного визита незваных гостей сторож.

— Вот она и дала сбой, — подал голос другой. — Давай, дед, отворяй калитку. Надо бы все проверить, а то уже замотались ездить. Видишь, какая непогода. То там система показывает проникновение, то в другом месте. А приедешь — ничего. Пусто.

Степаныч, звякнув ключами, послушно повернул ручку замка и, распахнув дверцу, пропустил вперед себя пришельцев в милицейской форме:

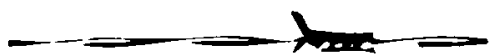
— Ну коли так, пошли. Покажу вам, где тут у нас боксы. А уж там вы сами разбирайтесь, а то я ведь в этом деле ни хрена не смыслю.

— Разберемся, — хмыкнул высокий. — Будь, дед, спокоен. Только ты нас сначала к пульту проводи, там сперва надо посмотреть, а уж потом к гаражам пойдем. Где пульт-то, знаешь?

— А чего тут знать? Вон он прямо в проходной и висит. Огоньки все сплошь красные, словно на новогодней елке светятся.

Пройдя между расступившимися милиционерами, старик поднялся по ступенькам и, открыв дверь, вошел в помещение.

Оба удара по голове дубинкой пришлись ему как раз в одно и то же место. Степаныч, тихо охнув, поте-

рял сознание и мешком свалился к ногам Хлыста. Тот тут же согнулся и, подхватив старика под мышки, потащил его волоком в глубь комнаты.

— Помоги посадить, — произнес он, не глядя на товарища.

Подняв тело почти в полный рост, они уже вдвоем, осторожно, чтобы не промахнуться, усадили его на стул.

— Ну что стоишь? — Хлыст сверху вниз глянул на подельника. — Давай включай мозги и отключай сигнализацию. Времени в обрез, а нам надо еще оборудование на машины установить.

Грач метнулся к горящему красными огоньками ящику. На ходу доставая из кармана завернутые в пакет инструменты, он сразу же приступил к работе. Все время, пока Грач возился с нехитрым оборудованием, Хлыст занимался стариком. Привязав его к стулу, он заклеил ему рот скотчем и на всякий случай, завернув руки за спину, несколько раз обмотал их липкой лентой.

— Ну все у меня готово! — Глянув на одну за другой гаснущие красные лампочки, повернулся к подельнику Грач. — Теперь можно и боксы прошмонать.

Прихватив со стола связку ключей, оба, вышагивая друг за другом, направились к стоящим в стороне гаражным боксам.

— Граф говорил, что тачки наши стоят во втором гараже. Там еще на дверях должна быть цифра 2 написана.

— Да помню я. Помню. — Хлыст, тихонько звякнув связкой, даже не взглянул на говорливого Грача.

Посветив фонариком и обнаружив нужную цифру, оба тут же прислонились к воротам, так как сви-

сающий с крыши навес предоставлял им возможность спрятаться от проливного дождя, который с каждой минутой все сильнее и сильнее набирал обороты.

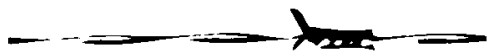
Свет включать в боксах было нельзя. Освещенные окна можно было запросто разглядеть из окон общежития, поэтому, нажав кнопку фонарика и направив его свет на стоявшие в ряд автомобили, Грач с Хлыстом прямиком направились к тем машинам, по бортам которых крупными буквами было написано: «Инкассаторы».

Грач достал из кармана клочок бумажки и, посветив на него фонариком, ткнул сначала пальцем в стоявший справа фургон с надписью на решетке радиатора «Форд», затем в небольшой джип:

— Вон те тачки наши.

Обе машины скорее напоминали некие конструкции, по всей округе закованные в броню, чем машины. И только лишь наличие колес и лобовых стекол, которые наверняка были также пуленепробиваемыми, говорило о том, что все-таки это сначала машины, а уж потом средства для перевозки денег.

Открыть замок двери обычного автомобиля для такого специалиста, как Грач, было делом плевым, в случае надобности он мог запросто проделать это и обыкновенным металлическим шампуром, но здесь... Здесь все представлялось совершенно по-другому. Машины инкассаторов были оснащены специально сконструированными для них запорами, а потому ему пришлось изрядно повозиться, прежде чем внутри послышался характерный звук отошедшего язычка и дверь фургона послушна распахнулась. Точно так же Грач поступил с джипом, после чего наступила очередь действовать Хлыста. Достав из кармана три

небольших, очень похожих на мыльницы предмета, он, поочередно проникая внутрь каждого из автомобилей, долго возился там, приспособливая эти диковинные штуки под каждое сиденье. Сделать это необходимо так, чтобы их нельзя было заметить, пока не сунешь руку вниз, к металлическим пружинам сиденья.

— И что это за хреновины такие? — не смог справиться с одолевающим его любопытством Грач.

— А я знаю? — отмахнулся Хлыст. — Приказано установить, вот и исполняю. А что? Почему? Это уже не моя забота.

— А Граф нас с башлями не кинет? Дело-то, судя по тачкам, он нешуточное задумал.

— Не. Не должен. Граф в авторитете. А таким бродягам, как он, кидаловом заниматься — последнее дело. Вмиг уши отрежут. И хватит болтать, — нахмурил брови Хлыст. — Давай лучше все приберем здесь. Не дай бог, следы оставим, загубим все дело. Тогда уж точно Граф нам уши отрежет.

После того как все было приведено в полный порядок, машины закрыты, а следы присутствия в боксе людей уничтожены, подельники вновь тем же путем вернулись в помещение проходной.

— А со стариком-то что будем делать? Он ведь наши морды наверняка запомнил. — Грач глянул на Степаныча, который, придя в сознание, ошалелыми глазами смотрел на своих обидчиков, не понимая, зачем это сотрудникам милиции понадобилось бить его по голове дубинкой.

— Не запомнит, — Хлыст достал из кармана металлический футляр и, вынув из него шприц с уже надетой иглой, поднял его вверх. — Здесь то, что поможет старику навсегда забыть не только наши мор-

ды, но и даже свое имя. Иди сюда. Надо поддержать его, пока я укол сделаю.

Навалившийся сзади на плечи Степаныча Грач с такой силой сжал его в своих объятиях, что старик, и без того обессиленный от удара дубинкой, тут же обмяк, полностью отдаваясь на волю судьбы.

Введя иглу точно между указательным и средним пальцем левой руки, Хлыст осторожно выдавил из шприца препарат и, не забыв протереть место укола смоченной спиртом ваткой, сунул все обратно в карман. Через три минуты старик закатил глаза, и лишь еле слышимое дыхание говорило о том, что он еще жив.

— Ну вот! Кажется, все! Давай включай сигнализацию, и сваливаем. — Хлыст глянул на часы. — Пока действуем по графику, но можем и выбиться.

Через пять минут милицейская машина, вновь осветив проулок светом фар, на этот раз не включая проблесковых маячков, ловко проскочила его и, вывернув на открытое пространство, поспешила в сторону центральной улицы. Возможно, кто-то из проживающих в данном районе жителей и видел проезжающий мимо их окон автомобиль, то уж точно не обратил никакого внимания ни на номера машины, ни на лица тех, кто находился в ее салоне. А потому, в какое именно время наведывались на территорию автобазы незваные гости, представлялось возможным определить только по времени наступления смерти Степаныча. Да и то, если кому-то вдруг пришла в голову мысль о том, что старик умер вовсе не своей смертью от инфаркта, как это было записано в свидетельстве, а скончался от введенного в его кровь препарата, способного уже в течение трех минут полностью парализовать работу сердечной мышцы.

Глава 2

ГРАФ

Взять инкассаторскую машину, причем с такими деньгами, чтобы хватило на всю оставшуюся жизнь, Граф задумал еще лет десять назад, когда ему только-только перевалило за тридцать. И наверняка сейчас он жил бы где-нибудь на Багамах, если бы не та скороспелость, с которой он пошел на задуманное им дело.

Накидав план взаимодействий, он и еще два близких ему в ту пору кореша, решили взять инкассаторов на «гоп-стоп», причем прямо у дверей банка, когда осуществлялась погрузка денег.

Почти три недели они по очереди дежурили на крыше в доме напротив банка, откуда как на ладони было видно все, что делается на подъезде к небольшому двухэтажному особняку. Банк этот был выбран неслучайно. По своим размерам он не внушал столь большого уважения, как другие его собратья, да и денег в нем наверняка хранилось не столько много, сколько хотелось бы заполучить новоявленным грабителям. Зато его отдаленное расположение от центра и от районного отдела милиции придавало им некоторую уверенность в том, что до того времени, когда начнется шухер, они успеют сделать ноги, причем не просто так, а вместе с добычей.

Подробный анализ полученных данных показал, что два раза в неделю, во вторник и четверг, в одно и то же время, а именно в десять часов утра, к центральному входу здания банка подъезжал бронированный фургон. Под охраной двух автоматчиков, которые в это время уже находились в самом банке,

двое инкассаторов в течение пятнадцати минут переносили из хранилища тяжелые холщовые мешки, до отказа набитые деньгами. Каждый раз их было неодинаковое количество — то десять, то двенадцать. Между фургоном и входом было не больше десяти метров. Поэтому, когда инкассаторы уходили в здание за очередной партией денег, двери машины не закрывались. Именно этот факт и было решено учесть в первую очередь при совершении налета.

Быстро сообразив, что это им на руку, все трое решили, что надо бы появиться именно в тот момент, когда явно потерявшие бдительность милиционеры, повесив за спину свои автоматы, собравшись в кучу, закуривали, обсуждая при этом житейские проблемы. Были, правда, случаи, что они вдруг, ни с того ни с сего, кидались помогать инкассаторам переносить мешки, но предположить, что это будет и в день ограбления, не имело никакого основания, так как подобное за время наблюдения случилось всего лишь дважды.

Самое трудное при подготовке к ограблению оказалось добыть стволы. Не пистолеты, не карабины, а автоматы, потому что именно на их угрожающий вид особо рассчитывал Граф, прекрасно понимая, что если использовать элемент неожиданности, то запросто можно будет взять дуболомов в фуражках на испуг. Именно поэтому он особо настаивал, чтобы вся бригада была вооружена только «калашниковыми». Правда, были еще два инкассатора, у каждого из которых на ремне висело по кобуре, но, судя по их меланхоличным движениям при погрузке денег, невольно приходило на ум, что ребята эти находятся далеко не в лучшей своей спортивной форме. А значит, при нападении они наверняка не успеют ничего пред-

принять в целях самозащиты. Граф прекрасно понимал, что в последние годы на такую непростую работу, как инкассатор, банки старались принимать исключительно подготовленных людей из числа бывших военных. Но, как правило, уже через полгода они почему-то теряли не только свой бравый вид, но и ту бдительность, с которой должны были относиться к порученному им делу.

Ограбление было назначено на ближайший четверг, потому что именно в этот день денег всегда перевозилось больше, чем во вторник.

Машины были готовы еще пару дней назад, поэтому, рассудив, что тянуть больше не было смысла, все трое единогласно проголосовали за то, что пора брать быка за рога. Еще раз проверив все свои предстоящие действия по секундам, Граф назначил сбор ровно на девять часов. Все, что было им необходимо, — оружие, маски, обмундирование, точно такое же камуфляжное, которое предпочитают носить охранники коммерческих предприятий, — уже находилось в квартире, специально снятой для этого неподалёку от банка. А в гараже, расположенном в двух шагах от дома, их ожидала машина. Все было продумано до мелочей, включая и исправность автомобиля, и заправку его горючим, и то, что оружие необходимо было с вечера перенести в гараж. По крайней мере так думал в ту пору как сам руководитель налетчиков, так и его подельники.

В назначенный день, за полчаса до ограбления, Граф распорядился выяснить, прибыла ли машина инкассаторов к банку, и, когда было доложено, что фургон на месте, он дал команду, и все трое заняли свои места в «жигуленке».

Большая стрелка часов перешла на цифру «две-

надцать», когда «шестерка» с надписью по бортам «Охрана» вылетела из-за угла и с воем сирены устремилась к дверям банка.

— Всем на землю! — истошным криком завопил Граф, когда они в масках на лицах, с выставленными вперед автоматами оказались на ступеньках, ведущих к входу в здание.

Шесть мешков с деньгами уже находились в фургоне. Оба инкассатора, вероятнее всего, направились в этот момент в здание банка за следующей партией денег, так как, кроме двух служителей порядка, у машины никого не было. Милиционеры как стояли, так и остались стоять с зажатыми в зубах папиросами. В считанные секунды была снаружи закрыта на засов в виде куска арматуры дверь в банк и отобрано оружие у ментов. После чего, пока подельники Графа перетаскивали мешки с деньгами в свою машину, он приказал доблестным воякам в милицейской форме залезть в фургон. И, как только те выполнили команду, он, захлопнув за ними дверцу, кинулся к «Жигулям», где его подельники уже заняли свои места в обнимку с мешками денег. Лихо развернувшись, он тут же рванул машину с места, направляя в противоположную от банка сторону. Буквально через пару сотен метров свернув во двор, «жигуленок», пролетев его насквозь, резко свернул на параллельную улицу и уже от нее, через еще один такой же проходной двор, ушел в сторону давно остановившейся стройки. Там их ждал уже другой автомобиль, на котором грабители и намеревались уйти от преследования. Явно заброшенная территория, со всех сторон обнесенная высоким бетонным забором, не имела ни охраны, ни даже сторожевой будки. Быстро перегрузив мешки с деньгами в другой автомобиль, а также кинув туда

оружие и обмундирование, кореша Графа залезли внутрь, а сам он, сев за руль, уверенно вывел машину за территорию, с тем, чтобы миновав пару кварталов, вновь оказаться в гараже, откуда они и намеревались, разделив деньги, разбежаться в разные стороны.

Взяли их уже через полчаса. Сразу же после того, как только был открыт первый мешок и все его содержимое вывалено на капот машины. Именно в тот момент, когда первые пачки денег оказались в руках Графа, в дверь раздался стук прикладом автомата. Потом их долго били. После чего всех троих погрузили в «воронок» и повезли в тюрьму.

Следствие велось недолго. Все факты были налицо, а потому доказать состав преступления не составляло особого труда. И вот уже спустя три месяца все трое были доставлены в суд, где мужик, обряженный в мантию, простучав молотком, определил для каждого время отдыха «на курорте Северного Крыма». Так на зэковских картах величались иркутские лагеря.

Графу, как старшему по «званию», путевку выписали аж сразу на восемь лет, причем с особо лечашим режимом под названием «строгий». Его товарищам по несчастью было прописано лечение сроком на шесть лет каждому. А спасло всех троих от более длительного пребывания в местах не столь отдаленных только то, что они из всего украденного не успели потратить ни копейки, а значит, и деньги все в целости и сохранности были возвращены истинному владельцу. Существенно повлиял на судьбу незадачливых грабителей также еще один немаловажный фактор, который, как оказалось впоследствии, сыграл весьма положительную роль в распределении путе-

вок. И, что самое интересное, состоялся он исключительно благодаря Графу. Как только экспертиза объявила, что в автоматных рожках вообще не было патронов, адвокаты из этого факта раздули черт знает что и потребовали от батюшки-судьи существенного снижения наказания. Так что Граф, в тот вечер, накануне ограбления, когда вытаскивал из автоматов патроны, а делал он это для того, чтобы обезопасить всю группу от никому не нужной стрельбы, уже тогда помогал всей группе избежать более длительных сроков заключения.

Вопрос, каким образом сотрудникам милиции удалось так быстро выйти на грабителей, не покидал Графа до самого последнего дня его пребывания в тюрьме. Он даже неоднократно обращался к следователю с просьбой поведать секрет столь необъяснимой оперативности, но тот, как назло, в ответ не произносил ни звука. А раскрылась тайна лишь на суде, приведя как самого Графа, так и его подельников сначала в искреннее удивление и только после этого в полное уныние.

Те самые холщовые мешки, которые могли бы всем троим обеспечить роскошную жизнь, причем до самой старости, были оснащены специальными устройствами. При открывании замков без особого на то ключа они начинали подавать на пульт радиосигналы. Эта новость так подействовала на Графа, что он прямо на скамье подсудимых вдруг разразился истерическим хохотом, чем немало удивил не только судью, но и всех, кто присутствовал в зале.

С того самого дня прошло уже почти шесть лет, и все это время Граф не столько думал о воле, сколько вынашивал в уме новый план ограбления инкассато-

ров. За годы постоянного внушения себе только одной мысли, что он сможет сделать это, он уже настолько вжился в это дело, что практически видел наяву и мешки с деньгами, и лица тех, у кого предстояло их отобрать. План был готов в голове Графа уже на третьем году его пребывания в лагере, и с тех пор ему оставалось лишь только мысленно оттачивать все те шероховатости, которые могли бы помешать довести затеянное им дело до логического конца.

Все бы ничего, но то, что он в данной ситуации никоим образом не может повлиять на ускорение процесса, сильно раздражало Графа. По его замыслу необходимо было уже сейчас начать предпринимать кое-какие шаги, чтобы после окончания срока он мог вплотную заняться самой подготовкой ограбления. Одним из таких мероприятий было устройство на работу инкассатором своего человека. Граф считал, что, если человек этот проработает на одном месте хотя бы два года и зарекомендует себя только с лучшей стороны, ему будет легче оказать помощь в организации преступления. Ведь изнутри подчас видны те самые нюансы, которые невозможно прокрутить в мозгу. Прекрасно понимая это, Граф подчас просто бесился от бессилия и отсутствия возможности предпринять что-либо уже сейчас. Однако это было лишь только его желание, а оно, к сожалению, не так часто соответствует нашим возможностям.

Кроме того, что он жаждал начать подготовку уже сейчас, Графу существенно трепала нервы еще одна немаловажная проблема, которую и проблемой-то назвать было нельзя. Недоверие. Вот что останавливало его иной раз. Недоверие ко всем и ко всему,

мучило его, мешало двигаться вперед и тем самым существенно вредило делу.

Однако, прекрасно понимая, что ему не справиться одному, Граф в то же время, ненавидя себя самого за свое же недоверие, хотя и медленно, но все больше и больше приходил к решению, что пора бы начать подыскивать себе достойного подельника. И обязательно такого, чтобы он соответствовал образу, который уже совершенно отчетливо вырисовывался в его сознании. Во-первых, человек этот должен был быть не старше сорока лет, так как Граф сам был такого же возраста. Данный факт наверняка позволил бы обоим в самые короткие сроки достичь наилучшего понимания друг друга. Во-вторых, некоторая замкнутость, молчаливость и обособленность были присущи самому Графу, и именно это он хотел видеть в своем будущем помощнике. И самое главное, у человека, которого он намеревался выбрать, уже в самом ближайшем будущем должен был заканчиваться срок заключения. А это означало, что именно через него Граф сможет начать процесс подготовки. Таким образом, он убивал сразу двух зайцев. Приобретал компаньона и переходил непосредственно к началу процесса подготовки к ограблению.

После длительных размышлений Граф наконец остановил свой выбор на зэке, который, по его мнению, соответствовал всем выставленным им требованиям. Уже само его погоняло Сыч как бы давало ответ на кое-какие вопросы, которые к тому времени уже роем вились в голове вора. К тому же та зэковская специальность, которой в совершенстве владел Сыч, была в определенном среди бродяг авторитете, конечно, не в таком, каком была, например, специальность медвежатника, но тем не менее к домушни-

кам братва всегда относилась по-особенному, с уважением и почтением.

Домушник в лучшем понимании этого слова — именно так передавалось из уст в уста, когда речь заходила о Сыче. И он своими делами вполне оправдывал столь серьезное к себе отношение. Все дело в том, что Сыч не относился к тем пустоголовым воришкам, которые чистили все хаты подряд, невзирая на их убранство и финансовое состояние хозяев. Частенько случалось даже так, что все добытое ими барахло тут же выбрасывалось на помойку, а то и вообще, проникнув в квартиру, незадачливые воры уходили с пустыми руками. Причиной столь необъяснимого на первый взгляд факта была перестройка, при которой материальное состояние граждан катастрофически падало вниз, а соответственно, падали вниз и доходы квартирных взломщиков.

Вот только к Сычу ярлык пустоголового никоим образом нельзя было приспособить. Он, в отличие от других, всегда к своей будущей жертве относился весьма уважительно. И, прежде чем окончательно остановить свой выбор, обхаживал и изучал ее так, словно собирался писать мемуары о семье, чью хату готовился ограбить уже в самое ближайшее время. Поставив телефон жертвы на прослушку, а в этом Сыч знал толк, как никто другой, он в течение нескольких дней часами просиживая на чердаке или в подвале, кропотливо изучал не только распорядок жизни семьи, но и самые ближайшие планы всех ее членов. Наконец, когда обстановка позволяла, а обстоятельства складывались самым наилучшим для него образом, он шел на дело и, как правило, всегда возвращался с него упакованным по самые уши. А по-другому и

не могло быть, потому что посещал он исключительно квартиры богатых и состоятельных граждан.

Выбрав Сыча, Граф начал постепенно приглядываться к нему, стараясь понять не только сущность самого этого зэка, но и его отношение к жизни как к таковой. Он не стал никого расспрашивать о нем, потому что подчас именно любопытство дает повод для разного рода разговоров и сплетен, а сам лично от случая к случаю, выбирая наиболее благоприятную ситуацию, оказывался рядом с Сычом. Перебросившись парой ничего не значащих фраз, Граф тем самым хотя и на полшага, но все-таки приближался к своему будущему поделельнику. Постепенно их практически еще даже и не существующие отношения приобрели такую форму, что Сыч начал догадываться о том что Граф к нему приглядывается. Рано или поздно объяснения между ними должны были обязательно состояться. Вот только в какой форме, не знал никто: ни Граф, ни уж тем более сам Сыч.

И все же окончательную точку поставил сам Сыч. Оказавшись вдвоем на улице, куда всегда после киносеанса выходили покурить зэки, Сыч, недолго думая, вплотную приблизившись к Графу и глядя в упор ему в глаза, процедил сквозь зубы:

— Чего ты все вокруг меня круги накручиваешь? Если дело есть какое, то давай раскупоривайся, а то все чего-то ходишь, вынюхиваешь. Понять не могу, зачем я вдруг тебе понадобился?

— Если вынюхиваю, значит, понадобился, — в тон Сычу буркнул Граф, с первого слова давая тому понять, кто здесь главный, а кто так, пришей кобыле хвост.

Договорившись встретиться завтра утром и обстоятельно потолковать о деле, оба разошлись в раз-

ные стороны, дабы не привлекать своим воркованием внимания вездесущих глаз смотрящего.

Встреча состоялась в каморке истопника котельной. Дед Мазай, работающий здесь еще, наверное, со времен революции, был эком понятливым и при первой же просьбе Графа послушно вышел из каморки, предварительно заняв место при входе в кочегарку, дабы вовремя предупредить эков о шухере. После непродолжительного объяснения задуманного плана ограбления Граф предложил Сычу участвовать в деле. Ожидая, что тот в свою очередь выразит желание подумать, он был невероятно удивлен, когда Сыч сразу же, как только он закончил говорить, произнес:

— Я согласен.

— А чего это ты так быстро согласился? — не удержался от вопроса Граф. — Вроде дело-то нешуточное. Случись что, впаяют ведь по самые гланды.

— А ты чего хочешь, чтобы я недельку взял на раздумье? — парировал Сыч.

— Вроде как да.

— А чего тут раздумывать. Если есть дело и оно стоящее, так чего дергаться-то? Я ведь тоже хочу прожить жизнь красивую и не хуже, чем у других, а потому считаю, что уж лучше сразу в князи, чем до конца дней валяться в грязи.

— Ну, если так, тогда будем считать, что договорились, — не скрывая улыбки одобрения, взглянул на подельника Граф. — Ты когда откидываешься-то?

— Через полтора месяца.

— Ну вот и отлично. За это время я тебе все подробно разжую и расскажу, что надо будет сделать в первую очередь, а что во вторую. Ну уж там ты сам

крутись, но чтобы к моему освобождению все было в ажуре.

— Годится, — согласился Сыч. — Все сделаю в лучшем виде, можешь не сомневаться.

— Да. И еще вот что, — спохватился вдруг Граф. — О своем прежнем ремесле тебе придется на время забыть. Не дай бог, подзалетишь. Сам сгоришь, как свечка, и дело загубишь.

— Мог бы и не говорить, — надул губы Сыч. — Не дурак. Кое-что соображаю.

После освобождения Сыча жизнь Графа заметно изменилась. Он уже не ходил по зоне вечно недовольным и чем-то серьезно озабоченным. Теперь она приобрела конкретную цель, к которой он наконец-то сделал свой первый шаг. Это придавало некоторую уверенность, и Граф, каждый вечер отмечая в своем личном календаре прожитый день крестиком, считал, сколько еще ему осталось таких же долгих и нудных дней до полного окончания срока. Уже через месяц пришло первое письмо от Сыча, в котором он самым подробнейшим образом и весьма завуалированно сообщал Графу о предпринятых им шагах в отношении предстоящего дела. И, чем чаще в дальнейшем приходили такие письма, тем все больше и больше Граф начинал понимать, что на этот раз он в своем выборе не ошибся.

Постепенно, день за днем, месяц за месяцем, приблизился и его собственный день освобождения, который выпал на самое любимое для Графа время года — весну. Захлопнулись тяжелые лагерные ворота, и он, не оглядываясь назад и не думая о том, что столько лет жизни потеряно впустую, уверенно зашагал по

первой после долгой и нудной зимы грязи в направлении железнодорожного вокзала, откуда уже первым поездом должен был уехать в столь долгожданную и манящую к себе столицу.

Глава 3

ПОДЕЛЬНИКИ

Поезд прибывал в Москву рано утром. Он не спеша подъезжал к последней остановке, вскоре вплотную приблизился к перрону и, тут же сбавив скорость до минимума, плавно покати́л к горящему красными огнями семафору.

Граф, находясь весь в нетерпении и ожидании новой, столь долгожданной для него жизни, стоял в тамбуре, вглядываясь в пробегающие за окном лица людей встречающих. Вскоре его сердце обдало потоком радости, когда, к своему собственному удовлетворению, он вдруг увидел в толпе фигуру Сыча.

— Ну что, на хату? — спросил он Графа, когда тот, ступив на перрон, от души обнял кореша.

— Нет. Давай для начала проедем мимо банка. Хочу своими глазами взглянуть на того, с кем придется помериться силами.

— Ну что же? В банк так в банк, — понимающе ухмыльнулся Сыч, прочувствовав стремление подельника уже с первой минуты с головой окунуться в дело, о котором он думал и мечтал вот уже несколько лет.

Сыч в точности сделал все так, как и велел ему Граф. Банк был выбран идеально. Он хотя и стоял на некотором отдалении от центра, зато, судя по его центральному офису, имел вид несколько не хуже,

чем те, что красовались по всей столице своими суперсовременными зданиями из стекла и бетона.

— Как он по своим показателям? — начал с весьма профессионального вопроса Граф.

— На плаву. За несколько лет, особенно за последний год, успел приобрести вполне приличный авторитет. Судя по газетным статьям и телевизионным передачам, оборот у этого монстра дай бог каждому. Да и клиентура тоже что надо.

— Свои боксы для хранения автомобилей имеются?

— Только-только ввели в эксплуатацию. Само здание было сдано всего лишь полгода назад, а так до этого банк снимал небольшой особняк в Южном округе Москвы.

Стоя лицом к лицу со своим потенциальным противником, Граф, дымя сигаретой, думал в эти минуты о том, что вот здесь, за этими бетонными стенами, где-то глубоко, в самых его недрах, под суперсекретными замками, хранится его счастье. Хранится и ждет. Ждет того часа, когда он своими собственными руками придет и возьмет его. Возьмет все. Все, что ему причитается как награда за все проведенные на зоне годы, дабы оно должно служить одному человеку, а не всем сразу. Тому, у кого тверже характер, кому сама судьба велит бороться за свое будущее.

— С инкассатором встречаться будешь? — нарушил размышления Графа Сыч.

— Нет. Пока ни к чему. Чем позже он меня увидит, тем лучше для дела. Хотя послушать, что за зверь этот твой инкассатор, было бы неплохо.

— Парню двадцать восемь лет. После армии пытался найти денежную работу, но все никак не получалось. Когда я его надыбал, он работал охранником в одной частной фирме. Дергали парня с места на ме-

сто, то в каба́к отпра́вят, то в магази́н. В общем, постоянного места не было, да и деньгами особо не баловали.

— Как зовут?

— Алексей Воронцов.

— Как ты на него вышел?

— Да зашел как-то по случаю к одному своему старому корешу, вместе срок когда-то на зоне мотали, еще по первому залету, а там, значит, и парень этот нарисовался. В общем, слово за слово, стакан за стаканом, смотрю, разговор про жизнь начался. Ну я возьми и посоветуй этому Воронцову идти в инкассаторы. Он сначала артачился, а потом вроде начал к совету моему прислушиваться. Ну а когда после гулянки-то на улицу вышли, я ему тут все открытым текстом и выложил. Мол, так и так, на одну зарплату не проживешь, но если ушами хлопать не будешь и нос направишь точно по ветру, то можешь в самом скором будущем обеспечить себе вполне достойную жизнь.

— А он что?

— Он-то? — усмехнулся Сыч. — Сначала дураком прикинулся и весь наш разговор на смех перевел. А на следующий день, когда протрезвел, видать, одумался. В общем, звонит и говорит, встретиться надо, потолковать, а то вчерашний пьяный базар никак у него из головы не идет. В общем, встретились мы. Ну я, конечно, вот так, с панталыку-то, ничего сразу толком рассказывать не стал, но на кое-что намекнул. Есть, говорю, у некоторых серьезных людей свой небольшой интерес к одному из банков Москвы, и если он устроится туда на работу, то сможет очень даже людям тем быть полезным. За что и получит свою долю.

— Ну а он как себя повел? — все больше и больше проникаясь интересом к разговору, спросил Граф.

— Нормально повел. Торговаться начал.

— Торговаться?

— Да. «Сколько, — спрашивает, — я буду иметь, если соглашусь слить нужную вам информацию?» Я ему тут же, как и подобает в таких случаях, говорю: «Ты, — мол, — сначала делом докажи свои способности, а уж потом будешь про бабки базары разводить». А он все равно гнет свое, и все тут. «Сколько, — говорит, — я буду иметь, если просто расскажу вам все, что требуется? И сколько, если буду участвовать в деле?» Ну я ему и выложил.

— Чего ты ему выложил? — не понял Граф.

— О деле ни звука. Можешь не волноваться, — спохватился вдруг Сыч. — Пять процентов, говорю, если просто поможешь, и двадцать, если войдешь в команду.

— Самовольство проявил, — на всякий случай наехал на подельника Граф. — Шкуру неубитого зверя делить начал?

— А что мне оставалось? — сделал обиженную физиономию Сыч. — Иначе он бы не согласился.

— Ладно, — несколько смягчился Граф. — Лучше скажи, как он воспринял твое предложение?

— Поднял ставку.

— До скольких?

— Десять и двадцать пять.

— Надо же, какой резвый. — Граф на секунду задумался, после чего, пожав плечами, пробубнил: — Хрен с ним, с этим твоим Воронцовым. Главное, чтобы все срослось, а уж там в обиде никто не будет.

— В общем, он согласился, — принимая слова шефа как одобрение, продолжил Сыч: — Уже на сле-

дующий день, когда по рукам ударили, Леха направился в учебный центр ГУВД по подготовке банковских служащих. Там, правда, его почти две недели мурыжили, наверняка всю подноготную проверяли, но потом все-таки взяли. Затем обучение, тренировки, и вот теперь он уже почти год деньги мешками таскает. Правда, пока чужие.

— Пусть таскает. Недолго осталось. Скоро, если все удастся, свои попрет. — Глянув на Сыча, Граф улыбнулся, но тут же серьезно спросил: — Надеюсь, ты Леху этого проверил как полагается?

— Чист, как стекло. Как только он в банк устроился, я неделю за ним по пятам ходил. Потом домашний телефон на прослушку поставил. Он ведь с матерью проживает, вот я и установил в распределительном узле небольшой такой приборчик, чтобы все их разговоры записывать.

— Ну и как?

— Пусто. Никчемные житейские базары, и не более того.

— А кроме матери, друзья, подруга у парня твоего есть?

— Подруга есть. А друзья, так... Встречаются от случая к случаю. В основном он общается с такими же, как и сам, спортсменами.

— Спортсменами, говоришь? — В глазах Графа мелькнул живой интерес. — И чем же этот Леха твой занимается?

— Стрельбой.

— Стрельбой?

— Да. Из винтовки по кабанам шмаляет. Есть такое упражнение. Оно так и называется — стрельба по бегущему кабану.

— Ну и как, много он кабанов-то настрелял?

— Да вроде как мастера уже получил.

— Ого! Значит, парень не промах.

— Да уж это точно. — Сыч вновь расплылся в довольной улыбке за похвалу, выданную Графом в адрес его подопечного.

— Ну а про подругу его ты что-нибудь узнал?

Сыч моментально съежился, словно у него болел зуб, и именно сейчас, когда Граф напомнил ему о его недуге, тот вдруг ни с того ни с сего еще больше занял своей нудной, противной болью.

— Вот здесь-то как раз не все так хорошо, как надо бы.

— Что значит не все так хорошо? — обеспокоенно глянул на подельника Граф.

— Папашка у дамочки этой ментяра. Причем не простой, а с большими звездами на погонах.

— И какие же у него звезды?

— Полковничьи. Зовут его Юрий Владимирович Рыжов.

— Что? — вытаращил на Сыча глаза Граф. — Полковник Рыжов отец той самой девчонки, с которой дружит твой инкассатор?

— Да. Он самый. А ты что, о нем слышал?

— Слышал, — усмехнулся Граф. — Это и есть тот самый мент, который вел мое последнее дело. Только он тогда еще майором был. А теперь, как я посмотрю, в гору попер. Никак на моих костях хочет в рай въехать.

— Я как в воду глядел, — насторожился Сыч. — Только про мусора услышал, сразу распорядился, чтобы никаких дел у Воронцова с ментами не было. Сам знаешь, они нашего брата нюхом чуют. А тут еще полковничья дочка.

— А вот это зря, — хитро улыбнувшись, проговорил Граф. — Пусть все идет своим чередом. Дружит твой Леха с дочкой мусора, вот пусть и дружит. Может быть, это даже нам на руку будет. Жизнь покажет. Кстати, как дочку Рыжова зовут?

— Катя.

— Катя, — повторил вслух Граф.

Он вдруг совершенно отчетливо почувствовал какое-то непреодолимое желание отомстить Рыжову за то, что тот сумел упечь его в тюрьму. Хотя дело, за которое Граф получил восьмерик, было изначально решенным и, попади оно не к майору, а к кому-нибудь другому, результат был бы тем же самым. Тем не менее желание поквитаться мгновенно охватило его. И, чем дольше Граф думал о мщении, тем больше и больше в нем разрасталась идея использовать данный факт в своей весьма перспективной затее. Он еще пока не предполагал, как сможет связать воедино ограбление инкассаторов, Леху с его подругой Катериной и ее отца, полковника милиции Юрия Владимировича Рыжова. Однако Граф точно знал, что на этот раз судьба затеяла с ним свою непростую игру не просто так, а явно с какой-то определенной целью. И то, что ему, Графу, Сергею Александровичу Трубецкому, придется сразиться именно с ней, злодейкой, подхлестнуло волну адреналина, уже всю плескавшуюся в его крови.

— Знаешь что, Сыч, передай этому самому своему Воронцову, — под впечатлением своих собственных размышлений вновь заговорил про инкассатора Граф, — если он сможет охмурить дочку Рыжова как надо, так чтобы она визжала от любви к нему, я к его доле еще своих собственных пять процентов приплюсую. Так сказать, за вредность. Но при этом не

забудь предупредить, чтобы он каждый свой шаг по отношению к этой семейке согласовывал со мной. Не дай бог отсебятину начнет гнать. Рыжов — волчара еще тот, в деле своем не одну собаку съел. В общем, мент он что надо, к тому же настолько опытный, что пацана расколоть ему особого труда не составит.

Рассказ Сыча о том, что удалось Лехе Воронцову выяснить за время его службы в банке «Возрождение», был длинным и интересным, но состоялся он уже на квартире, специально снятой им для Графа, в доме напротив основного офиса банка. Найти такую квартиру было весьма непросто, и только лишь двойная сумма, обещанная хозяину за аренду, смогла решить данную проблему с положительным результатом. Окна квартиры, в которой поселился Граф, выходили прямо на центральный вход банка, и это было задумано заранее, чтобы можно было не только отслеживать все движения вокруг его офиса, но и следить за теми нюансами, которые свойственны внутреннему распорядку жизнедеятельности любого предприятия солидного уровня.

Граф прекрасно понимал, что за все те годы, что он провел на зоне, система транспортировки денег должна была измениться радикально, а потому брать за основу прежние наработки не имело никакого смысла. И он оказался прав. Если раньше сумки с деньгами прилюдно выносили из здания и так же при всеобщем обозрении грузили в машины, то теперь вся процедура проходила в абсолютной секретности, скрытно от посторонних глаз и к тому же с минимальным привлечением людей к процессу перевозки.

По рассказу Сыча, Воронцову за год работы в банке удалось продвинуться по служебной лестнице на одну ступеньку. Если раньше ему доверялось толь-

ко сопровождение сотрудников банка, отвечающих за перевозку ценных бумаг, то сейчас он уже был полноправным членом бригады, сопровождающей деньги при доставке их в обменные пункты, банкоматы и в небольшие филиалы банка, которые в огромном количестве были разбросаны по всей столице. Но это были не те суммы, которые интересовали Графа. А потому он не обратил особого внимания на то, что Леха сумел вплотную приблизиться к деньгам, хотя про себя все же отметил, что весь задуманный им процесс идет строго по разработанному им плану. Это лишний раз подтверждало правильность выбранного им пути.

— Не надо торопиться. Не надо. Все должно происходить как бы само собой, — постоянно твердил он себе с первой минуты, как только поселился в снятой для него квартире. Придерживаясь данной позиции, он старался не спеша вникать во все, даже в мелочи, которые хоть как-то, но могли повлиять на исход дела.

Время летело, как и положено в таких случаях, с небывалой быстротой. День за днем — и вот уже прошел ровно месяц со дня его освобождения. И именно в этот день, то ли по чистой случайности, а может быть, как результат все тех же непредсказуемых игр судьбы Сыч принес Графу одну очень даже приятную новость. Заключалась она в том, что Воронцова включили в состав группы сопровождения денег до аэропорта. Откуда они два раза в месяц доставлялись самолетом в те регионы, в которых банк «Возрождение» имел свои филиалы.

— Вот это — то самое, про что я тебе говорил! — торжествуя, воскликнул Граф, воодушевленный столь

долгожданной новостью. — Ты представляешь, какие там перевозят суммы?

— А чего там представлять, — невозмутимо проговорил Сыч. — Он вынул из кармана пиджака бумажку и, немного прищурясь, протянул ее Графу. — В последний раз было отправлено сто двадцать четыре миллиона рублей и два в валюте.

— А это ты откуда узнал? — удивленно посмотрел на Сыча Граф.

— Оттуда же, откуда и все остальное. От Лехи, конечно. От кого же еще? Он на днях сопровождал двух весьма важных лиц из числа руководства банка. Птицы эти везли с собой какие-то очень важные документы, вот к ним охрану и приставили. Ну а в машине они между собой разговорились, а Леха тут как тут, уши развесил и все как надо запомнил. Одним словом, повезло.

— Передай ему, чтобы впредь не совал свой нос туда, куда не следует, а то еще спалится почем зря. Сам понимаешь, Леха этот твой для нас теперь на вес золота. Он единственный, кто сможет вывести нас на деньги. А потому Воронцова этого надо оберегать и лелеять, как собственного сына. Кстати, ты когда в последний раз прослушивал его разговоры?

— Вчера, — уверенно соврал Сыч.

— И как?

— Все в порядке. Живет, как и раньше жил. Только вот душу мне всю перепилил нытьем своим. Когда да когда дело будет.

— А ты ему пообещай. Назови любой день и проследи за парнишкой, как он себя поведет. Обычно накануне люди начинают вести себя совершенно по-другому. Я бы даже сказал, непредсказуемо. Вот и по-

смотрим, каково у него нутро, каменное или так, гнилушка обычная.

— Хорошо. Проверю, — пообещал Сыч. — Кстати, твое следующее задание он тоже выполнил. Достав из другого кармана еще один сложенный пополам листок бумаги, он протянул его Графу: — Это название и адрес фирмы, которая занимается изготовлением сумок, предназначенных для перевозки денег.

— Отлично! — обрадовался Граф. Не без удовольствия отметив про себя, что сегодняшний день на самом деле оказался для него по-настоящему счастливым.

— Кстати, городишко-то этот от Москвы совсем недалеко расположен. Вполне можно и на тачке смотреть, — продолжал удивлять своей осведомленностью Сыч.

— Вот ты мне ее и организуй. — Граф глянул на настольный календарь и, перекинув несколько листочков, ткнул пальцем: — На следующий вторник сможешь?

— Без проблем, — охотно кивнул головой Сыч.

От Москвы до небольшого городка Богородска, того самого, что расположился рядом с Нижним Новгородом, расстояние было чуть меньше пятисот километров. Выехав рано утром, Граф с Сычом уже к обеду были на его окраине. А еще через полчаса, отыскав фабрику по пошиву сумок, ремней и других предметов, необходимых человеку в его жизни, они уже подкатывали к проходной. Пройдя в небольшое одноэтажное здание, стоявшее здесь же вдоль дороги, Сыч без особого труда нашел кабинет заместителя директора фабрики. На двери на табличке было на-

писано, что данное лицо отвечает за сбыт производимой продукции. Постучавшись и придав всей своей внешности напыщенный вид, он повернул ручку и потянул на себя дверь.

— Здравствуйте! — войдя в небольшую комнатку, уже с порога бойко поприветствовал он сидящего в кресле пожилого и явно озабоченного проблемами заместителя директора. — Горбунов Алексей Владимирович. Заместитель управляющего Газпромбанком города Светлогорска Челябинской области, — протягивая визитку, представился Сыч.

Хозяин кабинета, бросив мимолетный взгляд сначала на самого гостя, затем, внимательно изучив врученную ему карточку, вновь поднял глаза на Сыча. — Никогда не слышал о таком городе.

— Есть. Есть, — расплылся в улыбке тот. — Молодой, но очень красивый.

— Чем могу быть полезен? — Хозяин кабинета, все еще вертя в руках карточку, жестом предложил гостю занять место напротив.

— Я откомандирован к вам для заключения договора на приобретение партии саквояжей, предназначенных для перевозки денег.

— Паспорт, доверенность и копия приказа о назначении вас заместителем управляющего банком имеется? — невозмутимо протянул руку замдиректора.

Сыч не спеша достал кожаную папку, расстегнул ее и, вынув необходимые бумаги, сунул в руку сидящего напротив человека. Паспорт на имя Горбунова Алексея Владимировича делал профессионал далеко не самого высшего класса. Именно этот момент и был для Сыча наиболее волнительным. Но, судя по тому, как к нему отнесся заместитель директора, было ясно, что пока для волнения нет причин.

Кинув на стол ксиву, предварительно лишь только мельком взглянув на фотографию, мужчина вновь направил на посетителя явно заинтересованный в клиенте взгляд. — Печать с собой?

— А как же, — уверенным движением тот вновь нагнулся к портфелю.

— Надеюсь, копия лицензии тоже имеется? — не отставал заместитель директора.

— А что, она тоже нужна? — делая удивленное лицо, пожал плечами Сыч.

— Само собой. Она же к договору должна прикладываться. Таков порядок.

— Так, может, я, когда приеду за товаром, тогда и привезу.

— Можно и так, — кивнул мужчина. — Сколько будете заказывать?

— Пока сто. Но...

— Сто. Это хорошо, — заместитель директора потянулся к телефону. — Я сейчас приглашу юриста, пусть договор подготовит. Но сразу предупреждаю, изготовление заказа начнется только тогда, когда будет оплачена половина всей суммы. Остальное — при получении саквояжей.

— Да о чем речь, — вновь расплылся в улыбке Сыч. — Вот приеду домой, привезу договор, и уже на следующий день переведем все деньги полностью. Для нас главное сумочки, а уж о деньгах можете не беспокоиться.

Заместитель директора, поднеся трубку к уху, начал энергично тыкать пальцем в кнопки телефона, но, едва он набрал половину номера, как Сыч, вдруг придав своему голосу проникновенность, вновь заставил того обратить на себя внимание.

— Простите! Но у меня еще одна просьба имеется. Нельзя ли приобрести штук пятнадцать саквояжей прямо сегодня? Управляющий наказывал: «Поезжай, — говорит, — Горбунов, и без мешков не возвращайся». Видя, что замдиректора сделал озадаченное лицо, он тут же добавил: — Расчет наличными, не отходя от кассы. Можно даже немного сверх прейскуранта и без бумаг.

Последних слов хватило, чтобы хозяин изменился. Выпрямившись и от этого став намного выше ростом, он втянул в себя живот и с расплывшейся до ушей улыбкой произнес:

— А почему бы и нет, когда да. Чего только не сделаешь для хорошего человека. Вот только опять же копия лицензии... Без нее-то вроде как нарушение инструкции.

— Да куда она денется, лицензия эта? Приеду в следующий раз, и приложим к договору. Делов-то!

— Ладно, — махнул рукой мужчина. — Бумажка, она и есть бумажка. Попробую помочь. Ты пока погуляй в сквере у конторы, а через часок приходи. Я распоряджусь, чтобы товар упаковали как надо, да заодно и договор подготовили.

Заместитель директора не обманул. И уже ровно через полтора часа машина подельников, в багажнике которой находились пятнадцать саквояжей, выезжала на трассу. Граф вдруг подумал о том, что, похоже, сама судьба помогает ему в этом деле, если даже здесь, где он ожидал наткнуться на препятствия, ему сопутствовала удача. Это было не столько неожиданно, сколько подозрительно. Граф не любил слишком легких путей и относился к ним весьма и весьма не просто, однако дело было сделано, мешки получены,

а потому думать о чем-то плохом, особенно тогда, когда все кругом радовалось жизни, хотелось меньше всего. Машина лихо катила вперед, навстречу тому, к чему вот уже несколько лет были направлены все его стремления, и то, что в дороге этой Граф пока не видел никаких преград, несомненно, все больше и больше поднимало его настроение.

Точных дат отправки денег в регионы не знал никто, кроме, конечно, самого управляющего банком и начальника службы безопасности. Но при всей строгости и секретности предугадать ситуацию, причем со стопроцентной гарантией, можно было уже за два дня. В здании банка вдруг ни с того ни с сего начинали появляться личности, которые занимались и отвечали за транспортировку денег. Уже по одному их поведению можно было догадаться о значимости поставленной перед ними задачи.

Кто будет сопровождать груз и на какое время назначена транспортировка, начальник службы безопасности объявлял за три часа до отправления самолета, а значит, никто из инкассаторов и сопровождающих их автоматчиков ни под каким предлогом не имел права выходить из здания. Всем также запрещалось звонить куда-либо и вступать в переговоры, причем не только с посетителями банка, но и со служащими тоже. Однако даже при столь серьезных требованиях Леха Воронцов, да и все его товарищи могли без особых проблем предугадать, кто на этот раз войдет в состав группы сопровождения. Это было возможно по причине того, что начальник чередовал своих людей до удивления просто, в одной и той же последовательности, а точнее через раз. Поэтому каждый из инкассаторов твердо знал, что если сегодня

данное мероприятие обошлось без него, то в другой раз он в транспортировке денег будет задействован обязательно. Исключение составляли только те случаи, когда кто-то заболел или уходил в очередной отпуск. Вот тогда из всего состава команды инкассаторов кому-то одному выпадала честь сопровождать груз два раза подряд.

После поездки на фабрику Граф резко изменил свой образ жизни. Он уже не засиживался по полдня дома и не сидел у прикрытого шторами окна, рассматривая в узкую щелку центральный подъезд банка. Пропадая почти весь день, он не отвечал и на телефонные звонки Сыча, а когда тот задавал ему соответствующие вопросы, Граф, уклончиво ссылаясь на дела, уходил от ответа. А вот какие дела? О них он предпочитал умалчивать, тонко намекая на то, что придет время, и тот обо всем узнает. Сыча несколько беспокоило то, что Граф упорно не хотел делиться с ним своими мыслями. Но еще больше его волновало состояние Воронцова. По всему было видно, что Леха постепенно начинал терять контроль над своими эмоциями. Живя в постоянном ожидании, он тем самым постепенно начал загонять себя в угол, все больше и больше склоняясь к тому, что тот, на кого все время ссылался Сыч, решил проверить ограбление самостоятельно. Об этом Леха даже однажды намекнул Сычу, на что тот лишь усмехнулся и, хитро прищурив глаза, проговорил:

— Сразу видно, что ты в нашей бродяжьей жизни ни хрена не смыслишь. Это тебе не Уголовный кодекс. По воровским понятиям, за такие выкрутасы козла можно смело в расход пускать. По крайней мере потом уже никто и ничего не предъявит. А что ка-

сается нашего дела, то могу тебя успокоить: тот, кто весь этот фарш придумал, человек в авторитете и просто так на столь серьезное дело без организации его в лучшем виде никогда не сунется. Будь уверен, он, пока все, как надо, не подготовит, и сам в петлю не полезет, и нам пропасть не даст.

Как будто в подтверждение слов Сыча, уже на следующий день поступила просьба Графа по возможности достать пломбир, тот самый, которым кассиры печатают мешки с деньгами. Это было настолько для Воронцова нереально, что он тут же вынужден был высказать это Сычу и уже через пару дней вместо пломбира попросил достать образец пломб. По всей видимости, Граф решил найти самый обычный инструмент и, имея под рукой образец пломбы, изготовить однотипный пломбир тем, что применялись в банке «Возрождение». Это было для Лехи уже гораздо проще, тем более что использованные пломбы в пакетах для мусора выбрасывали в специальный металлический ящик, сунуть руку в который и изъять оттуда несколько штук свинцовых бляшек не представляло огромного труда. Уже на следующий день он, довольный собой, что так легко справился с заданием, шел домой, ощущая в кармане куртки то, ради чего пришлось несколько потрепать себе нервы.

То, что ему удалось раздобыть, несказанно обрадовало вора, и это было видно по его реакции, когда он, хитро прищулив глаза, произнес:

— Ну вот! Теперь, кажись, все в ажуре. Еще немного, и мы все будем в шоколаде.

Однако, для того чтобы по-настоящему ощутить сладкий вкус этого самого шоколада, Лехе предстояло еще не раз вкусить горечь томительного ожида-

ния, причем такого, что, подчас проснувшись ночью, он, глядя в потолок, ясно представлял себе картину будущего ограбления, после которой ему почему-то сразу виделся арест, суд, тюрьма. Иногда после такой вот ночи ему хотелось все бросить и бежать. Бежать куда-нибудь подальше, чтобы не видеть ни банка, ни Сыча, ни тех самых дьявольских денег, ради которых он поставил на карту ни много ни мало, а свою собственную молодость. Может быть, он и поступил бы именно так, если бы это не выглядело неприкрытой трусостью, чего Леха позволить себе уж не мог никак. К тому же мысль об ограблении он вынашивал и лелеял как единственную возможность обеспечить красивой жизнью не только себя, но и свою будущую семью. Парень не раз представлял себе, как он придет в дом Кати, где его встретит ее отец с полковничьими звездами на погонах, и Леха торжественно попросит руки его дочери.

Глава 4

ОГРАБЛЕНИЕ

— Ну что, братела? Я так думаю, что пора переходить к последнему акту нашей с тобой оперы, — определил немой вопрос Сыча Граф, когда тот открыл было рот для того, чтобы подвергнуть шефа подробнейшему расспросу. — У меня практически все готово. Можно даже назначать день.

— Ну это уж не от нас зависит, — словно от сна очнулся Сыч, явно ощущая предстартовое волнение. — Как Леха скажет, так и попрем.

— Кстати, есть маленькая проблема. Даже не

проблема, а так, вопрос. И касается он именно твоего Лехи.

— Лехи? — не понимая, куда клонит Граф, удивленно пожал плечами Сыч.

— Да, именно его. Скажу честно. Поначалу я хотел, чтобы он шел на дело вместе с нами, причем принял я это решение вполне сознательно и обдуманно. Но впоследствии появилась возможность использовать его, не вводя даже в курс дела.

— Это как?

— А вот так. Мы будем делать все согласно плану, а он пусть несет службу как ни в чем не бывало. Это и ему будет легче, и нам спокойнее. А то, не дай бог, в самый неподходящий момент сорвется парень, напорет косяков и нам все дело загубит.

— Я, конечно, не знаю, чего ты там надумал и как все будет происходить, но мне кажется, Леху надо поставить в известность.

— Значит, ты считаешь, что так будет лучше?

— Если бы я знал весь расклад, тогда, может быть, что-то и посоветовал.

— Ну, если так, тогда садись и слушай. Я буду рассказывать всю последовательность операции, а ты вникай и думай. А как закончу, вот тогда и решим, посвящать в курс дела Леху твоего или оставить все, как есть.

В течение получаса Граф самым подробнейшим образом объяснял и разжевывал Сычу все то, что он задумал. И, чем больше он залезал в подробности ограбления, тем удивленнее становился взгляд его подельника. С каждым словом Графа тот, проникаясь сутью плана, ощущал себя скорее причастным к чему-то сверхъестественному. Иногда он открыто восхищался задуманным, но были моменты, когда Сыч,

не скрывая своего разочарования, вздохом выражал полное непонимание и даже недоверие к тому, к чему склонял его Граф.

— И ты думаешь, у нас все это получится? — После некоторого раздумья Сыч уставился на Графа, когда тот закончил вводить его в план предстоящих действий.

— Я не думаю, — выпалил тот. — Я уверен. Ты представь себе часы, — накинулся он на Сыча. — В них каждый винтик, каждая шестеренка делает свою работу, но вместе они двигают стрелки, причем делают это четко и слаженно. Так и в нашем деле мною продумано все до мелочей. Каждый будет делать свое дело, в результате которого все деньги из машин инкассаторов перекочат в наши руки.

— Но ведь часы тоже, бывает, ломаются? — позволил себе усомниться в словах приятеля Сыч.

— Согласен. Когда хозяин олух и не следит за тем, что служит ему в первую очередь.

В конце концов после длительных споров Сычу удалось-таки отстоять свое мнение, что Леху лучше поставить в известность о начале операции, так как это позволит тому все делать обдуманно и вполне осознанно. А то, что парень в самый последний момент способен дать обратный ход, Сыч воспринял как личное недоверие Графа.

— Ты даже не видел его и не говорил с ним, а уже считаешь трусом.

— Никого и никем я не считаю, — парировал Граф. — А не встречаюсь потому, что не считаю нужным. Достаточно уже того, что ты поддерживаешь с ним связь.

— Если так, тогда...

— Стоп! — остановил подельника Граф. — Чего

мы зря вилами машем? Решили ввести твоего Леху в курс дела, значит, надо вводить. Но учти, с этой минуты ты за него головой отвечаешь, и, если что, я с вас обоих шкуру спущу.

Разговор состоялся во вторник, а уже на следующий день Сыч сам позвонил ранним утром Графу и сообщил ему, что он только что говорил с Лехой и предупредил его о том, что у них все готово к ограблению.

— Вот и отлично, — непонятно чему вдруг обрадовался Граф. — Предупредил так предупредил. А пока надо выяснить, на какое число ориентировочно намечена отправка денег и будет ли твой Воронцов на тот день включен в состав бригады инкассаторов.

Сообщение Лехи о том, что отправка денег если и состоится, то не раньше, чем через две недели, нисколько не расстроило Графа. А то, что Воронцов наверняка будет включен в бригаду, вообще подняло ему настроение.

— Значит, все готово? — с надеждой в голосе произнес Воронцов, когда Сыч подробнейшим образом начал расспрашивать его о предстоящей транспортировке.

— Почти. Вот только осталось уточнить еще кое-какие мелочи — и вперед.

— Какие еще мелочи? — не выдержал Леха. — Я это уже второй месяц слышу. Мелочи! Нюансы! Обстоятельства!

— Какие надо, такие и мелочи, — неожиданно для себя самого разозлился Сыч. — А ждать будешь столько, сколько надо. Я не меньше твоего жду, и ничего. Как видишь, не сдох пока. Глянув на парня и рассмотрев в его глазах некоторую растерянность, Сыч тут же поспешил остудить свой пыл: — Ты пой-

ми, дурья твоя башка. Дело-то не шуточное, и к нему надо подготовиться так, как положено. Не дай бог, что-то не срастется, кого потом винить будешь? Граждан судей?

Упоминание о суде для Лехи было как холодный душ. Мысли моментально прояснились. Чувство опасности настолько сильно резануло по нервам, что сердце, тут же сжавшись в комок, замерло в груди.

Ровно в девять часов броневик находился уже на территории банка, готовый в любую минуту въехать внутрь здания, где и происходила загрузка денег.

До вылета самолета, который должен был взять курс на восток ровно в тринадцать часов, машинам необходимо было не только проехаться по Москве, но и, выйдя на Кольцевую, пройти еще не меньше пятидесяти километров, чтобы затем, повернув в сторону Рязани, уйти в направлении одного из военных аэродромов. Там их должен был ждать уже подготовленный к рейсу грузовой транспорт. Передав мешки с деньгами, машины тут же брали курс обратно на Москву, а самолет в сопровождении уже другой группы вооруженных людей поднимался в воздух, для того чтобы через три часа приземлиться по ту сторону Уральских гор.

К погрузке денег не допускался никто ни из числа инкассаторов, ни из тех автоматчиков, которые должны были сопровождать броневик до самолета. Даже водителям надлежало покинуть машины и пройти из зала в комнату, в которой находились все, кому поручалась охрана груза. Это было оговорено правилами, и нарушить их не мог никто. За этим следил специально поставленный у дверей человек. Даже если кто-то и хотел по той или иной причине покинуть

помещение, он должен был получить специальное на то разрешение.

Загрузка длилась не больше часа, и ровно в десять тридцать по внутреннему радио должна была прозвучать команда, по которой инкассаторам и группе сопровождения нужно было перейти в помещение, где их ждали машины, и занять свои заранее распределенные места. Главным при транспортировке денег был всегда один и тот же человек.

Феоктистов Андрей Иванович работал на этой должности уже почти десять лет, и все, кто каким-то образом был причастен к отправке денег в регионы России, знали его в лицо. Он отвечал за груз с первой минуты его появления из хранилищ банка до передачи саквояжей тем, кто находился в самолете. Проверяя, все ли на месте пломбы, печати, а также герметичность саквояжей, он тут же сравнивал данные, написанные на приколотых к ним брелоках с теми, что были занесены в бумаги, и давал отмашку, разрешающую погрузку денег в фургон. После того как весь груз был укомплектован и разложен по своим местам, Феоктистов подписывал бумаги и, спрятав их в серебристый металлический чемоданчик, незамедлительно пристегивал его наручниками к своей левой руке. Кроме того, что Феоктистов отвечал за документы, он один имел также право в случае нестандартной ситуации воспользоваться большой красной кнопкой, которая была расположена на передней панели автомобиля. При нажатии на нее моментально срабатывал сигнал SOS, который в считанные секунды в виде мигающей красной лампочки загорался на центральном пульте банка. На этом полномочия Андрея Ивановича заканчивались, так как у инкассаторов и у группы сопровождения были насчет

подобных ситуаций свои собственные инструкции, и действовать они обязаны были, придерживаясь строго тех правил, которые все знали практически наизусть.

В этот день все шло как обычно. Броневик в сопровождении джипа в десять сорок пять выехал с территории банка и взял направление к МКАД. На всем пути средняя скорость передвижения автомобилей должна была сохраняться в пределах шестидесяти километров в час. Так было указано в маршрутном листе, и водители старались выполнять все правила с точностью до минуты. В случае попадания в пробки они тут же обязаны были перейти на правительственную полосу, дабы ни на секунду не прекращать своего движения. Также в этом самом листе была предусмотрена и остановка. Одна-единственная, которая была обусловлена исключительно заранее предвиденным обстоятельством, а точнее, пересечением железнодорожного переезда. Того самого, который был расположен уже далеко за Кольцевой. Именно этот участок поезда всегда проходили почему-то с завидным непостоянством, надолго тормозя движение по автомагистрали. С каким интервалом, в какое время они должны проходить мимо данного переезда, было известно одному лишь богу да начальнику того самого разъезда, который отвечал за данный участок железнодорожной магистрали. Но сколько ни билась администрация банка, обращаясь к высоким чинам-паровозникам с просьбой предоставить им точное время прохождения товарняков, результат всегда был один. В более чем лаконичной и вежливой форме в бумаге всегда значился один и тот же ответ, из которого было совершенно ясно, что расписание прохождения товарных составов формируется согласно при-

сланному распоряжению, подписанному начальником узловой станции, примерно за сутки. В конце концов, смирившись со столь попустительским отношением к столь серьезным банковским проблемам, банк совсем скоро был вынужден решить вопрос по-своему. После внесения в маршрутный лист запланированной остановки вопрос был закрыт и забыт полностью.

Обе машины точно по предусмотренному времени миновали до отказа загруженные магистрали Москвы и, выйдя на Кольцевую, тут же заняли крайнюю правую полосу, что давало им возможность развивать максимально допустимую скорость. Постоянно мигающие на крыше броневика маячки заставляли догоняющие их машины тут же шарахаться в сторону и обходить столь солидно движущийся тандем по расположенным рядом полосам. Совсем скоро показался знакомый указатель, предупреждающий, что поворот на Рязань будет через три километра. Выполнив маневр, водитель броневика, облегченно вздохнув, глянул сначала на часы, затем перевел взгляд на Феоктистова.

— Ну что, Иваныч? Кажись, мы в графике?

— Да. Вроде все в порядке, — сосредоточенно глядя куда-то в одну точку, проговорил тот. Затем, словно очнувшись от каких-то мыслей, повернул голову в сторону водителя. — Еще минут сорок — и будем на месте.

— Если переезд не задержит.

— А что переезд? Ну потеряем минут пятнадцать, делов-то. Все равно самолет без денег не улетит.

— Ладно, если пятнадцать, — не унимался водитель. — А ты вспомни, сколько в позапрошлый раз стояли. Почти полчаса.

— Двадцать две минуты, — уточнил Феоктистов.

— Пусть двадцать две, но стояли же.

— Позвоню в банк. Те сообщат на аэродром, и будет все как надо. Чего ты так разволновался? В первый раз, что ли?

— А я и не волнуюсь. Просто ехать-то лучше, чем стоять.

— Согласен, — кивнул Андрей Иванович. — Но это уже зависит не от нас с тобой, а от того, как повезет. Вполне может получиться так, что проскочим и без остановки.

Но проскочить не удалось. Мигающий красный огонек семафора еще издали заставил водителя броневика выругаться и, существенно сбавив скорость, остановиться в нескольких метрах от бегущих в разные стороны рельсов. Переезд из-за того, что поезда здесь проезжали редко, не был контролируемым, а потому не оборудован ни будкой, ни шлагбаумом. Идущие сзади автомобили, практически не останавливаясь, переезжали через рельсы и двигались дальше. Водители же инкассаторских машин не имели права поступать так же, так как в инструкциях было четко и ясно сказано: «Остановиться и ждать прохождения поезда». К тому же буквально метрах в пятидесяти от переезда рельсы уходили резко влево, туда, откуда в любую минуту мог выскочить тепловоз, тащивший за собой десятки груженных вагонов. И, хотя он обязан был оповещать ожидающие его машины звуковым сигналом, пересечение рельсов в любом случае было сопряжено, хотя и с небольшим, но все-таки риском. Семафор мигал, а состава пока не было видно. Так бывало и раньше, поэтому особого волнения никто из тех, кто были в броневике, а также в машине сопровождения, не проявлял. Люди терпеливо

ждали, когда прозвучит уже привычный всем сигнал тепловоза и с грохочущим стуком пронесутся мимо них тяжелые вагоны.

Гудок тепловоза прогудел ровно через семь минут, и почти сразу же из-за поворота показалась его тупая зеленоватая морда с выпученными фарами. На этот раз двигался он не так, как обычно. Медленно и осторожно, словно подкрадывался, боясь напугать своим внушительным видом ожидающие его автомобили. Будь все люди, находящиеся в фургоне и джипе в полном сознании, они бы наверняка невероятно удивились столь необычному поведению нарушителя спокойствия, но газ, в считанные секунды распространившийся по салонам автомобилей, мгновенно заставил всех погрузиться в глубокий, совершенно безопасный для здоровья сон.

Все произошло настолько быстро, что никто даже не заметил проезжающую мимо «Волгу», которая, поравнявшись с джипом, лишь на мгновение притормозила и, исполнив тот же самый маневр, но уже у фургона, тут же поспешила к переезду. Пересечь рельсы она уже не могла, так как тепловоз, заняв все пространство переезда, полностью перегородил дорогу автомобилю, да к тому же, похоже, он и не собирался двигаться дальше. Пыхтя и содрогаясь от собственной мощи, он стоял точно посередине, словно решил использовать столь редкостную для него возможность полюбоваться теми, кто так нетерпеливо, вот уже в течение пятнадцати минут, ждал его прибытия.

Некоторое время все вокруг оставалось без движения. Ни внутри инкассаторских машин, ни в стоявшей в нескольких метрах от них «Волге», ни в самом тепловозе не происходило ничего, что хоть как-то могло прояснить ситуацию. Все было как обычно.

Машины ждали, когда стоявший на рельсах монстр освободит для проезда путь, а тот, в свою очередь, пыхтел в нетерпении, готовый сорваться с места сразу же, как только стрелочник переведет стрелку.

Банально и смешно, но, как частенько бывает в жизни, и на этот раз во всем был виноват стрелочник. Вот только кто исполнял его роль, было известно лишь одному человеку, кличка которого была Граф.

Глава 5

САМОЛЕТ

О том, что в самолете заложена бомба, первым узнал управляющий банком. По прямому телефону, минуя секретаря и помощника, номер которого знал только очень узкий круг людей, неизвестный позвонил сразу же, как только деньги были перегружены в самолет и тот, поднявшись в воздух, набрал необходимую ему высоту. Только что из кабинета вышла секретарша. Поставив на стол чашку с дымящимся кофе, она не успела даже дойти до двери, как Альберт Ефимович, поднявшись с кресла, подошел к секретеру и, открыв его стеклянную створку, вынул оттуда початую бутылку коньяку. Прихватив по пути рюмочку, он, находясь в более чем прекрасном расположении духа, вернулся к столу. Обмыть удачно проведенное мероприятие было для него делом почти святым. Полчаса назад позвонил Феоктистов и доложил, что все прошло нормально. Деньги погружены, документы вместе с «дипломатом» переданы соответствующему лицу, а сам он со своими ребятами возвращается в банк. Была, правда, небольшая заминка на железнодорожном переезде, но она не превысила до-

пустимых полчаса, поэтому звонить и докладывать о задержке он не стал.

«Ох уж этот переезд, — сразу почему-то подумал Чазов. — Похоже, он мне еще попьет кровушку».

Однако мысль о том, что транспортировка денег прошла нормально, тут же смыла из его сознания все думы о том, что никак не поддавалось решению. Альберт Ефимович уже было настроился отправить первую рюмочку в рот, как вдруг раздался тот самый телефонный звонок, который, как выяснилось позже, стал самым страшным звонком в его жизни. Не взять трубку он не мог по одной простой причине, что аппарат этот звонил крайне редко и те, кто знал его номер, были если не близкими Чазову людьми, то наверняка из числа тех, кто стоял по служебной лестнице гораздо выше, чем он.

— Здравствуйте, Альберт Ефимович! — вкрадчивый незнакомый голос заставил управляющего мгновенно сконцентрироваться и, встав из кресла, вернуть рюмку на стол.

— Если вы стоите, то советую сесть, — продолжал издеваться голос. — Потому что известие мое будет для вас настолько неприятным, что, боюсь, и на ногах не устоите. — Незнакомец хохотнул, и от его усмешки у Альберта Ефимовича по спине пробежал целый рой мурашек.

— В общем, так, — голос в трубке стал вдруг предельно сдержанным и, выдержав паузу, с полной серьезностью выпалил: — Самолет, в котором вы переправляете деньги, заминирован. Вернее, заминированы мешки, в которые упакованы деньги. Поэтому по моей команде, которую я вам сообщу, когда самолет окажется в нужном мне квадрате, вы свяжетесь с командиром корабля, и он сбросит весь груз на землю.

В противном случае мне стоит набрать всего лишь четыре цифры номера телефона, и ваш самолет тут же взлетит на воздух вместе с людьми и деньгами. — Незнакомец сознательно замолчал, дав возможность Чазову переварить все только что им услышанное.

— В следующий раз я позвоню ровно через тридцать минут, — вновь зазвучал в трубке его голос, когда Альберт Ефимович наконец полностью включился в суть по-настоящему страшной для него новости. — Я думаю, этого времени для вас будет достаточно, чтобы связаться со своим руководством, оповестить милицию и принять решение. Но учтите, на борту самолета девять человек, и, если вы не прочувствуете ситуацию, гибель их будет лежать на вашей совести.

В трубке уже вовсю гудели короткие гудки, а Альберт Ефимович все плотнее и плотнее прижимал ее к уху. Он словно боялся, что вся полученная им информация вдруг вырвется наружу и о ней узнают сотрудники банка, которым о возникших по-настоящему серьезных проблемах знать вовсе не обязательно.

Позвонил начальник управления генерал Самойлов по прямому телефону.

— Юрий Владимирович! Срочно зайди ко мне, — бросил он и тут же положил трубку.

Уже по одной только интонации генерала Рыжов сразу понял, что произошло нечто неординарное. Что именно, догадываться не имело никакого смысла, поэтому скорее машинально, чем осознанно полковник схватил со стола папку и быстрым шагом вышел из кабинета. Уже на подходе к приемной он увидел, как несколько таких же, как он, начальников отделов не менее быстро, чем он сам, шагали в направлении генеральского кабинета.

— Что случилось-то? — остановил он пробегающего мимо помощника начальника управления. — Никак в президента стреляли?

— Типун вам на язык, Юрий Владимирович, — отмахнулся тот и почти бегом кинулся в конец коридора.

— Так, — Сергей Федорович обвел нахмуренным взглядом всех присутствующих. — Кажется, все собрались? — Он вновь пробежал глазами по погонам офицеров и, остановившись на Рыжове, произнес: — У нас захват самолета. Вернее не совсем захват, а угроза его взрыва. В общем, злоумышленник позвонил управляющему банком «Возрождение» и сообщил ему, что самолет, перевозящий деньги в восточные регионы, заминирован. Требуется, чтобы мешки с деньгами были сброшены на землю в установленном им квадрате. Звонил он, — генерал глянул на часы, — десять минут назад. Повторный звонок последует ровно через двадцать минут. За это время управляющий должен принять решение.

— Сколько на борту людей? — не дожидаясь, когда генерал позволит задавать вопросы, поднялся с места Рыжов.

— Девять человек.

— И что? Этот банкир еще думает, выбрасывать ему деньги или нет?

— Нет. Не думает. Руководством банка принято решение выполнить требование террориста. Но в таком случае вся ответственность за его поимку и возвращение денег ложится на нас. А это уже даже не иголка в стогу сена. Это мешки денег в квадрате площадью в десятки километров. И, что самое страшное, полный дефицит времени.

— А сколько в самолете денег? — раздался голос майора, сидящего в конце стола.

— Всего двенадцать мешков, в каждом из которых разложено сто двадцать четыре миллиона рублей и почти два миллиона валюты.

Гомон возмущения, восхищения, смешанный с удивлением, подобно шаровой молнии, прокатился по всему кабинету.

— Вот это да! — уже во второй раз не сдержался Рыжов. — Улов так улов. К тому же вполне оригинально и без какого-либо риска. Раз — и в дамки.

— Согласен, — несколько обескураженный словами полковника, осуждающе посмотрел на него генерал. — Работал профессионал. И похоже, предусмотрел все. Надеяться на то, что сотрудники милиции окажутся в заданном квадрате раньше его, шансов нет никаких. Остается только искать.

— Искать кого? Преступника или деньги? — все еще ожидая разрешения сесть, переспросил Юрий Владимирович.

— И того. И другое. Я понимаю, что поставленная перед нами задача входит в разряд невыполнимых, но все равно решать ее надо. Поэтому займется этим делом полковник Рыжов.

— Почему я? — невольно сорвалось с языка Юрия Владимировича.

— Потому что это я так решил, — голосом, не терпящим возражения, протрубил начальник управления и, тут же отведя взгляд от Рыжова, обратился ко всем присутствующим в кабинете офицерам: — Всем — готовность номер один. Подполковнику Мануйлову связаться с командиром корабля и максимально точно определить место сброски груза. Майору Шведову, после того как будут получены данные от летчи-

ков, тут же выйти на местное отделение милиции и по возможности существующими у них силами, а также при привлечении местных жителей оцепить данный участок. Полковнику Рыжову предлагаю срочно выехать в банк и уже оттуда руководить операцией. Если не удастся взять преступников в заданном квадрате, начнем копать с банка. Совершить столь дерзкое преступление без помощников невозможно. А если они были, а быть они должны обязательно, то наверняка из числа служащих банка. Так что давай, Юрий Владимирович, поезжай к банкирам и бери это дело под свой контроль.

— Есть! — по-военному отрапортовал Рыжов и, выйдя из-за стола, покинул кабинет начальника управления.

— Где самолет находится сейчас? — задал вопрос Рыжов управляющему банком, как только тот самым подробнейшим образом рассказал ему все, с самого начала и до повторного звонка преступника.

О своем решении выполнить требование злоумышленника Альберт Ефимович сообщил ему сразу же, как только тот через обещанные тридцать минут вновь позвонил на его личный телефон. Однако, к удивлению банкира, в ответ на его сообщение не последовало никакой реакции. Лишь только холодные, до тошноты дерзкие распоряжения по поводу места сброса груза — и вновь короткие гудки.

— Судя по последним данным командира корабля, — управляющий банком взглянул на часы, — ровно пять минут назад он был вот здесь.

Чазов ткнул пальцем в висевшую на стене огромную карту России, на которой красными флажками были отмечены города, имеющие филиалы банка «Воз-

рождение». И среди всего этого краснознаменного парада на пространстве в десятки тысяч километров красовалась маленькая серебристая фигурка самолета. Он словно пробирался среди развевающихся на бескрайних просторах России знамен на восток.

Подумав об этом, Рыжов посмотрел на управляющего, которому явно было не до сантиментов.

— Вот здесь, — не отрывая пальца от самолета, еще раз повторил Чазов. — А теперь наверняка он уже тут. — Управляющий ловко передвинул самолет на несколько сантиметров вправо. Это примерно восемьсот километров от Москвы.

— А где указано сбросить деньги?

— Вот здесь. Явно не отклоняясь от курса движения самолета. — Альберт Ефимович еще раз двинул палец вперед. — Это уж около тысячи, а то и больше. В данный момент самолет снижается до допустимой высоты, чтобы можно было избавиться от груза и, развернувшись, идти обратным курсом.

Внимательно осмотрев на карте место сброса денег, Рыжов задумался.

Однако на этот раз замыкаться он не стал, а продолжил рассуждение вслух. Так было гораздо удобнее контролировать ход своих мыслей, да и сам управляющий в случае чего, если не подсказать, мог хотя бы напомнить или поправить Юрия Владимировича.

— Если поставить себя на место преступника, то я бы приказал сбросить мешки там, где наиболее проходимые места, достаточно много подъездных путей и совсем мало озер, рек и болот. Если деньги будут все-таки сброшены в данном квадрате, то они за просто могут нарушить планы злоумышленника, я имею в виду их попадание в непроходимые места или

в какой-нибудь водоем. Кстати, что собой представляют эти самые мешки?

Ответить на вопрос полковника Чазову не позволил звонок телефона. Выслушав сообщение, управляющий банком вновь повернулся к Рыжову:

— Деньги сброшены.

Юрий Владимирович, тут же схватив со стола трубку, набрал номер начальника управления и предельно сдержанно сообщил координаты места, куда должны были приземлиться мешки с деньгами.

— Так что же собой представляют эти ваши саквояжи? — сразу же после этого повторил он свой вопрос, вглядываясь в участок карты, куда Чазов уже успел прилепить черный флажок.

— Обычные мешки, сшитые из плотной толстой кожи, с секретными замками и оснащенные специальными устройствами, которые при неправильном их открывании подают сигнал SOS.

После последних слов управляющего Рыжов вдруг сразу вспомнил Графа, который как раз подзалетел на этом самом устройстве, за что и заработал восьмерик.

«Надо будет проверить, где в данный момент находится этот самый Граф», — подумал он и тут же включился в дальнейшие объяснения Альберта Ефимовича.

— Мешки не могут ни разорваться, ни развалиться на куски и даже сгореть, так как материал, из которого они сшиты, настолько пропитан специальной жидкостью, что огонь просто не берет.

— Но утонуть-то они могут? — прервал Чазова Юрий Владимирович.

— Утонуть? Да. В свое время вопрос стоял о том, чтобы снабдить эти самые саквояжи надувными ми-

ни-плотиками, но потом посчитали, что это лишнее да к тому же и очень дорогое удовольствие.

— Уж это точно, — усмехнулся Рыжов. — Удовольствие не из дешевых. Значит, можно запросто предположить, что, если эти самые ваши саквояжи попадут в какой-нибудь водоем, они тут же утонут, и, чтобы достать их, необходимо будет очень даже продолжительное время. Если вообще их можно будет вытащить.

— А что это даст? — не понимая, куда клонит милицейский начальник, удивленно посмотрел на него управляющий банком.

— А то, что преступнику для этого понадобится время, которое в данный момент явно играет не в нашу пользу.

— Тогда могу вас огорчить. При проведении испытаний мешки наши еще полчаса болтались на плаву, пока кожа не взяла в себя достаточное количество влаги и они не затонули.

— Значит, полчаса у злоумышленника все-таки есть.

— А если деньги упали на открытое пространство? — не успокаивался Чазов.

— Тогда он наверняка будет там быстрее, чем сотрудники милиции.

— И что? Найти его уже будет невозможно?

— Я бы сказал, сложно, — вынужден был поправить банкира Рыжов, видя, как резко изменилось выражение его лица. — Кстати, вы можете выяснить у летчиков хотя бы примерно допустимый радиус падения груза с той высоты, с которой они его сбросили.

— Уже.

— Что — уже? — не понял полковник.

— Уже выяснил, — искренне проникаясь уваже-

нием к самому себе за то, что сумел предугадать вопрос милицейского начальника, гордо посмотрел на Рыжова управляющий банком.

— И каков же?

— Учитывая скорость движения, вес каждого саквояжа, а также сделав поправку на ветер, расстояние между точками их падения должно будет составлять примерно метров двести-триста. А радиус площади, куда попадет груз, — что-то около километра.

— Ну что же, это уже кое-что, — думая о чем-то своем, вновь повернулся к карте Юрий Владимирович.

Получив копии всех необходимых бумаг, а также внимательно прочитав отчет старшего инкассатора Феоктистова, Рыжов почему-то особо отметил в своем сознании вынужденную задержку машин на железнодорожном переезде.

— Надо будет проверить и это обстоятельство, — подумал он, вновь вспомнив о Графе.

Назначив каждому из участников транспортировки денег время беседы на завтра, с интервалом в тридцать минут, Юрий Владимирович поспешил в управление. Прошло примерно два с лишним часа, после того как он уехал в банк, но за это время сообщение о том, что участок, куда должен был приземлиться груз, оцеплен, так до сих пор и не поступило. Хотя, по всем предположениям Рыжова, оно должно было прийти еще минут сорок назад.

По прибытии в контору он уже хотел было звонить Шведову, который по распоряжению генерала нес ответственность именно за этот участок работы, но неожиданно дверь кабинета открылась, и на поро-

ге появился сам майор, о котором только что вспоминал Рыжов.

— Мог бы и позвонить, — удивленно глянул на него Юрий Владимирович.

— Мог бы. Но вопрос, как говорится, требует личного общения.

— Что еще за вопрос?

— А то, что первые поиски преступника по всему периметру оцепленного участка не дали никаких результатов.

— А деньги? Деньги найдены?

— В том-то и дело, что нет ни денег, ни следов злоумышленников, — не переставал удивлять Шведов.

— Так что же здесь такого сверхъестественного? По-моему, все ясно и понятно, — ехидно хмыкнул Рыжов, явно ощущая в себе все больше и больше разрастающееся чувство злости. Было такое ощущение, словно капкан захлопнулся, а зверьку каким-то чудом удалось уйти.

— Вот как раз ничего и не ясно. И уж тем более непонятно. Участок был оцеплен в течение полутора часов. Это крайне минимальное время для перекрытия путей отхода на столь заболоченном и покрытом лесами участке. Тем не менее в данном квадрате не обнаружено никаких следов, причем ни денег, ни людей. Местные охотники, что задействованы в поисках, уверяют, что уйти из этого района незамеченным человек не мог никак, если он, конечно, не из числа местного населения.

— А этот вариант отрабатывали?

— Само собой.

— И что?

— Пусто.

— Тогда остается одно — расширить зону поисков.

Все с более и более настырным упорством, включаясь в работу, Рыжов где-то подсознательно чувствовал, что это не он ведет поиски пропавших денег, а его самого преступник загоняет в такую глухую чащобу, откуда выбраться полковнику будет не так-то просто. Еще не зная, что ждет его впереди, он был уже почти на все сто уверен, что след злоумышленника существует, правда, не на траве и не на проселочных дорогах, а где-то в прошлом. И ведет он совершенно не в ту сторону, в которую они двигаются с самого начала. Однако мысли и рассуждения — это одно, а факты, как вещь неоспоримая, — это совсем другое. Деньги или хотя бы место их падения надо было найти во что бы то ни стало. Ведь не могли же они вот так запросто раствориться в квадрате размером всего лишь с километр на километр. .

— Значит, говоришь, с местным населением поработали? — С трудом отбросив в сторону мешающие вести диалог мысли, Рыжов склонился над разложенной на столе картой района. Он смотрел на нее так, словно хотел среди разного рода линий увидеть бегущего человека. Вот только бежал он почему-то совсем не в сторону мешков с деньгами, а в совершенно противоположном направлении, причем так, чтобы все видели, куда именно, и непременно устремились по его следу. Взяв со стола карандаш, Рыжов аккуратно обвел тонкой линией участок, куда, судя по координатам, могли упасть с неба деньги.

«Надо же, как в сказке. Деньги падали с неба», — подумал он и улыбнулся.

— Поработали, — уверенно констатировал майор. — Да там и населения-то раз-два и обчелся. Все

деревеньки уже давно заброшены, а если и остались еще кое-где люди, то в основном это одни старики да старухи.

— Ну а вот эти два озерка проверяли? — Рыжов сделал отметку на карте.

— Одно.

— Что — одно? — не понял он ответа Шведова.

— Осталось одно озеро. Другое уже два года как высохло.

— А то, которое осталось, большое?

— В общем-то, да. Протяженность примерно метров четырехста. Само оно — широкое и длинное, да и глубина местами достигает восьми метров. Сейчас как раз в этом районе ведутся поиски. Местные рыбаки тралами и разного рода приспособлениями проверяют дно. Очень работу усложняет то, что берега обрывистые и сплошь заросшие кустарником.

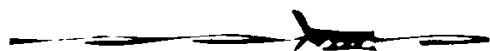
— Пусть всем, кто задействован в поисках, пообещают приличное вознаграждение. С банком я договарюсь.

Рыжов ожидал, что майор тут же ринется к себе в кабинет звонить начальнику тамошнего районного отделения милиции, но Шведов почему-то не стал проявлять ожидаемого рвения. Мало того, он словно замялся, соображая, рассказывать полковнику о своих соображениях или все-таки не стоит хотя бы до окончания поисков.

— Ты чего, Сергей? — решил помочь ему в борьбе с собственной нерешительностью Юрий Владимирович.

— У меня, товарищ полковник, такое чувство, что мы пустышку тянем, — тут же разродился Шведов.

— То есть как пустышку? — невольно находя в

словах майора поддержку своим собственным мыслям, на всякий случай решил уточнить Рыжов.

— Очень просто. Мне кажется, нет никакого преступника. Деньги есть. Вернее, должны быть. Рано или поздно мы их все равно найдем. А вот того, кто их должен был искать в первую очередь, нет и, похоже, уже не будет.

— Откуда такая уверенность?

— Да вы сами подумайте, товарищ полковник, — неожиданно оживился Шведов. — Любой бы на их месте, если уж пошел на такой шаг, постарался бы задействовать все силы, чтобы уже в течение часа, хоть со дна озера, но поднять деньги. И какие деньги! Да на них можно не только вертолет с аквалангистами нанять, а весь квадрат заранее в асфальт закатать, чтобы они прямо в багажник машины упали. — Шведов от обуявшего его вдруг волнения с трудом, но перевел дыхание.

— Значит, исходя из твоей бурной реакции на все происходящее, можно сделать вывод, что деньги, упавшие с неба, никто не ищет и не собирается искать?

— Получается, что так.

— А может быть, они ошиблись и рыскают не там, где надо?

— Ага, — расхохотался Шведов. — Не такие они дураки, товарищ полковник, чтобы придумать столь грамотный финт с самолетом и так бездарно профукать миллионы. Нет. Здесь что-то другое. А вот что? Пока понять не могу.

Мешки нашлись лишь на следующий день к вечеру, когда уже задействованные в поисках люди почти полностью потеряли веру в то, что они вообще

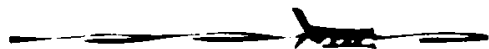
упали именно в этот квадрат. Майор Шведов, которому пришлось вылететь на место поисков, уже подумывал о том, чтобы расширить зону допустимого для розыска пространства, и практически принял решение о смещении его дальше на восток, когда по радиции пришло сообщение, что первый мешок поднят со дна озера. Одному из местных жителей удалось багром зацепить его и после невероятных усилий вытащить на берег.

Шведов тут же выехал на место обнаружения саквояжа.

Продолжать поиски было невозможно из-за быстрого наступления темноты. К тому же место, где был найден первый мешок, находилось в сплошь заросшем районе озера, по берегу которого стеной возвышались вековые сосны. Разбив костры прямо здесь на поляне, Шведов, выставив охрану, так и не сомкнул в ту ночь глаз.

Работа тяжелая, изнуряющая началась с самого рассвета, и уже к обеду все мешки были найдены и сложены в один ряд прямо здесь на траве, около наспех сколоченного стана. Семь из двенадцати подняли со дна озера, причем точки их нахождения не были уж так далеки друг от друга, как с самого начала предполагали все входящие в группу поиска люди. Да и сам Шведов тоже больше склонялся к тому, что разброс должен был быть гораздо больше, чем это обнаружилось позднее. По всей видимости, мешки сбрасывали с самолета в несколько рук и люди, выполняющие приказ, явно действовали быстро, даже, наверное, излишне торопливо, возможно, от страха, что преступник взорвет самолет.

Три удалось обнаружить в кустах уже примерно метрах в трехстах от лагеря, по ту сторону озера. А еще

два висели высоко на ветках сосны, поэтому для того, чтобы снять их, пришлось валить вековые деревья. Все мешки были целы, хотя изрядно потрепаны и побиты сучьями. Особенно досталось тем, что были найдены на дне озера. На них виднелись следы багров, а кое-где кожа даже была надорвана. Однако замки весьма успешно прошли все выпавшие на их долю испытания и были в абсолютной целости и сохранности. Пломбы подтверждали, что никто саквояжи не вскрывал, и это несколько успокоило Шведова.

Получив приказ содержимое не проверять, майор, обеспечив деньгам достойную охрану, которая состояла из четырех вооруженных пистолетами милиционеров, уже через два с половиной часа прибыл в Уфу, где на аэродроме их дожидался небольшой самолет. Здесь он, передав под расписку саквояжи начальнику охраны, попрощался с ребятами из районного отделения милиции и вместе со злополучными мешками отбыл в столицу.

— Ну вот, главное дело мы сделали. Деньги возвращены банку, — явно радуясь столь успешно законченной операции, в которой его люди проявили себя самым наилучшим образом, генерал, расхаживая по кабинету, не скупился на похвалы и обещания отметить всех, кто был хоть как-то задействован в этом деле. — Теперь надо спокойно все взвесить. Проверить и начать поиски преступника-неудачника, который смог заставить выбросить с самолета деньги, но явно не проявил достойной сообразительности, для того чтобы найти их и поднять со дна озера.

Генерал не успел договорить придуманную им же версию столь необъяснимой нерасторопности пре-

ступника, как дверь в кабинет открылась и на пороге появилась взволнованная секретарша.

— Сергей Федорович! Вас срочно к телефону.

— Кто?

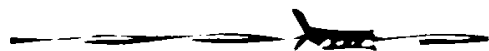
— Чазов. Альберт Ефимович.

— Что? Нельзя было подождать? — Явно раздражаясь оттого, что ему не дали до конца довести совещание, генерал вернулся к столу.

— Он говорит, что вы ему нужны срочно, — произнес в свое оправдание заметно сникшим от полученного выговора голосом, женщина тут же вышла из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

— Самойлов слушает, — уже через несколько секунд прогудел в трубку Сергей Федорович. И тут же, после первых сказанных в ответ ему слов, о смысле которых присутствующим в кабинете офицерам приходилось лишь только догадываться, генерал заметно сник и уже весьма удрученным голосом переспросил: — Как это в мешках нет денег?

Взгляды Рыжова и Шведова моментально вонзились друг в друга. И, хотя при этом не было сказано ни слова, обоим стало вдруг абсолютно ясно, что их опасения по поводу выброшенных из самолета денег были не напрасны. Они столкнулись с хитро задуманной преступником уловкой. С этой минуты оставалось только догадываться, зачем же все-таки понадобился ему весь этот спектакль. То, что деньги были украдены из инкассаторской машины, было ясно как божий день. Но при всей очевидности данной версии было абсолютно не ясно, почему все сопровождающие груз люди в один голос говорили, что к машине никто из посторонних допущен не был. Данный факт наводил на некоторые, не имеющие пока конкретного объяснения, мысли. Каким образом деньги могли

быть похищены из машины, если, по утверждению инкассаторов и всех, кто находился в машинах, никто к ним не прикасался? Это уже был не вопрос, а целая проблема, потому что касалась она не одного какого-то конкретного человека, а вполне реально существующей группы людей. Конечно, сговор в сложившейся ситуации не мог рассматриваться изначально как основная версия, потому что все причастные к ограблению люди практически не были знакомы друг с другом, а следовательно, и их жизненные пути до этого времени нигде и никогда не пересекались. Чисто теоретически предположить такое, конечно, можно было, но в процентном отношении допустимость сговора была настолько маловероятной, что Рыжов тут же отбросил версию о сговоре как мешающую рассуждать с позиции логики.

В то время когда в кабинете начальника управления обстановка была накалена до предела, в хранилищах банка, где собрались все руководители, включая самого управляющего, уже вовсю разгуливала паника. Как только саквояжи с деньгами прибыли в банк, Альберт Ефимович тут же распорядился создать комиссию по вскрытию мешков. Настроение всех присутствующих было более чем раскрепощенным и даже несколько беспечным. Радость оттого, что все закончилось лишь только трепкой нервов и двумя сутками переживаний, явно переполняла сердца руководителей. Да и сам господин Чазов, судя по его постоянно слетающим с языка остротам, был в благоприятном расположении духа.

— Открывайте, — отдал команду Альберт Ефимович, подготовившись к встрече с тем, чем вот уже почти тридцать часов были заняты его мысли.

Руководитель хранилищ достал из кармана при-

готовленный заранее ключ и, привычным движением сунув его в скважину замка того самого саквояжа, на котором стояла цифра «один», повернул его в сторону. Замок щелкнул, и тут же створки со вставленными в них металлическими стержнями разошлись в стороны. Чазов кивком подал знак стоявшим рядом двум представителям службы безопасности, и те, в четыре руки подняв саквояж с пола, вытряхнули все его содержимое на специально приготовленный для этого огромный металлический стол. Сцена, произошедшая уже в следующую минуту, была похожа на встречу с пришельцами, которые посадили свою летающую тарелку прямо в огороде, среди грядок с морковкой и капустой. Немая сцена длилась ровно столько, сколько нужно для того, чтобы после первого потрясения человек наконец смог прийти в себя. Альберт Ефимович, словно ужаленный, сорвавшись с места, подскочил к столу и, разбросав по сторонам газеты, журналы и иную макулатуру, взвыл звериным рыком. Это был крик не человека, а волка, загнанного охотником в угол. Во всех вскрытых саквояжах было то же самое, что и в первом. Только вот в последнем, кроме старых газет, находилось еще какое-то старое рваное тряпье, как будто у злоумышленника в свое время возникла одна непростая проблема, где взять такое количество макулатуры, и он, не мудрствуя лукаво, сунул в мешок первое, что подвернулось ему под руку.

Извергая проклятия в адрес всех и вся, Чазов, хлопнув дверью, покинул хранилище. После чего, поднявшись по служебной лестнице на второй этаж, прошел к себе в кабинет и, закрывшись на ключ, просидел там до самого вечера, предварительно дав команду секретарше, чтобы она к нему сегодня никого

не пускала. Оставшись один, он, прежде чем набрать номер телефона генерала, подошел к секретеру и, наполнив стакан сразу наполовину коньяком, в три глотка осушил его до дна.

Глава 6

КРУГОВЕРТЬ

«Волга», поравнявшись со стоявшими у железнодорожного переезда машинами инкассаторов, на мгновение притормозила сначала у джипа, затем переместилась к фургону. Сидящий за рулем Граф, нажав пульт дистанционного управления поочередно на обе машины, нажал на красную кнопку и, отвалив в сторону, помигал фарами машинисту.

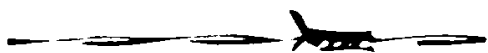
Всего в деле участвовало шесть человек. Кроме Графа, Сыча и Лехи Воронцова, были приобщены еще трое. Это Грач, Хлыст и еще машинист тепловоза, с последним лично сам Граф не был знаком, но, по уверениям все того же Сыча, он был мужиком надежным. В свое время судьба свела их вместе в одной из колоний Сибири, где Юрка Малышев отбывал срок за убийство жены, которую случайно поймал в постели со своим же сменщиком, вернувшись раньше положенного времени с работы. Он хотел прибить и его, но, вовремя вспомнив, что за двоих срок ему уже не потянуть, отдубасил бывшего товарища так, что тот потом месяц провалялся в больнице, и прямоком направился в милицию, где мусора оформили ему явку с повинной. Срок двенадцать лет, полученный Стрелочником, такое погоняло прилепили Юрке зэки в первый же день, как только он появился на зоне, мог быть несколько меньше, но судьей как на-

зло оказалась женщина, которая, проявив женскую по отношению к убитой солидарность, впаяла несчастному по самое не хочу, что крайне удивило на суде даже прокурора. Правда, позже кассация адвокатов смогла скостить срок до восьми годков, которые Стрелочник, как и положено, отбарабанил день в день. После освобождения он вновь вернулся на свое родное предприятие, Московскую железную дорогу, где в поте лица и трудится по сей день.

Когда возник вопрос, где найти такого машиниста, который бы согласился помочь им в деле, Сыч сразу же вспомнил о Стрелочнике. Рассказав о бывшем кореше Графу, он уже на следующий день вышагивал между рельсами в поисках депо, где Юрка Малышев готовил свою машину к рейсу. Опасаясь, что тот не согласится участвовать в ограблении, Сыч был крайне обрадован, когда Стрелочник, внимательно выслушав его, тут же согласился участвовать в деле без всяких ненужных вопросов.

Это он управлял тем самым тепловозом, который перегородил дорогу машинам инкассаторов.

Грач с Хлыстом, после того как лихо провернули дело с баллончиками, содержащими в себе сильнодействующий газ, который уже при первом вдохе и проникновении в организм человека вызывал мгновенный сон, получили от Графа новое задание — стоять на стреме. В их обязанность входило контролировать ситуацию на подъездных путях к переезду. Уже во второй раз, напялив на себя ментовскую форму, оба, как только «Волга», за рулем которой находился сам организатор преступления, проследовала в направлении переезда, перегородили дорогу по обе стороны от железнодорожного пути и под предлогом дорож-

но-транспортного происшествия в течение примерно двадцати минут сдерживали проезжающие машины.

Сыч же залег с автоматом в кустах на тот самый крайний случай, если дистанционное управление не сработает и газ не захочет поступать в салон. Все происходило согласно разработанному плану с точностью до секунды. Ровно через две минуты, а именно столько времени требовалось для того, чтобы все, кто был в машинах с деньгами, уснули глубоким, но не продолжительным сном, Граф вышел из припаркованной на обочине машины и двинулся в сторону фургона. Проходя мимо джипа, он на всякий случай постучал в одно из его окон, а когда в ответ ему не прозвучало ни звука, он, воодушевленный удачей, проследовал к броневику. Поравнявшись, он несколько раз стукнул по кузову, дожидаясь, когда Воронцов откроет ему двери. Кубарем вывалившийся из машины Леха тут же зашелся долгим, продолжительным кашлем. Носовой платок, заблаговременно смоченный водой и прижатый им к носу, несколько уберег его от действия газа, но не настолько, чтобы вообще не смог повлиять на работу организма. Махнув рукой, Граф дал знак Стрелочнику и Сычу, которые, тут же выскочив из своих укрытий, кинулись к машине. Пока шеф их занимался своими делами, а именно вытаскивал из-под сидений газовые баллончики, им вместе при помощи Воронцова понадобилось ровно шесть минут для того, чтобы перетащить мешки с деньгами в тепловоз, а уже оттуда в обратном направлении точно такие же саквояжи, до отказа забитые макулатурой. Еще две, чтобы прикрепить к ним родные бирки, зафиксировать специальные пломбы, и две для исчезновения с места ограбления. Когда все было сделано, Граф, глянув на часы, подал сигнал Лехе, и

тот, заняв свое место в фургоне, привалился спиной к холодной металлической стенке. Притворившись спящим, он, охваченный волнением так, что ноги в коленях тряслись сами собой, замер в ожидании, когда его товарищи придут в сознание.

Тепловоз, громко шаркнув всеми своими огромными колесами по рельсам, степенно сдвинулся с места. После чего, все больше и больше набирая обороты, покатил туда, откуда прибыл всего лишь полчаса назад. Сыч, стоя в кабине рядом со Стрелочником, проводил глазами удаляющуюся «Волгу» и, еще раз глянув на сложенные в кучу мешки, обнажив свои прокуренные зубы, загоготал во все горло.

— Ты это чего? — удивленно посмотрел на него Стрелочник.

— Да вот подумал, не купить ли мне у тебя твоего железного коня?

— На кой он тебе, такой огромный?

— Тебе хочу подарить, чтобы катался ты по рельсам и ни от кого не зависел. Захотел — поехал в Питер. Захотел — в Сочи. Ты только глянь на эти мешки. Там денег столько, что можно купить целый состав, например, Владивосток — Москва.

В одном из железнодорожных тупиков саквояжи с деньгами благополучно были перегружены в специально приобретенную для такого случая «Газель», по бокам которой красовалась надпись «Ритуальные услуги». Часть мешков сложили в гроб и на всякий случай забили его гвоздями. А оставшиеся саквояжи спрятали в ящик, изготовленный по специальному заказу Графа и смонтированный под сиденьями.

В свое время, готовясь к ограблению, он неожиданно столкнулся с такой проблемой, которая на первый взгляд вроде как и вовсе не выглядела пробле-

мой. Все было настолько просто, что проще и не придумаешь. Но когда Граф конкретно занялся этим вопросом, он вдруг понял, что оказался в тупике. Куда везти мешки с деньгами — вот что было абсолютно непонятно. На квартиру, где десятки старческих глаз сутками глядят в окно в ожидании чего-нибудь необычного? Глупо и смешно. Представив себе, как он с поделщиками затаскивает гроб в дом, Граф тут же отказался от этой мысли. Специально арендовать для этого где-нибудь гаражный бокс? Также было чревато опасностью попасться на глаза какому-нибудь автолюбителю или не в меру любопытному сторожу. Снять в пригороде дом и уже там спрятать всю добычу? Также существовал вполне реальный шанс залететь. Причем случайно, что было бы вдвойне обидно. Проблема никак не хотела решаться, и Графа все чаще и чаще посещала мысль, что он, оказавшись в этом непонятном тупике, все-таки должен пойти на риск. И наверняка он на него пошел бы, если бы не его обычная осторожность. Только она заставляла Графа проявлять терпение и дальше искать выход из тупика. По всем замыслам, помещение должно было иметь свой собственный, скрытый от чужих глаз въезд. А также такое предназначение, чтобы никоим образом лишний раз не привлекать внимания любопытных граждан.

Поделившись с Сычом мыслью о том, что он намерен перевезти деньги в фургоне для похоронных услуг, Граф вдруг получил от него такой совет, который одним махом решил его самую главную проблему.

— А ты арендуй небольшой магазинчик, где и машину можно было бы спрятать, и бабки занывать.

Напишем вывеску: «Белый ангел», и все дела. А на дверях повесим объявление: «Ремонт».

Совет стоил дорогого, и Граф сразу представил себе небольшое аккуратное здание, со всех сторон окруженное высокой оградой. Это было бы весьма и весьма на руку, так как не только представлялась возможность перенести в помещение деньги, предварительно не засветив их, но и держать на привязи «Газель», чтобы в любой момент можно было быстро сделать ноги. Подобрать такое помещение, было делом непростым. Но, так как сам московский мегаполис представлял собой настолько огромное пространство, на территории которого можно было найти хоть черта, Граф, тут же обложившись рекламными газетами, начал трезвонить в разные точки столицы, задавая одинаковые по смыслу вопросы. Вскоре, после нескольких часов поисков, такое помещение было найдено, и уже на следующий день, внимательно осмотрев его, он принял решение о заключении договора. Как только ключи от бывшей парикмахерской перешли в руки Графа, он уже на следующий день загнал туда работяг, которым предстояло из обычной, небольшой по своим размерам комнатки сделать самый настоящий сейф. Вот там-то и должны были найти свой приют саквояжи с деньгами. По соседству же находились еще два помещения, вполне пригодные для жилья.

Еще накануне проведения операции всем, кто участвовал в ограблении, было строго-настрого приказано обеспечить себе алиби. К Лехе же у Графа было особое отношение. Причиной тому стало то, что ввиду своего непростого положения парень, как и все те его коллеги, что были в фургоне, автоматически попадал под плотный перекрестный контроль как со

стороны службы безопасности самого банка, так и тех следователей, которым была поручена раскрутка данного ограбления. То, что Воронцову предстояло пережить очень даже серьезный натиск со стороны милиционеров, Графа, наверное, волновало больше всего. Он с самого начала не хотел показываться парню на глаза и делал для этого все возможное и невозможное, но постепенно все же был вынужден смириться с мыслью, что встретиться им в любом случае придется. Это означало, что Воронцов будет знать его в лицо. Теперь все зависело от его силы воли и актерского мастерства. Сможет тот убедить больших милицеских начальников в том, что никаким боком не причастен к ограблению, — быть им всем в санях. Если же сломается и даст слабину, придется Графу дергать из страны подальше и как можно быстрее.

В любом случае время еще было. И было оно благодаря столь умелому фокусу, придуманному самим Графом по поводу заложенной в самолете бомбы. Это давало возможность сбить с ритма расследования милицию и тем самым выиграть несколько дней. И, хотя где-то глубоко в душе он все же сомневался, что данный вариант проскочит, однако судьба распорядилась по-своему, и Граф ликовал.

— А ведь получилось! — Столь добрую весть принес вчера Сыч, которому позвонил Леха и все рассказал подробнейшим образом.

— Надеюсь, он говорил с тобой не по домашнему телефону? — буркнул Граф. Однако, не забыв про себя отметить, что настроение его от этого не испортилось, а даже стало еще лучше. Невольно представив выражение лиц банкира и генерала милиции, когда они узнают, что в мешках вместо денег находится груда бумаги и старых тряпок, Граф не выдержал и

расхохотался. Он торжествовал, ибо испытывал ко всем, кто носил на плечах синий китель, увенчанный золотыми погонами, ненависть.

После нескольких минут расслабления Граф, вдруг вновь став предельно серьезным, поднялся с дивана и минуты три мерил шагами комнату. После чего остановился и, глянув на Сыча, проговорил:

— Сейчас пойдешь в магазин, купишь всего самого лучшего и побольше. Гулять будем. А заодно сообщи Грачу с Хлыстом, чтобы они завтра же приступали к выполнению следующего задания. Только пусть сделают все аккуратно и без помарок, а то, не дай бог, напортачат, тогда уж точно придется когти из страны рвать.

Согласно дальнейшему плану, который в данную минуту был направлен исключительно на то, чтобы как можно быстрее вывести из-под подозрения Леху Воронцова, необходимо было сделать один небольшой, но очень даже важный шаг: скомпрометировать в глазах милиции кого-либо из его коллег. Выбор пал на главного, кто отвечал за транспортировку груза, господина Феоктистова. Поэтому еще там, в машине, когда Андрей Иванович спал мертвецким сном, Граф не забыл облазить все его карманы и, найдя в одном из них небольшую связку ключей, снять с них слепки. Задумка была простая. Перед Хлыстом и Грачом ставилась задача пробраться в квартиру Феоктистова и там, где-нибудь в укромном месте, сделать тайничок. А в тайнике занывать кое-какие компрометирующие материалы, например план захвата броневика, пломбиратор, немного денег и один из саквояжей из числа тех, что Граф с Сычом приобрели на фабрике.

«Если умело подсунуть зацепку милиции, то они наверняка клюнут на эту удочку, а значит, и подце-

пят на крючок беднягу Феоктистова», — размышлял Граф, когда придумывал всю эту затею с подставой.

В том, что рано или поздно уловка его раскроется, он, конечно же, не сомневался, но сейчас для него было главным — отвести подозрение от Воронцова, а значит, тем самым выиграть еще несколько дней.

Праздник получился на славу. Пили много и долго, да так, что утром ни тот, ни другой не смогли оторвать голову от подушки. Весь вечер, пока рекой лилась водка и ложками черпалась прямо из банки икра, Сыча то и дело подмывало задать Графу главный, вот уже несколько часов мучающий его вопрос. Сколько же все-таки они взяли денег? Но каждый раз, как только он пытался подобрать нужные слова, то тут же вспоминал наказ шефа — не спрашивать и не говорить о деньгах вообще, словно и не было никакого ограбления. Это, по мнению Графа, должно было помочь всем справиться не только с быстро возрастающим волнением по поводу получения своей доли, но и теми переживаниями, когда человек, зная, на сколько сработала бригада, начинает мысленно подсчитывать сумму причитающейся ему доли. Но это было бы еще полбеды, поскольку другие в такой ситуации начинают думать не о доле, а о том, кто и какой вклад внес в общее предприятие. И, как правило, это до добра не доводит. А тот, кто считает, что ему положено больше всех, может запросто спалить всех своих подельников сразу. Расклад был всем известен изначально. Причем исключительно в процентном отношении. А потому каждый участник ограбления заранее знал, что ровно через десять дней после проведенной операции он получит свою долю.

Так решил Граф, и никто не собирался это оспаривать. Он же и устанавливал процент каждого из всех шестерых, задействованных в деле. Самому инициатору проекта причиталось сорок долей от общей суммы. Сычу — двадцать. Пятнадцать — Воронцову. Грачу с Хлыстом — по десять и пять — Стрелочнику. Поэтому оставалось только подсчитать, сколько же это будет в деньгах. Именно этот вопрос и не давал покоя Сычу, а значит, и водка не пробивала его до основания. И все потому, что человек не был раскован до конца, да и душа его ни в какую не хотела принимать горькую, потому что была занята совершенно другими мыслями.

— Да расслабься ты, — еле ворочая языком, проговорил наконец Граф, видя, как у кореша его уже основательно помутнели глаза, но мыслит он совершенно трезво. — Ну хочешь, я тебе скажу, на сколько ты сегодня разбогател? А то и вообще открою сейф и выдам тебе твою долю?

— Долю мне мою не надо. Отдашь, как и всем, через десять дней. А вот насчет всей суммы узнать бы было неплохо. А то по процентам вроде как много, а по натуре — непонятно. Я ведь институтов не кончал, а потому бабки привык считать в рублях, а лучше в тысячах.

Глаза Сыча горели, а на скулах вдруг так заходили желваки, что выступили бледные пятна. По всему было заметно, что Граф, начав разговор про деньги, заговорил о том, что больше всего сейчас волновало Сыча.

— Значит, в тысячах, говоришь? — усмехнулся он и, вылив в рот очередную дозу спиртного, подцепил ложкой из банки икры. — А в миллионах не хочешь?

— Что? — открыл рот Сыч.

— А то. Почти двадцать пять лимонов деревянными и еще четыреста тысяч валютой. Вот твоя доля.

От услышанного Сыч сначала долго хлопал глазами, затем, наполнив стакан сразу наполовину водкой, хлопбыстнул его так, что кадык на горле даже не дернулся. Водяра как будто провалилась в трубу.

Вечер был испорчен окончательно, потому что реакция напарника была совершенно не такой, какой ожидал Граф. Услышав, сколько ему причитается денег, Сыч почему-то не стал прыгать и хохотать от радости. Обхватив голову руками, он сидел на диване и, подобно маятнику, раскачивался из стороны в сторону. Иногда, правда, молча поворачивался к столу и, протянув руку к бутылке, наливал очередную дозу водки и выпивал ее, словно воду. Так продолжалось до тех пор, пока не кончилось спиртное. Правда, к тому времени Сыч уже не только не имел каких-либо сил воспринимать реальность, но и занимать сидячее положение. Он вдруг резко качнулся влево и тут же рухнул на диван, так и оставшись на нем сложенным в две погибели.

Наверняка следующий день был бы вычеркнут из жизни полностью, если бы Графу не удалось путем невероятной силы воли заставить себя подняться и, приняв душ, сварить кофе. Чашка горячего напитка несколько сгладила мучающее его похмелье, хотя, конечно, можно было бы воспользоваться и пивом. Но данный способ решать проблемы со здоровьем после бурно проведенного дня накануне никогда не входил в арсенал борьбы Графа с похмельем, поэтому, довольствуясь тем, что было проверено годами, он уже через час покинул свое новое логово.

Сегодня ему предстояло две встречи, одна из которых была для Графа, наверное, самой важной, так

как именно от нее зависело, насколько успешно он сумеет повернуть задуманное. В случае удачи он мог бы со спокойной душой дернуть из этой проклятой богом страны туда, где море солнца, а те, у кого есть деньги, ласкают мулаток-шоколадок. Еще месяц назад он по своим старым каналам попытался выйти на людей, которые могли бы за приличный процент превратить все добытые им «дрова» в достойные деньги. Но тогда разговор не получился, так как еще не было в наличии самого предмета разговора, и, хотя Граф понимал, что он явно поторопился, все равно где-то подсознательно он чувствовал, что встреча эта не прошла для него даром. Сегодня он мог говорить уже предметно, называя конкретные суммы, сроки и свои условия.

Найдя свободный телефон-автомат, Граф, зайдя в будку, со спокойным сердцем набрал необходимый номер. На том конце провода долго не отвечали, словно вообще не хотели подходить к аппарату, и, когда, уже посчитав, что никого нет дома, он хотел было нажать на рычаг, послышалось характерное потрескивание и уже знакомый голос недовольно проговорил:

— Алло! Я вас слушаю.

— Это я. — Граф частенько представлял себе в мыслях этот разговор, а потому, сейчас контролируя каждое сказанное им слово, сознательно не называл своего имени, по одной простой причине, что тот, с кем он говорил, мог запросто быть на крючке у милиции. — Мы встречались месяц назад. Разговор должен был пойти о серьезном деле, но в тот день он не получился, потому что не было того, о чем в принципе должна была идти речь.

— Я помню, — раздалось в трубке, и после непро-

должительной паузы, голос вновь дал о себе знать: — Так что? Хотите вновь поднять тему?

— Да.

— И есть о чем поговорить?

— Да.

Столь короткие ответы Графа на самом деле были очень емкими, человек, говоривший с ним, мгновенно прочувствовав ситуацию, тут же ожил. Это чувствовалось по интонации, с какой он заговорил с Графом.

— Откуда звоните?

— Из автомата.

— Временем располагаете?

— Вполне.

— Тогда жду через два часа. Надеюсь, адрес помните?

— Еще бы, — хмыкнул в ответ Граф.

Двух часов было вполне достаточно, чтобы добраться на метро до Измайловского туристического комплекса и вернуться обратно. Там в небольшом японском ресторанчике, прямо у подножия корпуса «Альфа», у Графа ровно неделю назад забита стрелка для встречи с еще одним человеком.

Писаря он знал уже давно. Правда, в одном лагере они не сживали, да и по жизни сталкивались, только когда на то подталкивала нужда, однако относились они другу к другу со всем уважением, которое присуще двум закоренелым представителям воровского мира.

Всю свою жизнь Писарь промышлял поддельными документами и разного рода печатной продукцией, которая, так или иначе, была весьма популярна в кругах его постоянных клиентов. Сам он, в свое время окончив институт типографского мастерства,

успел даже поруководить одной крупной типографией, но, как обычно бывает в таких случаях, судьба, прежде чем открыть перед человеком дорогу в будущее, сначала устраивает ему своего рода экзамены, так сказать, проверку на вшивость. Вот эту самую проверку Писанкин Владимир Алексеевич и не прошел, так как к его рукам прилип достаточно приличный гонорар за первый же изготовленный им поддельный паспорт. Правда, второй паспорт стал стопроцентным основанием для судьи, чтобы отправить господина печатника на три года туда, где человек теряет не только свободу, но и свое собственное имя.

Дело свое Писарь знал настолько четко, что даже маститые профессионалы, его предшественники, ушедшие на пенсию по возрасту, диву давались, беря в руки очередную ксиву, выполненную их последователем. Слава специалиста экстра-класса, казалось, бежала по жизни впереди самого Писаря, а потому уже совсем скоро к нему стали поступать предложения, касающиеся изготовления не только поддельных документов, но и денег. Но у Писанкина к тому времени еще достаточно ярки были воспоминания о трех годах, проведенных в колонии, поэтому предложения, из-за которых в самом недалеком будущем можно получить еще двадцать, были, мягко говоря, не очень для него приемлемы. Да и в деньгах Писарь никогда особой нужды не испытывал. Заказов было столько, что можно без проблем лет десять сидеть в норе и не высовывать наружу носа.

Граф заказал Писарю два комплекта паспортов, заграничные и общероссийские, причем на разные фамилии, а также удостоверение участника военных действий в Чечне. Вообще-то он не любил использовать в своем деле подобные приблуды, но жизнь сама

заставляла его побеспокоиться о собственной безопасности.

Выпив с Писарем по кружке пивка и закусив креветками, Граф, рассчитавшись, сунул конверт с документами в карман и уже через полчаса отбыл в обратном направлении, чтобы ровно в назначенное время быть по нужному ему адресу.

Оставалось еще пятнадцать минут, когда он, войдя в подъезд одного из домов, поднялся на площадку второго этажа и, вынув из кармана малюсенькое зеркальце, аккуратно приклеил усы. После чего, убедившись, что это несвойственное его внешности дополнение надежно прилипло и уже не слетит ни при каких обстоятельствах, напялил на голову парик. Еще раз глянув в зеркало и оставшись вполне довольным своим новым внешним видом, он вышел на улицу. На всякий случай сделав круг вокруг нужного дома, Граф напрямик направился в сторону подъезда, где в квартире, расположенной на четвертом этаже, должна была состояться встреча с одним очень даже важным для него господином.

Илья Вениаминович Левицкий не принадлежал к числу тех, кому довелось на собственной шкуре испытать все «прелести» лагерной жизни. Однако, по мнению не только милиции, но и всех, кто хоть однажды сталкивался с его подпольной деятельностью, можно было понять, что по этому еврею плачет не столько решетка, сколько девять граммов свинца. Промысел Ильи Вениаминовича, прозванного среди братвы Хамелеоном, заключался в наводке воров на адреса, где можно было взять антиквариат. Условия же самого Хамелеона в таких делах всегда были одни и те же. Он скупал у домушников дорогостоящие вещи, причем за такие деньги, что подчас доходило до

смешного. Иногда обманутые воры, узнав, что еврей обвел их вокруг пальца, грозились выпустить ему кишки, однако сделать этого не могли по причине того, что сумма гонорара за ту или иную вещь оговаривалась заранее, а значит, и согласие они также давали еще до ограбления. Именно это связывало бандитам руки, а уже достаточно старый еврей не только все еще был жив, но и явно преуспевал в своем весьма непростом и явно рискованном бизнесе. Ходили также слухи, что был на Хамелеоне также грех убийства. Конечно, не собственными руками отправлял он их на тот свет, а с помощью все тех же уголовников, и не из-за мести, а из-за чистого жлобства, с целью завладеть какой-нибудь эксклюзивной вещью, но это были лишь только слухи, хотя, как говорится, дыма без огня не бывает. Однако то, что Хамелеон обладал огромными деньгами, было абсолютно достоверно.

Телефон Ильи Вениаминовича Граф приобрел еще на зоне. Кореш один по случаю рекомендовал обратиться, но при этом предостерег, чтобы тот держал ухо востро. Уж слишком скользким был этот самый Хамелеон, которого милиция и та, как ни пыжилась, никак не могла прибрать к рукам.

Дверь открыл сам Левицкий, правда, до этого он долго рассматривал физиономию Графа в огромный, похожий на окуляр подзорной трубы, глазок.

— Проходите, — сухо проговорил он, когда гость, войдя в квартиру, оказался посреди прихожей.

Проводив его в кабинет, Хамелеон, не предлагая ни кофе, ни чаю, усадил гостя в кресло, сам же занял место напротив и сквозь очки, уставившись взглядом удава, проговорил:

— Ну так что? Получилось?

— Вы о чем? — решил на всякий случай включить дурака Граф.

— О том, что привело вас ко мне. Как мне помнится, в прошлую нашу встречу вы намекали на то, что не прочь обменять российские деньги на доллары или евро? Но тогда у вас еще не было этих самых рублей, а потому и разговор наш не состоялся. Теперь вы приходите вновь, и опять с той же самой проблемой. Так извините! Зачем кружить мне балду? Говорите, какая сумма, а я назову вам свой процент. Но учтите, за перевод денег расчет будет отдельный.

— А нельзя ли узнать сначала процент? А то вдруг он мне не подойдет изначально, и это избавит меня от необходимости называть сумму моих сбережений.

— Послушайте, молодой человек! Одно из двух: или вы не поняли, с кем имеете дело, или вам на самом деле удалось за столь короткую жизнь скопить столько денег, что вы боитесь называть сумму даже вслух.

— Вы почти угадали. У меня скорее второй вариант, чем первый.

Хамелеон вдруг снял очки и, тщательно протерев их, вновь водрузил на нос. По всему чувствовалось, что все это время он усиленно пытался сообразить, как стоит поступить в сложившейся ситуации.

— Скажите, — вновь поднял глаза на Графа Илья Вениаминович, когда минута молчания затянулась, — случайно дело с украденными миллионами у банка «Возрождение» не вы провернули?

— Нет, — не моргнув глазом, соврал Граф. — Однако спрашивать об этом, по крайней мере, несолидно. К тому же я уверен, если был бы сейчас на моем

месте тот, кто провернул столь шикарное дельце, навряд ли он признался бы вам в этом.

— Понятно, — протянул Хамелеон, все еще не снимая с лица маску некоторой озабоченности. — И все же, молодой человек, да будет вам известно, что я никогда не отхожу от своих принципов, поэтому могу сказать вам только одно: если сумма превышает миллион долларов, то мой процент составляет половину.

— Сколько? — почти выкрикнул Граф, но, тут же справившись с обуявшим его удивлением, вызванным наглостью старика, он почти силой заставил себя сдержаться, чтобы не послать эту крысу куда подалее.

— Половину, — не меняясь в лице, повторил Левицкий.

— А если это гораздо больше? Допустим, десятки миллионов, сколько тогда?

— Ну, если вопрос ставится именно так... — Пробежавшая по лицу Ильи Вениаминовича тень навела Графа на мысль, что тот был не готов к такому повороту событий. — Тогда можно обсудить и более низкий процент. Например, сорок.

Внимательно выслушав старика, Граф встал: — Я думаю, с таким подходом к делу нам больше не о чем разговаривать.

— Вы так считаете? — вслед за ним поднялся с кресла и Хамелеон.

— Я даже уверен. — Нисколько не смущаясь в своей прямоте, Граф шагнул в сторону коридора.

Он уже взялся за ручку двери, когда ему в спину, словно молотком, ударили слова Ильи Вениаминовича:

— До скорой встречи.

— Не думаю, что она может быть настолько скорой, как хотелось бы этого вам.

— Зато я уверен, — зло усмехнувшись, проговорил Левицкий и тут же не без ехидства добавил: — Вот только процент уже будет чуточку другой и, я думаю, не в вашу пользу.

Глава 7

РАССЛЕДОВАНИЕ

Опрос всех, кто участвовал в транспортировке денег, дал положительный результат почти сразу же, как только Рыжов перешел на индивидуальный допрос каждого. До этого при предварительном разговоре все семь человек твердили одно и то же. Машина нигде, кроме переезда, не останавливалась, и никто к ней не подходил, даже на пушечный выстрел.

— Хорошо! Ставлю вопрос по-другому, — обратился полковник к одному из тех охранников, кто находился в джипе. — Что произошло там, на переезде?

Скворцов был старше всех, кто обязан был охранять груз, не только по возрасту, но и по званию. Закончив военное училище, он, несмотря на свои неполные двадцать шесть лет, уже успел повоевать в Чечне, где ему не повезло больше, чем другим. В первой же серьезной стычке с боевиками он получил ранение и прямо с поля сражения был отправлен в госпиталь. После двухмесячного лечения ему был вручен орден Красной Звезды и внеочередное звание старшего лейтенанта. Правда, на дальнейшей его карьере военного был поставлен жирный крест, так как по причине болезни Скворцов был комиссован и отправлен домой. А дальше жизнь его складывалась,

как и у тысяч таких же, как он, молодых людей, оставшихся не у дел, по ряду причин покинувших службу в рядах Российской армии. Выбор был небольшой: или в бандиты, или охранником в банк. Скворцов выбрал банк. И вот после почти трех лет безупречной службы случился вдруг такой странный казус.

После заданного вопроса в лоб Николай резко сник и, не отрывая взгляда от пола, заговорил:

— Сначала ждали поезд. Примерно минут восемь. Я еще, помнится, тогда на часы посмотрел. Потом почему-то из-за поворота вынырнул только один тепловоз. Без вагонов. Он как-то слишком медленно подъехал и встал точно посередине переезда, словно ждал, когда ему стрелку переведут. Раньше такого никогда не было. Обычно состав пройдет, и все, а тут вдруг один тягач, и больше никого. Я уже хотел, было, связаться по рации с Феоктистовым, но вдруг...

— Что — вдруг? — не удержался Рыжов.

— А ничего. Щелчок — и все. Одним словом, не успел подумать, как тут же заснул.

— А остальные?

— А что остальные? — не понял вопроса Скворцов. — Все так же, как и я. Уснули.

— Откуда знаешь? — не отставал полковник. — Ты же сам только что сказал, что уснул.

— Так это... — начал заикаться от волнения Скворцов. Потом-то, когда очнулись, мы же это дело обсуживали.

— И что? До чего дососались?

— До того, что все спали. Все до одного. Причем в обеих машинах.

— Ладно, — уже более миролюбиво продолжил допрос Рыжов. — Вспомни, когда вы стояли у переезда, машина какая-нибудь к вам подъезжала?

— Машин было много. Но все они, как правило, проезжали мимо. А вот одна... — Николай задумался. — А одна подъехала... Точно. Подъехала и остановилась. Правда, ненадолго. Может быть, на несколько секунд, не больше. Она сначала притормозила около нашего джипа, а потом...

— Что было потом? — вновь не удержался Рыжов.

— Потом я уже ничего не видел.

— Ну а хотя бы марку этой самой машины ты запомнил?

— Марку запомнил, — обрадовался Скворцов. — «Волга» это была. Точно. Черная «Волга».

— А что было дальше? Я имею в виду после того, как вы очнулись.

— Глаза я открыл минут так через десять. Не раньше. Почему запомнил? Потому что опять на часы посмотрел. Смотрю, мужики мои тоже глаза протирают. Ну я сразу к рации, связываюсь с Феокистовым и первым делом про деньги спрашиваю, все ли на месте. Тот кричит, что у него все в порядке. Груз как был в броневику, так и остался в нем. Ну у меня сразу от сердца отлегло. Думал, что пронесло, а оказалось, нет.

— А про то, что они тоже спали, Феокистов тебе что-нибудь говорил?

— Говорил, конечно. У них произошло то же самое, что и у нас. Бах, и все сразу уснули. Мы еще потом, когда деньги в самолет перегрузили, долго это дело обговаривали. Пришли к мнению, что кто-то хотел нас грабануть, но, видать, не получилось. Может быть, машину не смогли открыть, может, помешал кто. В общем, не вышло, и слава богу. Ну а если, не вышло и все мешки оказались на месте, чего бучу-то поднимать. Сами понимаете, кому охота работу терять.

— Понимаю, — задумавшись, протянул Рыжов. — Ну а кто предложил не сообщать о происшедшем в банк?

— Да вроде как все вместе и решили.

— Нет. Ты меня не понял. Я не о решении говорю, а о том, кто первый предложил умолчать о происшедшем?

— А хрен его знает. Все говорили, шумели, а кто конкретно, не помню.

— А ты вспомни. Напрягись и вспомни, — уже более настойчиво потребовал Рыжов. — Надеюсь, тебе не надо объяснять, что дело очень серьезное.

Скворцов, мгновенно проникнувшись важностью вопроса и явно правильно отреагировав на интонацию полковника, тут же напрягся и, максимально сосредоточившись, судорожно начал копаться в лабиринтах своей памяти.

— Точно утверждать не могу, — наконец поднял он глаза на Юрия Владимировича. — Но, по-моему, первым, кто предложил такой расклад, был Феоктистов.

— Это точно?

— Точно, — уже более определенно произнес Николай. — Да и кому еще, если не ему. Он ведь отвечал за груз, ему и вожжи в руки. Хотя, если честно сказать, такой выход устраивал всех. Ведь, как ни крути, за бабки ответственность несли все, поэтому и по холке бы получили также все. Может быть, Феоктистов и больше, чем другие, но это уже, как говорится, каждому свое.

Допрос всех остальных участников транспортировки денег ничего нового не дал. Все оставшиеся шесть человек, как заговоренные, твердили одно и то

же. Даже по времени все сходилось, а потому сомнений, что все это правда, у Рыжова уже не было никаких. Сопоставив факты и объяснения охранников, он уже через час после допроса последнего участника происшедшего имел полный расклад ограбления. Причем, расписанный на бумаге, он полностью соответствовал всем фактам и показаниям людей. Оставалось только два нерешенных вопроса. Первый — где были установлены баллончики с газом, а также куда они делись после ограбления. И второй — каким образом они попали в машины. На первый вопрос ответы были даны экспертизой уже на следующий день. В заключении черным по белому было сказано об обнаружении следов краски, оставленных неизвестными металлическими предметами, побывавшими под сиденьями автомобилей. Кроме того, забор воздуха в машинах показал наличие в нем микрочастиц какого-то газа, название которого было таким длинным и незапоминающимся, что Юрий Владимирович сразу же выкинул его из головы. Да это и не играло никакой роли. Главное, что газ был и он обладал именно такими свойствами, что мог не только усыпить человека в считанные секунды, но и прекратить свои действия через определенное количество времени. Для этого необходимо было лишь правильно рассчитать его количество при зарядке в баллон. На второй вопрос ответ принес Сергей Шведов. По распоряжению генерала майор был включен в группу по расследованию ограбления инкассаторов, которую к тому времени уже возглавлял Рыжов. И первое, чем попросил заняться его Юрий Владимирович, — это съездить в автохозяйство, где стояли на хранении оба автомобиля. Известие о том, что совсем недавно в автохозяйстве произошел трагический случай, имелась

в виду смерть сторожа, несколько озадачила Рыжова. И он тут же, затребовав акт судебно-медицинской экспертизы, обнаружил там одну маленькую, на первый взгляд ничего не значащую пометочку, где четко и ясно было написано: между пальцами левой руки была обнаружена маленькая точка, очень даже напоминающая укол. И, хотя в крови умершего не было следов какого-либо препарата, способного вызвать внезапную остановку сердца, Рыжову уже было абсолютно ясно, что умер сторож не собственной смертью.

Постепенно картина преступления начинала принимать свои очертания, которые с каждым фактом становились все четче и четче. И, хотя уже был ясен порядок действия преступников, особой радости от этого не получал ни сам Рыжов, ни вся его группа. Мало того, что почти ежедневно капал на мозги генерал со своими вечно одними и теми же вопросами: «Как там у тебя дела? И как продвигается расследование?», начались звонки от разного рода высокопоставленных чиновников, которых интересовало только одно — когда будут возвращены деньги. Их нисколько не волновало, найдет полковник преступника или нет, главное — это были миллионы, и их розыск стал основным, о чем думали эти люди. Подобное отношение к происшедшему не то чтобы сильно раздражало Рыжова, скорее оно было неприятным и даже обидным, однако дело есть дело, и его надо было доводить до конца.

Юрий Владимирович глянул на часы. Вот-вот должен был появиться Шведов. Еще утром он уехал в банк для обыска персональных кабинок охранников. Об этом распорядился сам Рыжов. И, хотя особой на-

дежды на то, что удастся найти там что-то из ряда вон выходящее, он не испытывал, тем не менее таков был порядок, и надо было идти в точности по уже существующим правилам следствия.

Пока майор отсутствовал, Рыжов, разложив перед собой схему преступления, решил попробовать путем логических рассуждений упорядочить действия преступника. То, что на этот раз ему пришлось столкнуться с человеком, просчитавшим при подготовке к ограблению практически все, полковник уже не сомневался ни на минуту. И, даже несмотря на столь явную скрупулезность при планировании преступления, одну ошибку своего пока невидимого врага Юрию Владимировичу все же удалось нащупать. Зацепившись именно за этот, на первый взгляд совсем незначительный нюанс, он все больше и больше приходил к мнению, что данное преступление, каким бы ни был хитрым и коварным злоумышленник, совершить без помощи кого-либо из сотрудников банка было невозможно. А значит, и поиски путей к раскрытию данного дела надо было начинать не с самого преступника, а с его помощника, который наверняка сыграл в этом деле одну из главных ролей.

Семь фамилий, очерченных кружочками, были нанесены на белый лист бумаги, который, подобно чистому холсту художника, лежал перед Рыжовым в ожидании, когда тот нанесет на него свои первые штрихи.

— Сообщник? Сообщник? — вертелась в голове одна и та же мысль, а глаза то и дело устремлялись к очерченным в кружочки фамилиям. — Кто он? Может быть, Феокистов? Ведь это он предложил умолчать о случившемся на переезде. А вдруг это тот же

Скворцов? Проблемы в жизни, в семье.... Нет. Так можно дойти до чего угодно.

Глянув на стопку папок с личными делами всех семерых, он машинально взял первую, лежащую сверху, и, открыв ее, зачем-то произнес вслух: — Алексей Воронцов.

Шведов в кабинет не вошел, а вбежал. Сразу же заглянув в его глаза, Юрий Владимирович понял, что майору что-то все же удалось нащупать. И, судя по особенному их блеску, находка эта если не открывала какого-либо секрета самого преступления, то была очень даже близка к этому.

— Ну что? Давай колись, чего тебе удалось такого разнюхать, если ты весь светишься, как новенький рубль.

— Вот! — Сергей вытащил из кармана небольшой полиэтиленовый пакетик и положил его перед полковником на стол.

— Что это? — рассматривая содержимое прозрачной пленки на свет, поинтересовался Рыжов.

— Пластилин. Вернее крошки пластилина. Я нашел их в кармане брюк Феоктистова.

— И что?

— А то, что именно при помощи такого материала снимали отпечатки с пломбиров. Вы, товариш полковник, результаты экспертизы-то читали?

— Конечно! — Сделав возмущенное лицо, с некоторым недоумением посмотрел на майора Рыжов.

— Так вот там написано, что на пломбирах обнаружены микрочастицы неизвестного материала, которым, скорее всего, мог быть самый обыкновенный пластилин.

— Но это еще не значит, что именно этот материал, — Юрий Владимирович еще раз поднес к свету

пакетик с какими-то маленькими шариками внутри, — является частицей того, на который преступник наносил отпечатки ключей.

— Согласен. Поэтому нужна экспертиза. Но я почему-то уверен, что так оно и есть.

— А если так, тогда что?

— Тогда надо будет просить санкцию прокурора на обыск в квартире Феоктистова, а его самого под арест.

— Ишь ты! Какой быстрый, — покачал головой Рыжов. — Сразу арест. А ты о человеке подумал? А о его семье? О детях? О сослуживцах на работе? — От волнения у Юрия Владимировича сбилось дыхание, и он после некоторой заминки, уже успев немного прийти в себя, добавил: — А теперь представь, что будет, если это не он?

— Как не он, если данные экспертизы подтвердят идентичность материалов?

— Хорошо. Пусть подтвердят. А вдруг Феоктистову этот самый пластилин подбросили, чтобы сознательно скомпрометировать мужика и увести следствие в сторону? Тот, кто подготовил это ограбление, ведь не дурак, и уже один раз нам это доказал, причем с такой лихостью, что только диву даешься, насколько четко он изучил милицейские повадки.

— Но ведь факт есть факт, — не сдавался Шведов.

— Согласен. — Юрий Владимирович вновь протянул руку к стопке папок с личными делами сотрудников банка и, достав из них ту, на которой была наклеена бумажка с фамилией Феоктистова, положил ее перед собой на стол. — А вот это, к твоему сведению, майор, тоже факт. Человек уже почти двадцать лет трудится на подобных должностях, и ни разу в его

бытность ни в одном банке, где он работал, не случилось ничего подобного. Сейчас ты можешь говорить что угодно. И то, что со временем люди меняются, и то, что у каждого из нас могут возникнуть такие проблемы, что поневоле встанешь на путь преступления. Или, например, то, что человека шантажировали. Все может быть. Но я никогда не поверю, чтобы Феоктистов вот так запросто продал свою совесть бандитам.

— Да еще и не такое бывает, — несколько стусевавшись перед столь жестким и нравоучительным наездом полковника, произнес Шведов.

— А вот здесь ты полностью прав. — Явно желая сгладить разговор, Рыжов внимательно посмотрел на Сергея. — Поэтому давай не будем торопиться ни с обыском, ни с арестом. Посмотрим, что нам скажет экспертиза, а уж там будет видно.

Экспертиза, к нескрываемому удивлению полковника и к его разочарованию, подтвердила идентичность материала. Того, чьи частицы были обнаружены на пломбировке, с тем, что был найден в брюках старшего инкассатора банка «Возрождение». И в том, и в другом случае это был пластилин.

— А я вам что говорил, — торжествовал Шведов. — Братя надо этого Феоктистова за жабры и трясти, как грушу. И будьте уверены, расколется махом. Уже через час беседы с пристрастием запоем как птенчик. Причем расскажет все как миленький и про себя, и про того, кто замутил всю эту канитель.

Все еще не понимая, как могло получиться так, что Феоктистов встал на путь преступления, Рыжову ничего не оставалось, как подписать прошение прокурору для выдачи разрешения не только на обыск в

квартире инкассатора, но и на его задержание. Единственное, в чем удалось Юрию Владимировичу убедить рвавшегося в бой майора, так это в том, чтобы тот провел все как можно деликатнее и без каких-либо выкрутасов, ночных концертов с участием группы захвата и тыканий дулом пистолета в лицо. Обыск должен был произойти в то самое время, когда Феоктистов будет приглашен в кабинет Рыжова, так сказать, для более конкретной беседы.

Шведов все сделал, как и обещал. Дождавшись, когда дети Андрея Ивановича уйдут в школу, он нагрянул с постановлением прокурора к нему на квартиру, чем несказанно напугал жену. Самого же старшего инкассатора доставили в кабинет полковника прямо с рабочего места, и, как только Феоктистов открыл дверь, тот уже с порога увидел в его глазах выражение не столько страха, сколько искреннего недоумения.

План беседы был заранее выстроен в голове Рыжова, но при появлении Андрея Ивановича он тут же отказался от своей затеи хитрить с этим человеком. Даже при той неопровержимой улике, которую Шведову удалось обнаружить в одежде подозреваемого, он до сих пор не верил в его виновность. За все время службы в органах у Рыжова было достаточно примеров, когда человек, припертый к стене фактами, в конце концов оказывался не только невиновен, но и вообще не имел к данному преступлению никакого отношения. А потому, едва Феоктистов присел на краешек стула, Рыжов, плюнув на план, выложил ему все, что накопилось у него на душе. И про то, что в кармане спецодежды Феоктистова были обнаружены крошки пластилина, и про заключение экспертизы, и даже про обыск в его квартире. Последнее, как и по-

дозревал Рыжов, произвело на инкассатора наиболее удручающее впечатление. Андрей Иванович при одном только упоминании дома, семьи и жены сразу же сник, побледнел и, с трудом справляясь с волнением, умоляюще посмотрел на Юрия Владимировича.

— Спрашивайте. Чего вы хотели от меня узнать? — убитым голосом произнес он, как только прошел шок, позволив ему хоть как-то сосредоточиться на главном.

— А у меня к вам только один вопрос, — придавая голосу наиболее приемлемую для сложившейся ситуации интонацию, начал допрос Рыжов. — Я хочу услышать объяснение: откуда в ваших брюках появились крошки пластилина? От того, каковым будет ответ, зависит и ход дальнейшей нашей с вами беседы.

— Я и вправду не знаю, откуда у меня в кармане оказался этот чертов пластилин! — ни на минуту не задумываясь, почти выкрикнул Феоктистов. — Но то, что я вот уже полгода не брал ничего подобного в руки, это совершенно точно.

Беседа продолжалась почти час. И все это время Рыжов, всячески пытаясь заставить Андрея Ивановича сосредоточиться и постараться вспомнить все, что происходило в дни, предшествующие ограблению, но слышал все те же ответы: не знаю, не понимаю, не предполагаю и не подозреваю. И вообще, если вы считаете, что кражу денег подготовил я, доказывайте. Предъявляйте факты, обвиняйте и, если уже так надо, сажайте в тюрьму. По всему было видно, что Андрей Иванович был не в себе, и Рыжову ничего не оставалось делать, как вызвать конвой и отправить подозреваемого в камеру.

Как только дверь за арестованным закрылась, он

положил перед собой листок, все с теми же фамилиями, против каждой из которых стоял жирный вопросительный знак. Хотел уже, было, взяться за карандаш с тем, чтобы зачеркнуть фамилию Феоктистова, как вдруг дверь в кабинет открылась и на пороге появился Шведов. Молча подойдя к столу, он выложил на него все, что было найдено в квартире старшего инкассатора.

— Вот. Нашли у Феоктистова. На антресолях прятал.

Глядя на весь улов майора, Рыжов вдруг расхохотался:

— Слушай, майор, ты хотя бы знаешь, что это такое? — глядя на Сергея, веселился он. Это чистой воды провокация. Здесь не хватает только видеозаписи, на которой можно было легко разглядеть фигуру нашего инкассатора.

— Да я тоже так подумал, — нисколько не удивляясь реакции полковника, устало опустил на стул Шведов. — Так не бывает, чтобы преступник оставлял после себя столько компрометирующего материала. Это даже дураку ясно. Кто-то очень хочет, чтобы мы пошли по ложному следу.

— Совершенно верно, — облегченно вздохнув оттого, что его ближайший помощник, наконец-то отказавшись от желания быстро поймать преступника, перешел к умозаключениям, Рыжов добавил: — И мы обязательно должны дать ему такую возможность.

— Не понимаю зачем? — недоуменно посмотрел на него Сергей.

— Затем, чтобы он потерял страх и начал совершать ошибки. Будучи уверенным, что ему уже ничего не грозит, преступник поневоле расслабится. А это

верный путь к провалу. Ведь он в данный момент кто? Зверь. А точнее волк, сумевший поймать добычу, но не знающий, что с ней делать. Необходимо предпринимать какие-либо действия. А какие? Деньги-то ведь немаленькие. Ими еще распорядиться надо умеючи. А пока они вроде гирь, привязанных к ногам. И не более того. Ведь это понятно, как божий день, только когда рубли станут долларами, вот тогда преступник сможет вздохнуть посвободнее.

— В таком случае необходимо срочно взять на контроль всех, кто может помочь ему в этом. Я имею в виду за хороший процент обменять деревянные на зеленые или на евро.

— Верно, — похвалил майора Рыжов. — А если учесть, что суммы, подлежащие обмену, будут до неприличия высокими, таких людей можно будет сосчитать на пальцах.

Шведов уже хотел, было, подняться с места, но Юрий Владимирович одним движением руки остановил его порыв, предлагая майору еще ненадолго задержаться для получения кое-каких инструкций.

— Для начала ты должен отправить кого-нибудь на фабрику, где изготовляли эти саквояжи. Ведь кому-то же их там продали. Да и пусть тот, кто поедет, прихватит с собой несколько фотографий особо отличившихся в подобных делах. Чем черт не шутит, вдруг повезет, и тот, кто заключал сделку, узнает в покупателе нашего клиента. И еще. С сегодняшнего дня взять на контроль всех новичков, кто объявится в казино, клубах и начнет швыряться деньгами. У этого народца всегда дармовой рубль ляжку жжет, а душа рвется гульнуть и показать глубину своего понимания красивой жизни. Так что не исключено, не се-

годня-завтра в увеселительных и игорных заведениях появятся и наши клиенты с деньгами из инкассаторского броневика.

После того как майор покинул кабинет Рыжова, Юрий Владимирович уже хотел, было, вновь вызвать к себе Феоктистова и объяснить ему всю сложившуюся ситуацию, но, хорошо поразмыслив, убрал руку с телефона. Он прекрасно понимал состояние сидящего в тюрьме невиновного человека. Однако наряду со столь глубокими познаниями психологии человека, попавшего в беду, Рыжов совершенно не представлял, как может повести себя Андрей Иванович, узнай о том, что ему, несмотря даже на его очевидную невиновность, все равно некоторое время придется пожить среди отбросов общества. Пока не разыщут преступника или хотя бы не нападут на его след. Рисковать в данной ситуации Рыжов не имел права, а потому с некоторой тяжестью в душе решил оставить все как есть. По крайней мере так на тот момент было лучше для всех, и особенно для самого Феоктистова, по причине того, что нет ничего лучшего для снятия подозрения с человека, как пойманный преступник.

Убрав вопросительный знак, стоявший против фамилии инкассатора, Юрий Владимирович не замедлил тут же обвести ее красным карандашом, значение которого было понятно лишь только ему одному. После этого, глянув на часы, которые показывали уже четверть шестого, он набрал домашний номер и сообщил жене, что минут через сорок будет дома.

— Вот и прекрасно! — обрадовалась Ирина. — Сегодня Катя как раз собиралась познакомить нас со своим Алексеем. — Заодно все вместе и поужинаем.

Разговор о том, что пришло время представить своего избранника, между родителями и их единственной дочерью возникал всегда с аккуратной периодичностью и как раз в тот самый момент, когда Катерина собиралась на свое очередное с ним свидание. И как правило, начинала разговор жена Юрия Владимировича. По одной простой причине, что самого главы семьи в тот момент никогда не бывало дома. Однако весь удар по этому, явно больному для Ирины вопросу, как только дочь возвращалась домой, приходилось брать на себя Рыжову. И, хотя разговор всегда заканчивался одними обещаниями, тем не менее это несколько не отражалось на дружеских отношениях, которые возникли между Юрием Владимировичем и Катей в аккурат в тот день, когда она впервые произнесла слово «папа».

— Ты хотя бы скажи, кто он? А то мать бесится, — пытался раскрыть тайну Катерины Рыжов.

— Вот придет и сам все расскажет, — однозначно звучал ответ дочери, который полностью импонировал главе семьи.

Катя, как и положено ребенку из порядочной семьи, взяла от каждого родителя всего поровну и наверняка сделала это только из-за того, чтобы уже с пеленок не обижать ни того, ни другого. Красивая, с интеллигентным лицом, обворожительными глазами и лучезарной улыбкой, она была точной копией матери. Зато характер, непримиримость к вранью, а главное — прямолинейность были взяты от отца, чем тот неимоверно гордился. И вот уже сегодня их единственная дочь приведет в дом человека, который станет членом их семьи. Данный факт никак не укладывался в голове Юрия Владимировича, он просто не знал, как следует вести себя с тем, кто хочет забрать у них единственную дочь.

— Ужин! Ужин! — рассеянно бурчал себе под нос Рыжов, собирая со стола документы и пряча их в сейф. — Как будто другого времени выбрать нельзя было. В кои веки вырвался с работы пораньше, и вот на тебе, жених.

Мысли путались, наотрез отказывались выстраиваться в один, определенный логикой порядок. Юрий Владимирович то вдруг вспоминал про томившегося в тюрьме Феоктистова, которому предстояло первую ночь за всю прожитую им жизнь провести на нарах. То вдруг думал о том самом железнодорожном переезде, где было совершено ограбление инкассаторов. То вдруг вспоминал о Графе.

Сделав запись в настольном календаре по поводу того, чтобы уже с утра пробить местонахождение своего старого «товарища», Рыжов вдруг вновь вспомнил, что уже через час ему предстоит встреча с другом дочери.

«Сегодня кто он мне? Просто друг дочери. Завтра — ее жених. А послезавтра? Зять?» Такой поворот был для Юрия Владимировича своего рода ударом в лоб. Поэтому, нисколько не стесняясь своей, явно отдающей эгоизмом позиции, он тут же, как за спасательный круг, стал цепляться за слово «друг».

Уж лучше пусть он ей всегда будет другом, чем мне зятем. Зять! Зять! Зять. Ни хрена не взять. Слово-то какое... Как будто лай собаки. — Рыжов, вспомнив, что он тоже вот уже двадцать два года как зять, усмехнулся. — Интересно, отец Ирины, когда она меня впервые привела в свой дом, испытывал то же самое, что сейчас чувствую я?»

Дверь открыла жена.

— Ты где пропадаешь? Он уже здесь, — заговорищицки принялась нашептывать Ирина, как только

Юрий Владимирович переступил порог собственного дома.

— Как где? На работе, — глянул он удивленно на жену.

Переобувшись в тапочки и поправив галстук, Рыжов, кинув мимолетный взгляд в зеркало, шагнул в гостиную. Но стоило ему переступить порог комнаты, как он от неожиданности замер на месте, не сводя глаз с гостя.

За столом рядом с дочерью сидел не кто-нибудь, а сам Алексей Воронцов. Тот самый Воронцов, который входил в состав ограбленных инкассаторов и еще вчера в кабинете следователя охотно отвечал на все вопросы, задаваемые полковником.

Глава 8

ХАМЕЛЕОН

Покинув дом Левицкого, Граф не стал снимать парик, да и с усами, как бы они ни щекотали ему нос, расставаться явно не спешил. В своем новом обличье, выйдя из подъезда, он зашагал в сторону центра, одержимый одним лишь желанием: поскорее найти какое-нибудь небольшое кафе, где можно было бы не только перекусить, но и основательно обдумать все происшедшее. А подумать было над чем. Как-никак, он только что лишился единственной возможности перевести украденные рубли в баксы, что давало ему возможность незамедлительно покинуть Россию.

— Главное — не паниковать. Главное — не паниковать, — нашептывал он, вышагивая среди потока прохожих, мысленно находясь в совершенно другом

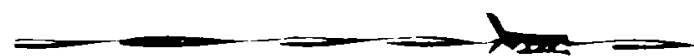

мире, в том самом, который на данный момент был для него главное существующего вокруг.

Граф злился. И в первую очередь на себя самого, за то, что заранее не предусмотрел такого поворота дела, а так как другого варианта у него все равно не было, то надо было в самом срочном порядке придумать, как быть дальше. Больше всего положение усложняло то, что уже через неделю наступал день расчета с поделщиками. Но он не мог рассчитаться по причине того, что искусственно загнал себя в шкуру зайца, по следам которого уже всю рыскали волки в ментовской форме. Это произойдет сразу же, как только некоторые его безмозглые «коллеги» обязательно начнут кидаться деньгами и тратить их так, словно жизнь должна вот-вот закончиться. Максимум неделю Граф давал на то, чтобы милиция смогла без особых проблем вычислить неожиданно разбогатевших граждан, а уж там по цепочке добраться и до него. Уже только поэтому необходимо было срочно придумать нечто такое, что могло бы помочь сберечь хотя бы овец. Волки пока волновали Графа меньше всего.

Выйдя на Кутузовский, он уже совсем скоро нашел небольшой уютный трактирчик и, спустившись в его полуподвальное помещение, забился в самый дальний угол, откуда можно было не столько наблюдать за входом, сколько самому, в случае чего, спрятаться за стоявшей впереди колонной.

Заказав салат, горячий рассольник и какое-то мясное блюдо, привлечшее внимание только из-за одного своего названия, Граф попросил официанта принести ему большой бокал пива. Когда запотевшая кружка предстала перед ним во всем своем великолепии, все проблемы одним махом отошли в сторону.

Мгновенно забылся и Хамелеон с грабительскими процентами, и подельники, которые наверняка, сидя по берлогам, уже начинали считать дни до того, когда смогут поделить деньги, и то, что сам он, уже будучи богатым человеком, находился не только в полной растерянности, но и основательно припертым к стенке. Холодное пиво ударило в нос и, приятно пощекотав его, тут же напомнило о вчерашней пьянке. Все сразу куда-то побежало. Голова, словно находясь в невесомости, закружилась, и даже по рукам прошла еле уловимая дрожь. Но уже следующие два больших глотка пива моментально все вернули на место, оставив только нестерпимое желание съесть что-нибудь горячее. Неожиданно напомнившее о себе легкое чувство голода даже обрадовало Графа. Ну а когда молодой человек в бабочке и в длинном черном фартуке поставил перед ним пышущий жаром горшочек, издающий такой аромат, что тут же засосало под ложечкой, он, не удержавшись, попросил принести ему еще один бокал.

Телевизор, висевший под самым потолком барной стойки, уже совсем скоро пропел мелодию, означающую начало новостей, и Граф, невольно глянув на экран, к своему собственному удивлению, увидел цифры, говорившие, что уже прошло более трех часов, как он покинул новое для них с Сычом убежище.

— Наверное, тот уже кипеш поднял. А может, спит, как собака. Погуляли-то вчера не слабо.

Подозвав официанта, Граф попросил принести ему счет, и, пока тот тыкал пальцем в калькулятор, он, обведя взглядом присутствующих в зале посетителей, мысленно отметил про себя, что все лица, находящиеся здесь, были ему незнакомы.

— Все ли? — сразу же, как только взгляд упал на

сидящего вполоборота к нему парня, подумал Граф. — Мне кажется, что я уже где-то его видел. — Вторая, не менее шальная, мысль вновь пронзила его мозг, заставив что-то неприятное шевельнуться внутри.

Рассчитавшись, он не стал торопиться уходить, к тому же кружка, почти наполовину наполненная пивом, все еще стояла перед ним. Достав сигареты, Граф, насколько только позволяло ему его актерское мастерство, придав своему лицу беспечный вид, выпустил в потолок пару сизо-голубых колец дыма. Лихорадочно соображая, где он мог видеть это лицо, он, потягивая пиво, одновременно выстраивал в голове план своих дальнейших действий.

«Надо будет, не торопясь и не подавая вида, что я чем-то озабочен, выбраться наружу, а уж там постараться выяснить, чей это «хвост», ментовский или Хамелеон мне его напоследок повесил».

Сосредоточившись на идее, что давало возможность успокоиться и привести мысли в порядок, Граф, к своему собственному удивлению, даже почувствовал нечто похожее на азарт. Только почему-то в этой игре он не ощущал себя в роли зайца, хотя охотником тоже не был.

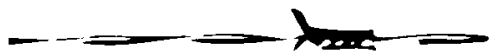
«А может быть, все это мне показалось? И рожу я эту никогда не видел. Просто парень этот очень похож на кого-то, и все дела». — Мысль, хотя и была, наверное, самой приятной за последние два часа, все равно особой радости и столь долгожданного спокойствия ему не принесла.

Вернув уже окончательно опустевшую кружку на стол, Граф, не торопясь, размеренными движениями сгреб в карман сигареты и, чуть шаркнув по полу стулом, поднялся из-за стола.

Свежий воздух, обдав его своей прохладой и шу-

мом города, моментально обострил и без того не дремлющее в Графе чувство опасности, что тут же заставило его сконцентрироваться и действовать, строго по тому плану, который уже был заранее запрограммирован в его сознании. Для начала необходимо было определить, организована ли за ним слежка или тот парень, чье лицо показалось Графу очень даже знакомым, никакого отношения к ней не имеет. Провести проверку представлялось делом совсем не сложным, тем более для этого на шумных улицах Москвы возможностей было более чем достаточно. И, хотя желание уйти под землю и раствориться в огромном людском потоке метро само по себе заставляло Графа двигаться в сторону ближайшей станции, где-то подсознательно он все равно чувствовал, что делать этого не стоит. Убежать, исчезнуть, спрятаться — это было не в его правилах, если речь, конечно, не шла о милиции, а в том, что след взяла не ментовка, Граф был уже уверен после первого же этапа проверки, а именно посещения супермаркета. Войдя в торговый зал, он сделал пару кругов и на пару минут задержался около рыбного отдела, где в огромных аквариумах медленно и величаво плавали зеркальные карпы. Вглядываясь в зеркальные стены витрин, Граф почти сразу же увидел знакомое ему лицо, а когда проследовал к кассам, то еще раз заметил его в огромной толпе покупателей и понял, что кто-то аккуратно, хотя и не совсем профессионально, ведет его. Вот только кто? Вопрос был весьма интересным, к тому же интрига его удвоилась сразу же, как только стало понятным, что это не мусорня.

«Нет. Эти голуби так не работают. Здесь явно отдает дилетантством, а наши доблестные внутренние органы такую роскошь себе позволить просто не мо-

гут». — Мысли путались в голове, возникало больше вопросов, чем ответов.

«Скорее всего, это господин Левицкий приставил ко мне своего сучонка. Вопрос только: зачем? Неужто пасть раззявил на мои миллионы? Ну, если это так, тогда сам бог велел мне поковыряться в его брюхе ножичком. А что, если это кто-то из подельников решил присмотреть за мной на тот случай, если я решу дернуть с бабками за кордон? А что? И такой вариант не исключается».

Вспомнив о Граче и Хлысте, он уж было схватился за мобильник, чтобы позвонить и узнать, как там у них дела. Ведь еще вчера они должны были упаковать компрометирующий материал на Феоктистова в его же собственной квартире. Однако, отбросив эту идею как несвоевременную, он все же вынул из кармана трубку и, набрав номер Сыча, стал терпеливо дожидаться, когда тот соизволит выйти на связь.

Недовольный и заспанный голос, прозвучавший в мобильнике после довольно-таки продолжительных гудков, невольно натолкнул Графа на мысль, что погремуха, данная его товарищу, совершенно четко отражает его характер, так и все повадки Сыча.

— Слушай и не перебивай, — тоном, не допускающим возражения, процедил сквозь зубы Граф. — За мной «хвост».

Все последующие указания были настолько конкретны и точны, что Сычу ничего не оставалось делать, как вникать во все, что говорит шеф, и, подобно попугаю, повторять одно и то же слово: «Понял. Понял. Понял».

Двумя пересадками с автобуса на автобус Граф примерно через час добрался до места назначения, где в новой берлоге под неусыпным наблюдением

Сыча хранились все украденные у банка деньги. Выйдя из автобуса, он, для полного убеждения в том, что «хвост» по-прежнему неотступно следует за ним, сделал ложный круг, после чего свернул на ту же самую улицу, на которой располагалось арендуемое им помещение. Пройдя мимо его дверей, Граф свернул за угол, где еще издали увидел стоявшую в глубине двора «Газель». Проулок, хотя и был похож на прилегающую к центральным магистралям улицу, с широкой проезжей частью, осветительными опорами и чистыми тротуарами, но уже метров через триста заканчивался двумя рядами гаражей, за которыми располагался высокий кирпичный забор какого-то завода. По всей видимости, раньше проулок был проходным, но со временем возведенная почти в человеческий рост изгородь сделала его тупиком.

Грузовичок, как и распорядился Граф, стоял уже передом к выезду. Сыча не было видно ни за рулем, ни где-либо поблизости. Это означало, что он выбрал наиболее удобное для наблюдения место и сейчас лишь только поджидал, когда шеф его появится из-за поворота.

Проходя мимо машины, Граф всего лишь на мгновение увидел напряженное лицо подельника, прислонившегося к заднему борту грузовичка, и, не поворачивая головы, проговорил всего одно слово: «Приготовься».

А через несколько секунд из-за угла здания показалась голова того самого человека, который вот уже час кружил вокруг Графа. Выглянув и убедившись, что цель его находится в движении, «хвост» выскочил и в несколько прыжков достиг «Газели». Спрятавшись за ее капот, он вновь попытался поймать взглядом удалявшуюся от него фигуру и уже хотел было поме-

нять место своей дислокации, но сильнейший удар чем-то тяжелым по голове в одно мгновение лишил его сознания. Короткий свист дал понять Графу, что дело сделано, и тот, тут же развернувшись, метнулся обратно к машине. Сыч затащил неудачника-сыщика в кузов «Газели», после чего, прикрыв борт, буркнул себе под нос:

— Ступай в контору. Сейчас машину загоню, а там и это чучело в дом доставлю.

— А ты случайно его не того?.. Не убил? — на всякий случай поинтересовался Граф. — А то какой-то он вялый, словно тряпка....

— Да ни хрена с ним не будет. Видишь, дышит? Чего еще надо? А то, что без сознания, так ведь без этого никак.

Вскоре монотонно загудел двигатель «Газели», а еще минут через десять Сыч, благополучно загнав ее на огражденную забором территорию, вытащил из кузова все еще находящегося без памяти незнакомого парня. Поместили его в подвал. Там было одно небольшое помещение, непонятно для чего предназначенное. По своим размерам напоминавшее больше склад, чем комнату, оно располагалось в конце длинного коридора. Дотащив до места уже начинавшего приходить в себя сыщика, Сыч посадил его на пол и прислонил спиной к холодной бетонной стене.

— Посиди-ка пока здесь, дружок, а я сбегая, воды принесу. А то со здоровьем-то у тебя на самом деле, похоже, не очень. Бледный вон весь, как простыня.

К допросу приступили, когда пленник уже окончательно пришел в себя и, по-прежнему сидя на полу, морщился от боли в затылке. Недоуменно переводя взгляд с Графа на Сыча, он явно разыгрывал спектакль, делая вид, что не узнает того, за кем полдня

таскался по городу, и уж тем более совершенно не понимает, за что это его вырубили и притащили сюда, в этот подвал.

— Ты морду-то сделай попроще, а то пялишься, как будто попал в племя людоедов.

Граф, присев на принесенный с собой стул, внимательно глянул на парня, который еще был достаточно бледен, однако начинающие проявляться на его щеках розоватые пятна говорили о том, что жизнь понемногу в его худом теле возвращается в прежнее русло.

— Слышь, ты! Разведчик хренов! Смотрю я на тебя и никак не могу вспомнить, где я мог твою рожу видеть раньше. Ты случайно на зоне не чалился?

— Ну, — с трудом проговорил парень.

— Что — ну?

— Ну чалился. Два года под Иркутском. С девяносто седьмого по девяносто девятый.

— А на какую погремуху откликаешься?

— Тромбон я.

— Ну точно, — расхохотался Граф. — Под Иркутском. А я-то думаю, где я мог тебя видеть. Только вот по поводу Тромбона ты, паря, загнул. Не Тромбон ты вовсе, а долбон. Кто же так след берет, если я тебя еще там, в трактире, вычислил? Правда, поначалу думал, что показалось, но потом, когда пару раз проверил, понял, что нет.

— Если понял, зачем тогда репу дырявить надо было? — Тромбон, словно вспомнив про голову, коснулся больного места рукой и чуть не взвыл от боли.

— А это тебе за то, чтобы в следующий раз исправно работу свою выполнял и на будущее знал, как хвостом шлаться. Хотя, похоже, зря воспитываю. По-

тому что, по моим понятиям, не будет у тебя никакого будущего.

— Это еще почему? — испуганно глянул на Графа Тромбон.

— Потому, что нос свой сунул туда, куда не следовало. Так что советую базар начать с того, кто направил тебя по моему следу. И, чем больше в нем будет правды, тем больше будет у тебя шансов остаться в живых.

— Никто меня не направлял. Я сам начал следить, — нервно заерзал на месте Тромбон.

— Я же тебе говорил, — повернул голову в сторону Сыча Граф. — Похоже, ты был прав. Придется эту птицу-говорун в бетон закатать прямо здесь, в подвале. А то...

— Я не вру, — вскочил с пола парень.

Сыч уже было шагнул к парню, но Граф движением руки остановил его:

— Не врешь, говоришь? Ну тогда рассказывай все по порядку и так, чтобы хоть чуть-чуть, но было похоже на правду.

— Я тебя, Граф, засек, когда ты еще был без парика и усов. Случайно, на улице. Ну а когда ты вошел в подъезд дома одним человеком, а вышел оттуда другим, я понял, что у Графа какой-то свой здесь интерес, иначе на хрена ему маскироваться. Козе понятно, что намечается какое-то дело, и мне захотелось узнать: какое же?

— Надо же, какой любопытный, — хохотнул Граф и, вспомнив про усы с париком, не замедлил их снять прямо здесь, в присутствии Тромбона. — Интересно знать, и зачем же это я тебе понадобился?

— Затем, что я уже полгода болтаюсь без работы, без дела и без денег. Бригада, с кем раньше промыш-

ляли, распалась окончательно. Кто пошел по этапу, а кто на завод подался. Мне же запаadlo на дядю горбатиться, вот и остался без заработка.

— Ты же вроде как домушничал? Или я ошибаюсь?

— Было такое.

— Так чего же тогда сопли распустил, когда можно было и в одиночку на промысел встать.

— Не привык я в одиночку-то. Для меня сподручнее коллективом, чтобы и дело было ништяк, и работа на должном уровне.

— И сколько ты уже вот так, на вольных хлебах?

— Да почти год. Сначала нас было четверо. Потом остались вдвоем. А шесть месяцев назад и последнего поделеньника мусора за старые грешки в лагерь упекли. Вот с тех пор и болтаюсь без дела.

— А проживаешь где? — настойчиво гнул свое Граф.

— У матери, пенсионерки. В двухкомнатной квартире в Чертанове.

— Значит, говоришь, у пенсионерки? — Граф изобразил на лице недоумение. — А по твоему прикиду и не скажешь, что ты уже полгода на одну старушечью пенсию прозябаешь. Да и рожа твоя явно не от голода так справно опухла.

— Да я...

— Заткнись, — грозно глянул на Тромбона Граф и, повернувшись в сторону Сыча, скомандовал: — Прошмонай парнишку, а то, сдается мне, решил он нам здесь по ушам прокатиться.

Заставив пленника встать к стене спиной, Сыч выгреб все, что было в карманах парня, и протянул Графу.

Ключи, проездной в метро, мелочь и еще какая-то дребедень тут же полетели на пол. Но, как только

Граф разложил на коленях лопатник Тромбона, он моментально бросил в сторону Сыча выразительный взгляд. Подельник понял шефа. Удар сбоку по печени заставил парня сначала упасть на колени, затем, громко охнув, завалиться на бок. Подняв совершенно безвольное тело с пола и поставив его на ноги, Сыч тут же развернул парня к себе лицом и нанес ему сильнейший удар точно в подбородок.

— Не убей! Монстр! — остановил его Граф, видя, как тот, кто еще минуту назад уверял его в своей правде, пулей отлетел к стене, ударившись головой об дверь.

На этот раз Тромбон сознания не потерял, но весь вид его говорил о том, что реально соображать и уж тем более говорить он в данную минуту был просто не в состоянии.

— Ладно. Пошли, — поднялся со стула Граф. — Пусть пока посидит здесь. Подумает. А там, глядишь, и дойдет до страдальца, что врать таким, как нам, себе дороже.

Вернувшись в комнату, где все напоминало о вчерашней попойке, он тут же приказал Сычу навести в доме порядок. А сам, пройдя в комнату, где хранились деньги, долго стоял, глядя на саквояжи так, словно ждал от них того самого решения, которое было необходимо ему в данный момент как никогда в жизни.

«Интересно все-таки в жизни получается, деньги — вот они, а сделать с ними ничего нельзя», — думал Граф в надежде, что разум наконец-то сжалится над ним и подскажет хоть какой-то, пусть самый ничтожный, но все-таки выход из положения. А уж там-то он как-нибудь смиктит и сделает все, как надо. Главное, чтобы была идея, и больше ничего. Именно

от нее зависел не только успех всего дела, но и его собственная будущая жизнь.

Но мешки молчали, и Граф, потеряв всякую надежду на то, что он все-таки сможет придумать выход из положения, от злости и отчаяния пнул по одному из них. «Мать вашу. Я столько лет готовился к этому, столько всего передумал, а вы... Кстати, — глянув на металлические створки замков саквояжей, — когда будем вскрывать вас, надо бы не забыть отключить сигнализацию, а то вмиг сюда вся ментовская рать сбежится».

Тромбон уж был в полном порядке, когда Граф в сопровождении Сыча вновь появился в той самой комнате, куда они поместили своего пленника.

— Ну что, Мюнхгаузен? Новую сказку нам изобразишь или старую песню продолжать будешь? Но хочу предупредить заранее, прежде чем ты откроешь рот, сразу про голод и бедную жизнь лучше не зайкаться. Судя по-твоему лопатнику, живешь ты далеко не впроголодь, а даже очень и очень достойно. Пять штук деревянными, почти пять сотен баксов и две кредитки — это, знаешь ли, не для безработного, проживающего вдвоем с матерью на ее крохотную пенсию. Еще раз заявишь нечто подобное — и ты больше уже ничего не увидишь. Так что тебе мой совет, колись сразу, как есть, а то ведь так и до греха недалеко.

Граф сознательно сделал паузу, чтобы дать Тромбону возможность осмыслить выданное ему первое и, похоже, уже последнее предупреждение.

— Ну так кто тебе дал указание следить за мной?

— Хамелеон, — сплюнув на пол сгусток крови без всякого на то сожаления, зло проговорил Тромбон.

— Я так и думал, — покачал головой Граф. — Не

удержался, сучара, от соблазна узнать, где я свой капитал храню. А ведь меня предупреждали, что от этой гнили можно ожидать чего угодно. Ладно. — Он вновь глянул на Тромбона. — Теперь давай все по порядку и без всяких там загибов.

— Зачем ты ему понадобился, я не знаю. Мне было приказано только довести тебя до места и присмотреть за твоей берлогой.

— Это ясно, — не выдержал Граф. — Дальше что?

— А что дальше? Это все.

— Я сказал рассказывать с начала и до конца, — напомнил Граф. — Давно работаешь на Хамелеона?

— Давно.

— Сколько в бригаде человек?

— Шесть. Дело делаем исключительно по наводке. Всю подготовительную часть всегда готовит Хамелеон. Он же и делит добычу.

— Проценты оговариваются заранее?

— Нет. Он просто предупреждает о том, что в той или иной хате интересуется его лично. Это означает, что данная вещь должна непременно прилипнуть к его лапам.

— Какой процент твой лично?

— Не знаю. Он говорит, что мои деньги складываются на специально открытый для этого счет в одном из заграничных банков. Где и сколько там уже накопилось денег, я также не знаю. Все покрыто мраком. Живу на суточные, которые получаю ежедневно. Ну иногда кое-что удастся зажать после очередного дела.

Граф с Сычом переглянулись.

— Какого же ты тогда хрена держишься за этого старика?

— Он — мой отец.

— Что? — Глаза Графа полезли из орбит. — Левицкий — твой отец?

— Да, — нисколько не удивляясь его реакции, спокойно проговорил Тромбон. — Мать умерла, когда меня рожала. Потом был детдом. И уже чуть позднее отец объявился. Вот с тех пор и живем вдвоем.

— А как же при таком родиче тебя угораздило стать вором?

— Так он меня сам и направил по этой стезе.

Новый шок подействовал на Графа еще сильнее, чем первый.

— Твой собственный отец заставил тебя обучаться воровскому ремеслу?

— Да. Первый раз он приказал своим людям взять меня на дело, когда мне только-только стукнуло четырнадцать. Правда, тогда я годился только для строма, но постепенно, шаг за шагом, начал приобщаться к воровству. Это уж я потом, когда оказался на зоне, понял, что отец сознательно слепил из меня домушника, а поначалу-то было жуть как интересно. Днем в школу, вечером — на чужую хату. Учился-то я хорошо. Школу мог запросто закончить с медалью и стать, например, ученым. Меня больше всего тянуло к математике. А он сказал: нет. Ученые получают копейки, а человек по-настоящему счастлив только тогда, когда полные карманы зелени. Вот такая у моего отца философия, и никуда от этого не денешься. С тех пор и промышляю, то по квартирам, то по дачам.

— А как так получилось, что ты оказался на зоне? Неужели у твоего отца не нашлось денег откупиться?

— А он это специально сделал.

— Как это специально? — не понял Граф.

— А вот так. Я когда понял, что на этот раз мне точно не вывернуться, попросил его вытащить меня

из тюрьмы. Так он тогда лишь только усмехнулся. «Нет, — говорит, — сынок, зона — это своего рода школа жизни. Ты там такого нахватаешься, чему ни один институт не научит. Так что придется потерпеть, глядишь, и приживешься. А я тебе помогать буду. К тому же и от армии будет шанс отвертеться».

— Ну и как? Помогал? — подал голос стоявший в углу Сыч.

— Помогал. На это грех жаловаться. Как только я в лагерь прибыл, меня сразу в клуб определили, кино для братвы показывать. Похоже, батяня мой приличный куш начальничку зоны отвалил, коли меня, первохода, сразу такой чести удостоили. Да и провиантом тоже частенько баловал. К тому же еще в детстве я в музыкальной школе обучался, на трубе играл. Это мне тоже на зоне пригодилось. В лагерном оркестре был задействован. Кстати, отсюда и погоняло мое, столь необычное, — Тромбон.

— Ну а на кой тебе такая жизнь сейчас, когда ты даже не знаешь, за какой ломоть горбатишься? К тому же риск вновь оказаться на зоне, сам понимаешь, тоже не маленький.

— Так-то оно так, — скептически ухмыльнувшись, глянул на Графа Тромбон. — Был такой момент, когда я хотел дернуть от Хамелеона, но после одного случая еще больше у него на крючке оказался.

— Какого еще случая? — Граф понимал, что это уже выходит за рамки его вопроса, но тем не менее он не смог удержаться от возможности узнать, что же такого необычного произошло между отцом и сыном, что не позволило последнему обрести самостоятельность, а вместе с ней и свободу.

— Грех за загубленную душу на мне висит. И отец, зная об этом, однажды, когда я уже собрался было

делать ноги, пригрозил, что если я сделаю это, то он упрячет меня за решетку, и уже не на два года, а как минимум на двенадцать.

— Нет. Надо же, какая падла, — Граф сокрушенно рубанул рукой воздух. — И как только тебя угораздило под мокруху подлезть? С виду-то ты вроде не особо прыткий, да и с мозгами, похоже, дружишь.

— А вот так и угораздило. Чисто случайно. Ствол-то я всегда с собой на дело брал, так сказать, на всякий случай, хотя и стрелять-то толком не умел. И вот однажды, когда уже с хаты сваливали, сосед вдруг, откуда ни возьмись, с двустволкой появился. Он, оказывается, засек нас в глазок, вот и решил на старости лет медаль за поимку особо опасного преступника получить.

— И ты, недолго думая, шмальнул в старика почему зря?

— А что мне оставалось? Ждать, когда он мне шкуру продырявит? — Тромбон, вспомнив все происшедшее, пожал плечами. — Да я и стрелять-то не хотел. Все получилось как-то само собой. В общем, не успел я опомниться, а он уже лежит передо мной с дыркой во лбу, и кровь из нее пузырями бульк да бульк. Мне бы, дураку, промолчать и ничего не рассказывать отцу, ан нет, не сдержался. Слезу пустил. Все ждал, когда он меня успокаивать начнет. А он, вместо того чтобы хоть как-то помочь, начал голову ломать, каким образом все это может отразиться на его личной шкуре.

— Ну и как, отразилось?

— Да нет. Все прошло тихо. Никто ведь меня тогда в подъезде не видел, да и подельники мои также были не в курсах. Только лишь очередного глухаря на ментовскую шею повесили, и дело с концом.

— Ну ладно. Бог с ним, с отцом твоим, — подвел черту разговору Граф. — Ты мне лучше вот что скажи, на кой хрен Хамелеон тебя отправил за мной присмотреть?

— А ты не догадываешься? — уже более открытым и явно насмешливым взглядом глянул на него Тромбон. — Он ведь тебе ясно дал понять, что встреча эта ваша не последняя. К тому же куда тебе еще с такими деньгами податься? А коли есть человек, у которого есть деньги, значит, появляется возможность взять их сразу все и без каких-либо на то обменов.

— А ты откуда знаешь, что базар шел про большие деньги?

— Оттуда, откуда и все остальное. Когда вы рядились по поводу процентов, я был в соседней комнате и все прекрасно слышал. Вот только никак не предполагал, что на этот раз папашка мой таким резвым окажется. Ты только за порог — он уже тут как тут. «Давай, — говорит, — Жека, лети за этим фруктом пулей, да только смотри, не сгори, а то и дело загубишь, и клиент спрыгнет».

— Вот, значит, как, — сказал Граф. — Интересно, на что же это он надеется? Ну вычислил. Ну сумел обвести меня вокруг пальца. А дальше-то что? Он ведь не дурак, папашка-то твой, и наверняка соображает, что таким макарон можно запросто и в деревянный бушлат занырнуть.

— А вот ты его об этом сам и спроси. Только я так кумекаю, что Хамелеон и на этот случай наверняка какой-нибудь финт придумает. Вот так, просто, не предусмотрев все, он в омут кидаться не будет. Не тот человек.

— Ну что же? Спросить, говоришь? Пожалуй, можно и спросить.

По лихорадочно бегающему взгляду Графа было абсолютно ясно, что и на этот раз он задумал нечто необычное. Улыбнувшись и глянув на Тромбона, он вдруг проговорил:

— Ну что дальше-то будем делать?

— Ты это о чем? — не понял вопроса тот. — Ты про отца, что ли?

— Да нет. На этот раз про его сына. Отпустить тебя — значит заранее можно поставить крест на деле. Хамелеон, если не сумеет раскрутить нас, значит, сдаст со всеми потрохами мусорам. Это ясно как божий день.

— И заработает на этом ровно миллион долларов, — дополнил Графа Тромбон.

— Это еще что за новость?

— Да и не новость уже. Телевизор чаще смотреть надо. Еще вчера банк «Возрождение» объявил о вознаграждении в сумму ровно миллион долларов тому, кто укажет местонахождение ограбивших инкассаторский броневик.

— А мы-то здесь при чем?

На этот раз пришло время Графу блеснуть актерским мастерством. Однако уже через секунду стало абсолютно ясно, что этот финт у него явно не получился, так как Тромбон, вновь глянув на него, лишь ехидно хмыкнул:

— Да ладно тебе. Хамелеон вас вычислил еще раньше, чем ты появился в его доме.

— Интересно. Интересно. — Граф явно был озадачен неожиданной новостью и, желая увести разговор в сторону, вновь задал все тот же вопрос: — Ну и как нам теперь быть с тобой?

— А как хочешь, так и поступай. — Выражение

лица парня на этот раз не было поддельным. — Можешь пришить прямо здесь, а можешь и в другом месте. Мне все равно. Вот только даже я своими куриными мозгами соображаю, что, объединившись, мы сможем так пощекотать папашку, что от этого и вам помощь выйдет, и мне кое-что обломится.

— Так ведь он же твой отец? — как-то само по себе соскочило с языка Графа.

— Верно. Вот только я ему уже не сын. И причем давно, с того самого дня, как умерла мать.

Уже на следующий день Граф вновь позвонил Левицкому и, извинившись за то, что вчера не сдержался в выражении своих эмоций, попросил еще об одной встрече.

— Но учтите, молодой человек, если мы и на этот раз не сумеем договориться, то это уже будет наш последний разговор.

Хамелеон явно торжествовал. Под утро заявившийся домой сын сообщил, что ему удалось выследить место обитания Графа и даже заглянуть в одно из окон. По его мнению, в помещении бывшего магазинчика, которое снял вор, кроме него самого, находится еще один человек. И даже то, что Евгений был пьян, а разбитая морда говорила о его бурных ночных приключениях, несколько не расстроило Илью Вениаминовича, поскольку ему было глубоко наплевать как на самого сына, так и на его будущее. Главным в жизни Левицкого всегда были деньги. И даже, несмотря на его довольно-таки преклонный возраст, когда стоило подумать и о душе, Хамелеон по-прежнему думал только о деньгах, что, по сути, было его единственной радостью на свете.

На этот раз Граф, обстоятельно готовясь к пред-

стоящей встрече, уделил своей внешности гораздо больше внимания, чем в предыдущие визиты. Игра постепенно начинала приобретать все более серьезный характер, а значит, и готовиться к ней надо было с еще большей ответственностью. К тому же Хамелеон личностью был легендарной, известной не только на всю Москву, а отсюда и интерес к его персоне со стороны милиции наверняка был особый. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что поиски украденных денег с каждым днем все больше и больше сужаются, Граф тут же мысленно поставил себя на место маломальски грамотного милицейского начальника. Это дало ему возможность без труда предположить, что первым шагом органов в этом деле будет установление наблюдения за всеми, кто мог обменять деньги. Предполагая и такой расклад, что за Хамелеоном будут следить в первую очередь, Граф постарался сделать все, чтобы проникнуть в подъезд дома Левицкого под таким прикрытием, которое не смогло бы навести любопытных на какие-нибудь ненужные подозрения. На этот раз усы и парик дополнили очки и фирменная куртка, на спине которой большими буквами было написано: «Связь». Бейсболка такого же зеленого цвета и небольшая сумка с длинным ремнем через плечо делали Графа очень даже похожим на тех телефонных мастеров, которые приходили по вызову к квартиросъемщикам.

— Ну вы прямо артист! Каждый раз новый маскарад, — уже более радушно, чем два дня назад, встретил Графа Илья Вениаминович.

Приглашая пройти в кабинет, он был само радушие, что, естественно, не прошло мимо внимания гостя.

«Похоже, ловушка сработала», — подумал про себя Граф, отвечая на гостеприимство хозяина не менее радушно.

— Ну так что? Перейдем непосредственно к делу? — После официальной части приема, когда пышущий ароматом кофе в изящных фарфоровых чашечках был предложен гостю, начал плести свою паутину Хамелеон.

— Был бы рад, — мгновенно принял игру Левицкого Граф. — А то, сами понимаете, времени в обрез, а еще всего столько предстоит сделать, что ума даже не приложу, как вывернуться.

— Понимаю. Понимаю, — развел в стороны руки Илья Вениаминович. — Поэтому и не собираюсь спрашивать, откуда у вас вдруг появилось столько денег, а хочу предложить следующий вариант. Я приму всю вашу рублевую массу и переведу ее в долларовый эквивалент. Кроме того, в одном из зарубежных банков, например на Кипре, будет открыт счет на предъявителя, на который и поступят все ваши «сбережения».

— Несколько счетов, — уточнил Граф. — И желательно в разных странах.

— Хорошо. Пусть будет несколько счетов, — мило улыбнулся Илья Вениаминович. — Это не проблема. И заметьте, все это я сделаю за тридцать процентов.

— Ого! — восхищенно глянул на «добродетеля» Граф. — Еще вчера было пятьдесят, а сегодня уже тридцать. С чего это вдруг такая щедрость?

— Про щедрость только в кино показывают, и то исключительно для дураков. Любое дело, связанное с деньгами, всегда имеет под собой определенную основу, которая называлась и будет называться выго-

дой. Так что, запомните, молодой человек, никогда и ничего не делается просто так.

— И в чем же тогда здесь ваша личная выгода?

— А вот об этом мы поговорим чуть позже. Для начала позвольте узнать, о каких деньгах будем вести разговор?

— Что-то около пятидесяти миллионов рублей, — не задумываясь, ответил Граф.

— Ого! — Хамелеон от изумления, так и не прикоснувшись к кофе, вернул чашку на место. — Чувствуется размах. Значит, если перевести рубли в баксы, вы претендуете почти на два миллиона долларов?

— С учетом ваших процентов это будет полтора.

— Да-да. Верно. — По лицу Левицкого вновь проскользнула улыбка самодовольства. — Ну что же? Я думаю, что в течение двух недель я смогу проверить ваше дело.

— Две недели? Это много. Мне необходимо все прокрутить за семь дней. Максимум за десять.

Хамелеон задумался и после непродолжительной паузы вновь поднял глаза на Графа. — Договорились. Ваши деньги уйдут за кордон ровно через десять дней. Всю схему сделки вы получите уже завтра. Но запомните, с этой минуты вы должны будете строго следовать разработанному мною плану.

— Каковы будут гарантии?

— Какие гарантии, молодой человек? Я уже настолько стар, что хочу умереть своей смертью в своем собственном доме, а не где-нибудь в сточной канаве. К тому же, как мне кажется, я не идиот и прекрасно понимаю, с кем имею дело. Рисковать здоровьем не в моих правилах.

— Логично, — кивнул в знак понимания Граф, отметив про себя, что на этот раз старик попал в точку.

— Однако дело есть дело. И, хотя я привык работать на доверии, тем не менее все мы живые существа и ходим под одним богом. А значит, во избежание каких-либо казусов, каждый из нас прежде всего должен быть уверенным в компаньоне, а значит, и в самом предприятии тоже. Именно поэтому я хочу представить вам вашу гарантию.

После этих слов со стороны стеллажей с книгами распахнулась потайная дверь, задрапированная под цвет стен, и в кабинет вошел Тромбон.

— Познакомьтесь. Мой сын, Евгений. С этой минуты он постоянно будет с вами. Если, конечно, вы не возражаете.

— Не возражаю, — поймал на лету уловку Хамелеона Граф.

— Отлично, — улыбнулся тот. — Он будет контролировать весь порядок сделки, а значит, и нести ответственность за ее чистоплотность. Повторяю, до окончания дела Евгений должен будет постоянно находиться при вас.

— Я понял, — кивнул Граф, внимательно оглядывая Тромбона с ног до головы, словно видел его впервые.

— Ну а теперь, — дождавшись, когда сын, пройдя к креслу, займет место напротив гостя, продолжил Левицкий, — давайте вернемся к моим процентам, которые я хочу получить. Я так подозреваю, они в данный момент вас волнуют больше всего остального?

— Вы совершенно правильно подумали, — чувствуя, что Хамелеон подбирается к самому главному, напрягся Граф.

— Так вот. Как я говорил, процентная ставка уменьшилась не случайно. Это весьма существенная подвижка. Не находите?

Граф, не произнося ни слова, в знак согласия выразительно кивнул.

— Так вот. С полной ответственностью могу заявить, что она может уменьшиться еще на десять процентов, если вы поможете мне повернуть одно дельце. Забегая вперед, могу заверить вас, что это достойная плата за то, что я намерен вам предложить.

— Смотря какое дело.

— Для вас оно, прямо скажем, пустяковое, а для меня очень даже важное, — не снижая темпа, продолжил Хамелеон.

Чувствовалось, что он сел на своего конька и поэтому решительно шел к поставленной цели. Необычайно наглая самоуверенность влекла его к ней с таким упорством, что было невооруженным глазом заметно, как старик весь горит от нетерпения, а главное — ни на минуту не сомневается в успехе дела.

— Так вот. Я думаю, для вас не секрет, что основное мое увлечение — это коллекционирование. Именно ему я посвятил половину своей жизни и несколько не жалею, что потратил уйму нервов, сил, здоровья и денег. Уверяю вас, то, что удалось мне собрать, стоит того. Когда-нибудь я покажу вам свою коллекцию, и думаю, вы ее оцените.

Графу ничего не оставалось, как в знак согласия еще раз кивнуть.

— Так вот, — продолжил Левицкий. — Мною собраны десятки шедевров, о которых мечтают не только понимающие коллекционеры, но и почтут за счастье иметь в своих стенах лучшие музеи мира. Это картины известных художников, скульптуры, старинные книги и ювелирные украшения. Однако, как и у каждого одержимого идеей человека, у меня есть мечта, которую я храню в своем сердце уже много-

много лет. Я мечтаю об одной картине. И поверьте, с того самого момента, как только я увидел ее, я не знаю ни покоя, ни радости, ни наслаждения, которое уже давно должен получать от жизни. Эта картина одного очень известного старинного французского художника, жившего на рубеже XVII и XVIII веков. Имя его Антуан Ватто. А называется она «Общество в парке». И не потому этот шедевр стал мне так близок, что на холсте изображено что-то особенное. Нет. На картине самая обыкновенная сцена того времени. Группа дам и кавалеров, расположившись под тенью деревьев, что-то празднует. Одним словом, у людей веселое настроение, и они решили отметить это прямо в парке на скамейке.

Все дело в самом художнике. Именно его жизнь, его творчество поразили меня, и, когда я впервые прочитал об этой картине, еще даже не видя ее, я уже был полностью влюблен в этот холст. За все время существования картины о ней было сложено столько легенд, сколько не было сложено ни о каком другом произведении Антуана Ватто, хотя воочию ее видели лишь только единицы. Все дело в том, что последние тридцать лет картина принадлежала одному очень известному американскому коллекционеру, а он, как все, кто увлекается этим делом, предпочитал не только не афишировать свои приобретения, но и не выставлять их на всеобщее обозрение. Исключительно по этой причине сам шедевр можно было наблюдать только на страницах журналов и каталогов. И вот несколько лет назад, уж не знаю, по какой причине, картина была продана с аукциона. За какую сумму продали, я думаю, говорить не имеет смысла. Как бы то ни было, а новым владельцем на сей раз стало не частное лицо, а один из европейских музеев, точнее

Дрезденская картинная галерея, что, кстати, в нашем деле бывает не так часто. В общем, как только я узнал об этом, то тут же вылетел в Германию, чтобы наконец-то встретиться с тем, о чем столько лет мечтал.

Илья Вениаминович замолчал. Переведя дыхание, он протянул руку к чашке с уже остывшим кофе и, сделав несколько глотков, задумался.

Не понимая, с чем связана явно затянувшаяся пауза, Граф, уже совсем скоро, не выдержав повисшего в воздухе молчания, спросил:

— И в чем же смысл вашего предложения?

— Ах да, — очнулся от раздумий Хамелеон. — Смысл в том, что ее надо украсть.

— Что? — вырвалось из груди Графа. — Украсть картину, которая стоит черт-те знает каких денег? Да еще и в Германии? Вы случайно не того?..

— Нет. Не того. — Не обращая внимания на несколько непозволительный тон гостя, совершенно спокойно произнес Левицкий. — Во-первых, неважно, сколько она стоит. Картина остается картиной, и не более того. А во-вторых, находится она сейчас не в Дрездене и не в Нью-Йорке, а в двадцати минутах езды от этого дома. В Третьяковке вот уже две недели работает собранная со всего мира выставка наиболее знаменитых работ известных художников. Именно там и расположена на данный момент эта работа. Ровно через восемь дней все то, что привезено в Россию из Германии, отправится в обратный путь. И пока известно только одно: транспортировка картин будет осуществляться железнодорожным транспортом.

— А нельзя ли взглянуть хотя бы на ее репродукцию?

Рассказ Хамелеона настолько подействовал на Графа, что тот, сам того не замечая, вдруг всерьез

проникся мечтой хозяина дома. Именно поэтому ему вдруг захотелось хотя бы одним глазком взглянуть на то, что так влекло старика, уже почти прожившего отпущенную ему богом жизнь.

— Отчего же нельзя? Можно, — охотно согласился Илья Вениаминович и подал знак сыну.

Тромбон тут же встал и, выйдя из кабинета, уже меньше чем через минуту вернулся обратно, держа в руках небольшого размера полотно, обернутое плотной, непросвечивающей тканью. Пристроив картину тут же на столе, поближе к свету, Хамелеон выразительно посмотрел на Графа.

— Это ее точная копия. Кстати, исполненная одним очень талантливым художником. Я ее заказал сразу же, как только вернулся из Германии. Конечно, это не оригинал, и специалист отличит ее невооруженным глазом, тем не менее она хоть как-то греет мою душу.

— Хорошо, — после некоторого раздумья произнес Граф. — Я пока не даю полного согласия, но и «нет» я тоже не говорю. Над этим делом стоит подумать, и подумать очень даже основательно. Хотя, если честно, после того, что вы здесь сейчас рассказали, мне стало очень даже интересно взглянуть на сам шедевр. Предложение весьма заманчивое. К тому же те деньги, за которые предлагается украсть картину, стоят того. Сами подумайте, ведь не каждый же день поступают предложения сработать за полмиллиона долларов. Грех отказываться.

Левицкий протянул гостю руку и не без удовольствия произнес:

— Я знал, что мы пойдем друг друга.

— Подождите с выводами. — Отвечая на рукопожатие, но при этом давая понять, что разговор не за-

кончен, внимательно взглянул в глаза Хамелеона Граф. — Прежде чем перейти непосредственно к обсуждению данного дела, мне бы хотелось задать вам несколько вопросов.

— Ради бога. Задавайте, — расплылся в улыбке Илья Вениаминович.

— Почему вы обратились именно ко мне? Ведь у вас под рукой есть специалисты нисколько не хуже меня. — Граф выразительно посмотрел на Тромбона, давая понять, о ком идет речь.

— Не спорю. Ребята у меня что надо. Но их специализация исключительно квартирные кражи. Здесь же требуется специалист иного профиля, например, такой, как вы. А так как данное дело можно смело сравнить с ограблением инкассаторов, то, я думаю, выбор мой сделан правильно.

Пропуская мимо ушей тонкий намек на проделанное им несколько дней назад дело, Граф упорно шел своим путем. В голове у него уже вился целый рой вопросов, а потому получить на них хоть какой-то ответ ему хотелось немедленно, как говорится, не отходя от кассы.

— Скажите, ведь, прежде чем предложить мне столь рискованное дело, вы наверняка уже все основательно пробили по поводу вывоза картин, а может, и провели кое-какие организационные мероприятия?

— Вы очень даже проницательны, — одарив Графа своей очередной сморщенной старческой улыбкой, совершенно невозмутимо произнес Хамелеон. — Действительно, кое-что мне уже удалось выяснить, а также предпринять некоторые шаги. Вы ведь понимаете, что упустить столь редкий шанс заполучить картину прямо здесь, в Москве, — это было бы непростительной ошибкой. А потому делать ставку

только лишь на вас я просто не имел права. В том случае, если бы вы мне сказали «нет», я бы тут же привлек к делу других людей. Но ведь другим надо платить, а здесь, как говорится, баш на баш.

— В общем-то, резонно, — понимающе кивнул Граф. — И все-таки, что удалось вам узнать по поводу транспортировки выставки?

— Вся экспозиция будет отправлена машинами через восемь дней. Погрузка назначена на десять часов утра, так как ровно в четырнадцать она уже должна прибыть к специально оборудованному для транспортировки вагону. Где будет осуществляться перегрузка, пока не знает никто, хотя могу сказать заранее: ровно за три часа до нее я буду иметь точную информацию по этому вопросу. К тому же я знаю, где в данный момент находится вагон.

— А вот это уже кое-что, — не без удовольствия заметил вслух Граф.

По всему было видно, что в голове у него уже всю зрел вполне конкретный план ограбления. Оставалось только уточнить кое-какие детали, и можно было переходить к непосредственному его обсуждению. Он уже хотел открыть рот для своего следующего вопроса, как Илья Вениаминович, опередив гостя, заставил его замереть на месте, так и не произнеся ни слова.

— Картину надо будет не просто украсть, а заменить. Заменить вот на эту копию, — Хамелеон бросил быстрый взгляд на холст, стоявший на столе. — Зачем это надо сделать, объясняется очень просто. Как я уже и говорил, данная копия изготовлена большим мастером своего дела, а значит, определить подделку сможет только специальная экспертиза. Ведь после

того, как милиция узнает о проникновении посторонних лиц в вагон, тут же будет назначена комиссия по выяснению последствий проникновения. По-русски говоря, украли чего или нет. А когда станет ясно, что все находится в целости и сохранности, вагон тут же будет отправлен в Германию. Пока он дойдет до Дрездена, пока его разгрузят и пока очередь обследования картин, которые подвергаются тщательному осмотру всегда после их возвращения из дальних странствий, дойдет до Антуана Ватто, пройдет не меньше недели. Сами понимаете, за это время воды утечет столько, что поймать людей, похитивших картину, будет уже практически невозможно.

— Хитро. Ничего не скажешь. Осталось только залезть в вагон и подменить картину.

— Да. — Понимая иронию Графа, но не воспринимая ее на свой счет, Хамелеон не замедлил ответить тем же: — И заметьте, все это почти за полмиллиона долларов.

Из квартиры Левицкого Граф и Тромбон договорились выходить по очереди, дабы не привлекать к себе чьего-либо внимания. Уже через двадцать минут они должны были встретиться вновь в одном небольшом кафе, расположенном в двух кварталах от дома Хамелеона. Договорившись держать связь исключительно через его сына, Граф пообещал Илье Вениаминовичу, что уже завтра утром даст ответ по поводу его предложения. И, хотя мысленно оба уже были полностью уверены, что сделке суждено состояться, тем не менее для солидности необходимо было выдержать паузу.

— Ну что скажешь? — вопросом встретил Граф

вошедшего в кафе Тромбона, когда тот, присаживаясь за столик, попросил официанта принести ему кружку пива.

— А что сказать? Разговор получился интересным и, я бы даже сказал, конструктивным. Главное, папашка клюнул. А вот что будет дальше — это уже вопрос другой.

— Именно он меня сейчас и волнует больше всего. Боюсь, что Хамелеон в последний момент выкинет какой-нибудь фортель.

— Ты это о чем?

— О деньгах. Возьмет и не перечислит. Или подсунет мне какую-нибудь фальшивую бумажку, в которой будет указано, что деньги переведены, а на самом деле нет.

— Вот это ты зря.

— Что зря? — не понял Граф.

— А то, что отец не дурак. И прекрасно понимает, в какое дело ввязался. Он ведь тебе открытым текстом сказал, что рисковать жизнью из-за какого-то миллиона, даже если он в долларах, глупо. Зачем рубить сук, на котором сидишь. К тому же сегодня все счета, если они, конечно, не засекречены, запросто проверяются. Стоит только набрать необходимый код, и в любом банке по кредитке с него не только снимается сумма, но сообщается остаток.

— В чем тогда подвох?

— Точно не знаю. Но вполне возможно, в том, что счет будет открыт на предъявителя.

— Ясно, — словно провозглашая вердикт, произнес Граф. — Выходит, что старику легче от меня избавиться, и тогда он вновь становится владельцем своих же денег.

— Плюс еще тех, которые ты притащишь ему своими собственными руками.

— Это точно.

Усиленно соображая, что можно предпринять в таком случае, чтобы полностью обезопасить себя от нападков Хамелеона, Граф опять замолчал. Но на этот раз ничего путного не придумал, а потому, отложив решение данной проблемы на потом, он вновь вернулся к разговору, касающемуся предложения Левицкого.

— Однако какой бы сволочью ни был твой отец, что-то человеческое в нем все же еще осталось. Я имею в виду любовь к искусству.

— Искусству? — расхохотался вдруг Тромбон, да так, что посетители, сидящие за соседними столиками, невольно обернулись.

Но еще больше он своей неординарной выходкой привел в изумление Графа. Неподдельное удивление заставило его откровенно вытаращить на Левицкого младшего глаза.

— Ты что? До сих пор не догадался, что вся эта комедия по поводу Антуана Ватто, его искусства и картины «Общество в парке» была разыграна специально для тебя, — все еще стараясь усмирить неожиданный приступ смеха, проговорил Тромбон. — Никакой любви к художнику, понимания его таланта, а также переживаний по поводу названной картины нет и быть не может.

— Как это нет? Он ведь сам рассказывал, что....

— Рассказывать? Да. Рассказывал. А что касается всего остального — туфта чистой воды. Просто один подпольный коллекционер пообещал отцу за картину Ватто сумму в три раза больше той, что он зарабатывает на тебе. Не знаю почему, но богачей этот просто та-

щится от известных художников того времени. Вот и зарядил папашку на такие бабки, что тот готов бежать следом за вагоном в Дрезден. А тут вдруг раз — и ты со своим предложением. Врубается? — Тромбон не без иронии глянул на ошеломленного Графа. И тут же, с трудом стерев с лица улыбку, поспешил спрятать откровенно насмешливый взгляд, уткнувшись в кружку с пивом.

— Падаль, — зло процедил сквозь зубы вор. — Когда все кончится, убью суку. — Сделав несколько глотков пива, Граф, не глядя на собеседника, проговорил: — Так он что, и про свою коллекцию тоже наплел?

— Нет. Вот здесь как раз все правда. Коллекция есть. И, судя по разговорам отца, довольно-таки серьезная. Правда, я лично ее никогда не видел.

— И где он прячет все это добро, тоже не знаешь?

— Не знаю, — честно признался Тромбон. Однако тут же после короткой паузы добавил: — Хотя, если честно, догадываюсь. На Рублевке у него есть «небольшой» домик, квадратов так на восемьсот. Вот там, похоже, старик и хранит свою коллекцию.

— С чего ты взял, что именно там?

— Да с того, что охраняется этот домик так, как будто там сам президент проживает. Да и отец, как только освобождается от дел, сразу летит туда. Там он практически и проводит все свое свободное время. Я, конечно, бывал в этом доме, и довольно-таки часто. Весь особняк знаю практически наизусть. Но единственное, куда я не вхож, так это в его подвальные помещения. Потому-то и думаю, что все свои картины и деньги он хранит именно там.

— Откуда такая уверенность? — на всякий случай решил поинтересоваться Граф.

— Если бы ты видел те мощные системы вентиляции и кондиционирования, трубы которых ведут в подвал, наверняка бы тоже задумался: для чего все это? Картинам, особенно старинным, необходим соответствующий уход. Влажность, температурный режим, чистота воздуха и тому подобное. Так что, думаю, именно там папашка хранит свои шедевры. Больше нигде.

Глава 9

ПОДОЗРЕНИЯ

После вчерашнего ужина Рыжов пребывал в более чем приятном расположении духа. Наконец-то удалось снять с повестки дня всех семейных перипетий одну немаловажную проблему, которая вот уже почти два месяца заставляла нервничать жену, в какой-то мере тяготила Катерину и требовала постоянного вмешательства в непростые отношения жены и дочери самого главы семьи. Спокойная жизнь в их доме кончилась как раз в тот день, когда дочь объявила родителям, что у нее появился парень. Мало того, она сознательно подчеркнула, что это совсем не то, о чем они подумали, но отношения с тем, кого зовут Алексеем, у них вполне серьезные. И уже окончательно она добила мать, когда финалом ее весьма бурной речи стало сообщение о том, что дело, похоже, идет к замужеству. С одной стороны, это было неожиданностью, а с другой — Рыжов прекрасно понимал, что рано или поздно их совместная жизнь с дочерью должна была закончиться именно так и никак иначе. Тем не менее дочь была заревана окончательно. По ходу объяснений, нравоучений и сожалений

ний было выпито две бутылки валерьянки и пол-литра водки. И только лишь к утру, когда усталость сморила всех троих, был найден консенсус, который в первую очередь устраивал Ирину, во вторую — дочь и уж тем более самого Юрия Владимировича. По причине того, что удалось убедить дочь повременить со свадьбой хотя бы полгода.

Воронцов оказался на редкость коммуникабельным парнем. В быту он совершенно не был похож на того самого инкассатора, с которым пришлось по долгу службы столкнуться Юрию Владимировичу. Особенно подкупало Рыжова то, что Алексей был вполне серьезно настроен по отношению к его дочери и сам, не надеясь ни на кого, старался найти свое собственное место в этой жизни. Полковник вообще уважал таких парней, которые, не прячась за липовые справки и всякого рода уловки, шли служить в армию, которая всегда ковала из вчерашних безусых юношей настоящих мужиков, умеющих отвечать и за себя, и за свои поступки в том числе.

О том, что они уже знакомы и, мало того, даже по воле судьбы стали свидетелями одного преступления, за ужином не было сказано ни одного слова. Эта инициатива принадлежала исключительно Рыжову, который нашел в себе силы справиться с поджидающей его в собственном доме неожиданностью, когда увидел за столом Воронцова. Уж чего-чего, а то, что Алексей и есть тот самый жених, о котором Юрию Владимировичу все уши прожужжала жена, Рыжов не ожидал никак. Мало того, он поначалу даже несколько расстроился выбором дочери. Однако, по личному опыту и по долгу службы понимая, что первое впечатление всегда обманчиво, полковник усилием воли

тут же придушил комок негативного отношения к этому, в общем-то, неплохому парню.

Конечно, нельзя сказать, что, задумываясь над судьбой дочери, он где-то подсознательно не мечтал о более перспективной для нее партии, но жизнь есть жизнь, и она сама, рано или поздно, расставляет все по своим местам. Поэтому смириться с выбором дочери — это было одно, а признать его как правильный — совсем другое. Рыжов, будучи неплохим психологом, выбрал второе, аргументируя в конечном итоге свое решение очень простым, по-настоящему мужицким выводом: в конце концов, жить дочери, поэтому пусть она выбирает сама.

Столь простое решение было тут же обмыто первой рюмкой водочки, и уже дальше все пошло как по маслу. Разговор о жизни, о ее перспективах нет-нет да и переплетался с рассказами Алексея о своей семье, родителях, о том, какой он видит в будущем их с Катей семейную жизнь. И оттого, что ответы его почти полностью совпадали с мыслями родителей невесты, понемногу напряжение за столом растаяло, а когда женщины подали горячее, и вовсе исчезло окончательно. За смехом и шутками обстановка дома неожиданно стала именно такой, какой привык ее видеть сам Юрий Владимирович. Это означало, что все его опасения по поводу прихода в их дом нового человека, а значит, и по поводу изменения царившей в нем атмосферы полного благополучия, были напрасны. Столь яркая перспектива жизни, похоже, устраивала всех и стала вдруг настолько реальной, что, как показалось Рыжову, он почти физически ощутил ее. Это незамедлительно потребовало дополнительного вливания алкоголя, так сказать, за мир и за дружбу в их доме.

После того как молодые удалились, объяснив родителям, что хотели бы побыть одни, Юрий Владимирович примерно еще в течение часа имел «удовольствие» обсуждать данную проблему с Ириной, которой Алексей не только понравился, но, по мнению самого Рыжова, она была просто от него в восторге.

— Именно таким я и представляла себе мужа для Кати, а для нас с тобой — зятя, — не уставала твердить она одну и ту же фразу. — Сразу чувствуется: настоящий мужик.

Давать столь высокую оценку человеку, которого она видела впервые, было вообще-то несвойственно Ирине. Обычно к людям она относилась очень осторожно и скептически, а здесь вдруг, ни с того ни с сего начала петь дифирамбы. Воронцов смог стереть все ее опасения по поводу выбора дочери, и Юрий Владимирович, в конечном итоге поддержав супругу в этом вопросе, получил тем самым мощный аванс ее доброго отношения к его персоне. Это дало ему надежду на списание всех грехов сразу: поздние возвращения с работы домой, отсутствие выходных дней и явно участвовавшие обмывания очередных званий сослуживцев. Столь редкая возможность быть реабилитированным и начать жизнь с нового листа представлялась настолько редко, что Юрию Владимировичу грех было ею не воспользоваться.

Первым делом, прибыв в управление, Юрий Владимирович назначил совещание по поводу ограбления инкассаторского броневика, которое должно было состояться ровно через полчаса. Однако уже заранее отсутствие в его кабинете Шведова, который при появлении каких-либо новостей тут же стремился поделиться с полковником, наводило на мысль, что

ничего существенного за прошедшие сутки не произошло.

И он оказался прав. Командировка сотрудника на фабрику, где изготавливались саквояжи для транспортировки денег, не принесла никаких положительных результатов, не считая представленных заместителю директора по сбыту продукции документов, которые в конечном счете оказались фальшивыми. По предъявленным фотографиям человек, посетивший фабрику, опознан не был, что и предсказывалось Рыжовым заранее. Наблюдение за людьми, к которым должны были обратиться грабители по поводу перевода денег за границу, также пока никаких положительных результатов не принесло, что невольно наталкивало на мысль, а не залегли ли бандиты на дно. Ведь бывали в практике Юрия Владимировича и такие случаи, что преступники, сделав дело, тут же уходили в бега, предварительно спрятав добычу до лучших времен. Однажды даже деньги, завернутые в полиэтиленовый мешок и зарытые в землю, пролежали там почти полтора года. Настолько вор оказался терпеливым, что смог все эти долгие месяцы не только не прикоснуться к украденному, но и сознательно ушел со старателями в тайгу, чтобы не искушать себя легкой жизнью. Правда, когда он откопал кубышку и, уже будучи полностью уверенным, что про него забыли, устроил себе до такой степени роскошный праздник, что это привлекло к нему внимание милиции и в конечном итоге привело его прямиком на нары.

Единственной приятной для полковника новостью за последние сутки оказалось сообщение о том, что Граф вот уже почти три месяца как освободился и вроде даже кто-то из блатных случайно обмолвился, что видел его в Москве. Однако, хорошо поразмыс-

лив, Рыжов, к своему собственному разочарованию, пришел к мысли, что подготовить такое преступление за какие-то два месяца, да еще после восьми лет отбывания наказания практически невозможно, если, конечно, в отсутствие самого источника зарождения плана столь необычного ограбления кто-то другой не проводил его подготовку. Исключительно поэтому Рыжов, хотя и отбросил мысль о Графе, но окончательно стирать ее в своей памяти не стал, на тот случай, что все в этой жизни может быть. Кроме отсутствия какой-либо информации, пусть даже самой негативной, резко усложняло расследование официально объявленное решение руководства банка о вознаграждении суммой в один миллион долларов тому, кто сообщит о местонахождении преступников. Поначалу все, в том числе и сыскари, думали, что из общего потока заявлений удастся нащупать хоть что-то, что могло бы существенно сдвинуть с мертвой точки следствие. Но тот поток всякого рода информации, подчас просто нелепой, который обрушился на людей Рыжова сразу же со дня опубликования объявления, начисто лишил их возможности не только реально анализировать происходящее, но и делать свою работу по раскрытию данного преступления.

— Ну что? Какие у кого будут мысли по поводу доверенного вам дела? — обратился Юрий Владимирович, когда вся группа во главе со Шведовым собралась у него в кабинете. Полное молчание и потупленные взгляды отражали истинную картину расследования. И хотя Рыжов уже по опыту знал, что именно вот после таких тупиков и начинается та самая работа, которая впоследствии может дать ощутимый результат, он никак не мог понять того, почему почти

за двадцать часов не сделано ни одного шага вперед. Топтание на месте презиралось им всегда, а потому появление информации, пусть даже самой ничтожной, было сравнимо лишь только с глотком чистого воздуха, который, придав силы, мог запросто направить всю группу по нужному пути расследования.

— Значит, молчите? — продолжал давить Юрий Владимирович. — Ну что же, придется вытаскивать клещами. — Кто работал с железнодорожниками?

— Я, — вскочил с места старший лейтенант Чернов.

— И что?

— Ничего, товарищ полковник, — исподтишка глянул он на Шведова, которому еще полчаса назад докладывал о посещении управления железнодорожного транспорта. Но, заметив полное отсутствие реакции со стороны майора, перевел взгляд на Рыжова. — Диспетчер говорит, что никакого тепловоза на данный переезд не направлял. Товарняк прошел минут за сорок до появления инкассаторов, а следующий по графику должен был быть только после четырнадцати часов.

— В депо заходили? С людьми разговаривали?

— Так точно. Никто ничего не знает. И ни про какой тепловоз слухом не слыхивали.

— Во как?! — изумленно воскликнул Рыжов. — Тепловоз угнали, стрелку в нужном направлении перевели, и никто ничего не видел. Правду говорят, умом Россию не понять. Не удивлюсь, если не сегодня-завтра бандиты уведут с Байконура какой-нибудь там «Союз», слетают на межпланетную станцию, снимут пару дорогих приборов и вернут корабль на место.

Среди присутствующих офицеров смешок проле-

тел так же мгновенно, как проникает в приоткрытое окно сквозняк. Раз — и нет его.

— Значит, так, — просветил насквозь взглядом старшего лейтенанта Рыжов. — Хочешь, устраивайся на эту самую станцию стрелочником, проводником или машинистом, мне все равно, но чтобы через два дня информация о том, кто катался в день ограбления на переезд, лежала у меня на столе. Все понял?

— Так точно, — отрапортовал Чернов.

— Теперь что касается наблюдения за барыгами. — Юрий Владимирович не успел закончить фразу, как с места поднялся Шведов.

— Наблюдение организовано, товарищ полковник, по трем адресам. Причем круглосуточно. Снимаем кино и отслеживаем всех подозрительных. Пока ничего.

— Отснятый материал где?

— У меня.

— Я хочу взглянуть сам. После совещания принесите его мне.

— Есть! — гаркнул майор и опустился на стул.

— Что вы все заладили? Есть. Так точно. Так точно, — не выдержал Рыжов. — Мне от вашей точности не холодно и не жарко. Меня интересуют только преступники и деньги.

— Нас тоже. — Не отрывая взгляда от стола, как бы невзначай проронил Шведов.

— Что, вас тоже?

— Я говорю, нас тоже интересуют деньги.

Все снова рассмеялись, но тут же смолкли.

Слава богу, что с юмором у Рыжова было все в порядке, поэтому, приняв слова Шведова и следовавший за ними смех так, как и положено нормальному человеку, он лишь укоризненно посмотрел

на майора. Как ни странно, именно этот взгляд и стал той самой точкой отсчета, после которой люди начинают воспринимать обстановку в нужном им ракурсе. В том самом, в котором видит ее сам руководитель. А так как, по мнению всего коллектива, начальник их был мужиком что надо, то дальнейший разговор моментально сдвинулся с места и уже в дальнейшем шел так, как должен был идти с самого начала.

Прошло примерно минут сорок, когда наконец Юрий Владимирович, еще раз уточнив задания по группам, объявил, что все свободны.

— А ты, Сергей, задержись, — не замедлил он тормознуть Шведова. — Надо бы еще кое-что уточнить.

Когда они остались одни, Рыжов не стал наезжать на майора по поводу тупиковой ситуации, а, наоборот, выдержав паузу, по-дружески спросил:

— Ты чего такой кислый? Может, случилось что?

— Да нет, — охотно откликнулся на явное намерение полковника поговорить по душам Сергей. — Просто терпеть не могу, когда, куда ни ткнишь, все кругом плохо. Такое чувство, что мы все оказались в огромном-огромном коридоре, по сторонам которого сотни дверей и за какую ни дернешь, все заперты наглухо.

— Что? Прямо уж все так и заперты?

— Да нет. Бывает, и откроются иногда одна-две. Вот только в комнатах этих, как правило, пусто, хоть шаром покати.

— А ты войди и оглядись. Включи свет и по углам посмотри. Пошарь там, может, чего и найдешь. Иногда бывает так, что, кажется, нет ничего, а глянешь внимательно — вот она, та самая мелочь. Пустяк.

Бездевушка. Валяется в углу, но, стоит взять ее в руки, и вот оно, началось.

— Так откуда знать-то, в какую дверь ломиться? — Понимая, куда клонит Рыжов, уже по-деловому посмотрел на него майор.

— А ты не торопись. И не дергай ручки все подряд. Оглядишься внимательно. Подумай хорошо. С людьми поговори. Может, что они подскажут. И только потом выбирай эту самую свою дверь.

— Да уже говорил. И не раз. Вот вчера опять всех свидетелей вызывал. Решил начать с инкассаторов. Троих опросил, и ничего.

— Так мы же с ними уже не раз беседовали. Зачем повторяться? Или что-то тебя на это натолкнуло?

— В том-то и дело, товарищ полковник, что ничего. Вот только никак не могу отделаться от мыслей, что ходим мы по кругу и, куда ни поверни, все время упираемся в одни и те же показания.

— Чьи показания?

— Инкассаторов. Такое чувство, что кто-то чего-то недоговаривает. Вот вчера с одним побеседовал, вроде на душе все улеглось. Со вторым поговорил — никаких волнений. Но стоило войти в кабинет третьему, как тут же словно жаром обдало. Вроде все говорит как надо. Буква в букву, по словам своих товарищей, а я смотрю на него и не верю. Понимаете? Не верю. Может быть, это и есть та самая интуиция, про которую в книжках пишут?

— Может быть. Может быть, — осмысливая слова майора, задумался Рыжов. — И кто же это тебя так зацепил?

— Воронцов.

— Алексей Воронцов? — оторопел от услышанного Юрий Владимирович.

— А почему это вас так удивило? — Не понимая, откуда такая реакция на самое обыденное, казалось бы, выражение мыслей, Сергей пристально посмотрел на полковника.

— Да так. — Рыжов не хотел, чтобы их еще только начинающие зарождаться семейные отношения с Воронцовым стали достоянием всего коллектива, но, вовремя рассудив, что сокрытие данного факта может отрицательно отразиться на расследовании, с трудом произнес: — Катька вчера его к нам домой привела.

— Зачем?

Вопрос майора на первый взгляд был просто смешон и даже наивен, но Юрий Владимирович, которому уже было не до смеха, отвел взгляд в сторону. Выйдя из-за стола, он, пройдя через кабинет к окну, раздернул в стороны шторы и, глянув на улицу, тоскливо произнес:

— Затем, чтобы познакомить. Она замуж за него хочет выйти.

— Катерина, замуж за Воронцова?! — не в силах сдержать эмоций, воскликнул Шведов.

— А что ты так удивляешься? Что он, не мужик, что ли? Или Катька моя ему не пара?

— Да нет. Просто как-то все так неожиданно.

— Вот и я вчера от этой самой неожиданности чуть с копыт не свалился. Прикинь, вхожу в комнату, а там вот он, господин Воронцов, собственной персоной.

— Так вы что, не знали, что дочь ваша замуж собирается?

— В том-то и дело, что знали. Только не замуж, а что дружит. Причем уже два месяца. А вчера наконец объявила, что намечаются смотрины. Кстати, это бы-

ла не ее инициатива, жена настояла. Пристала к девчонке: хочу да хочу знать, с кем ты проводишь свое свободное время. Приспичило ей, видите ли. Вот и узнали.

— Ну и что?

— Что, что?

— Я спрашиваю, как впечатления?

— А ты знаешь, ничего, — оживился вдруг Рыжов, вспомнив про вчерашний вечер. — И Воронцов этот оказался совсем неплохим парнем. Особенно Ирина в восторге. Посидели. Выпили. В общем, все как полагается.

— А никто и не говорит, что он плохой, — спохватился Сергей. — Я только поделился мыслями, и всего-то. Вполне возможно, что Алексей этот вовсе и ни при чем. Интуиция, она ведь, сами знаете, такая хитрая, что не дай бог.

— Ты на интуицию не сваливай. И мои личные отношения с этим самым Воронцовым с работой не путай. Есть подозрения, копай. Только так, чтобы зря человека помоями не облить. Хватит нам одного Феоктистова. Кстати, как он там?

— Плохо, товарищ полковник. Совсем плохо. В угол забился и молчит. Второй день молчит. От еды и воды отказывается. Почернел весь. Вы бы вызвали его, поговорили. А то жалко мужика-то. Ведь зазря страдает.

— Ладно, поговорю, — облегченно вздохнул Рыжов и задернул шторы.

Предложение майора переговорить с Феоктистовым несколько сдвинуло в сторону лежавший на душе полковника камень. Он и сам уже хотел вызвать Феоктистова к себе, однако исключительно в интересах следствия никак не решался пойти на этот шаг.

Слава богу, что мнение майора совпало с его личным мнением, это дало возможность Юрию Владимировичу предположить, что, наверное, данное решение не будет столь опрометчивым, как он думал об этом еще вчера, в конце рабочего дня.

Дождавшись, когда Шведов принесет ему отснятый материал по поводу наблюдения за лицами, к которым могут обратиться за помощью преступники, и кассету с записью разговора с Воронцовым, Рыжов, объявив секретарю, что его ни для кого нет и не будет минут сорок, прошел к видеомагнитофону.

Всего кассет было три. И, хотя по метражу материала было достаточно, Юрий Владимирович смотрел кино без особого на то интереса, то и дело пуская в ход кнопки ускоренного просмотра. Причиной тому был разговор со Шведовым. Имеется в виду его мнение по отношению к Алексею Воронцову. Что-то очень даже нехорошее закралось в душу Рыжова и никак не хотело оттуда выходить. И, как ни старался Юрий Владимирович, как ни гнал от себя навеянные ему чужими эмоциями мысли, думы об Алексее мертвой хваткой держали его, все чаще и чаще возвращая к показаниям по делу и к вчерашнему семейному ужину. Наконец, когда третья кассета была извлечена из коробки, на которой фломастером было выведено: «Левицкий-Хамелеон», Юрий Владимирович без всякого особого на то интереса вставил ее в видеомагнитофон. Почти сразу же замелькавшие кадры были идентичны тем, что он уже видел на предыдущих кассетах. Дом. Подъезд. Окна квартиры. Подъезжающие и отъезжающие машины. Люди, входящие и выходящие из подъезда. Вот старушка с сумкой. Вот дворник. А вот два молодых человека в галстуках и дорогих костюмах на приличной тачке.

«Надо будет уточнить, кто это такие», — подумал Рыжов и нажал на кнопку перемотки.

Вот опять та же старушка, но уже без сумки. Вот мужчина с усами, в очках. В нижнем углу кадра мелькнули цифры, обозначающие время. Вот опять все тот же мужчина, но уже выходит из подъезда. Юрий Владимирович, вновь глянув на часы, машинально отметил про себя, что человек этот пробыл в доме примерно двадцать минут. Еще раз, на всякий случай перемотав кадры назад, подстегнутый мыслью, что что-то очень знакомое мелькнуло в облике этого мужчины, Рыжов постарался уже более внимательно последить за движущейся фигурой на экране. Однако, сколько он ни смотрел на нее, понять, что же привлекло его внимание в этом человеке, не мог. Особенно смущали усы и светлые волосы. Уже следующий же кадр заставил Юрия Владимировича окончательно забыть про предыдущий. Из подъезда вышел молодой человек, лет так двадцати пяти, и, оглядевшись, направился в ту сторону, в которую только что ушел тот, с усами. Почему он заставил оживиться Рыжова? Да потому, что лицо это уже не раз появлялось на экране, что, естественно, запомнилось полковнику.

Сделав еще одну пометку в блокноте, чтобы не забыть уточнить у ребят, кто это такой, Юрий Владимирович выключил видик и, вынув из него кассету, все с той же надписью фломастером: «Левицкий-Хамелеон», вставил третью, на которой было указано, что отснятый материал является видеозаписью допроса Воронцова. С недавнего времени он распорядился ввести новшество, а именно записывать все допросы свидетелей и подозреваемых на видеокамеру, чтобы уже потом, в тихой, спокойной обстановке проанализировать все действия допрашиваемого, его

реакцию на вопросы следователя, взгляд, а также разного рода движения, характеризующие психологию человека. Кроме того, в особых случаях, когда требовался совет профессионала, приглашался психолог, которому показывали отснятый материал, и уже он делал выводы по поводу поведения подозреваемого. Это было очень даже похоже на своего рода осмотр пациента доктором, который мог уже с первого взгляда сказать, болен человек или нет.

Вставив кассету в узкую щель видеомэгнитофона, Юрий Владимирович, еще даже не нажимая на кнопку воспроизведения, ясно почувствовал, что его ждет очень даже трудная задача, а именно: постараться понять, что же так смогло задеть майора в Алексее Воронцове. Промелькнули кадры обзора кабинета, стол, стулья, сейф. И вот оно, лицо Алексея. Камера была настроена так, что человека можно было наблюдать практически в упор. Вопрос за вопросом Шведова. Воронцов ведет себя спокойно, совершенно адекватно реагируя и отвечая четко, без каких-либо заминок. Правда, сами вопросы были скорее из тех самых, которые подготавливают клиента к главным, более глобальным и с разного рода подоплекой темам.

Юрий Владимирович глянул в угол экрана. Допрос продолжался уже почти семнадцать минут. Внимательно вникнув в очередной вопрос майора, Рыжов тут же явно почувствовал его еле заметный переход к основной теме разговора.

Ага. Значит, проверка боем закончилась. Сейчас Шведов перейдет в атаку, не успел подумать Рыжов, как тут же, глянув на экран, изумился тем изменениям, которые произошли в лице Воронцова. Глаза сузились и забегали из стороны в сторону. Нижняя губа

была прикушена, а правая рука невольно потянулась к голове, поправляя волосы. Это был первый признак, что человек начинает нервничать.

«Вчера он таким не был, хотя иногда я своими вопросами сознательно загонял его в тупик, — отметил про себя Рыжов. — Отвечал спокойно, рассудительно, совершенно не напрягаясь. А здесь вдруг почему-то начал нервничать. Кстати, что за вопрос задал Шведов, что так резко заставил измениться Воронцова?»

Прокрутив запись в обратную сторону, Юрий Владимирович прибавил звук и, внимательно вслушиваясь в разговор, еще пристальнее начал вглядываться в лицо Алексея.

— Скажите, а как вы можете объяснить определение экспертизой ваших отпечатков пальцев на пломбировке, найденном в доме у Феоктистова?

Вопрос был задан настолько неожиданно и как бы промежду прочим, что Воронцов, явно не ожидая столь резкого поворота дела, откровенно растерялся, и сейчас его лицо, расположенное в самом центре экрана, определенно выглядело не самым лучшим образом. Окончательно была потеряна уверенность, а вместе с ней и то самообладание, которым обладал этот знающий жизнь не понаслышке парень. Но при всем при том, почувствовав, что Шведов был прав, когда говорил о Воронцове, Рыжов также понимал, что один заковыристый вопрос — это еще не показатель и не факт, что Алексей что-то недоговаривает. Ожидая ответа, который был больше похож на детский лепет, чем на речь взрослого мужчины, Юрий Владимирович тут же напрягся и со всем своим вниманием постарался вжиться в следующий выпад следователя. В том, что он должен был состояться, пол-

ковник не сомневался ни минуты, так как четко знал: необходимо заставить допрашиваемого дергаться и психовать, чтобы он начал нервничать и совершать ошибки, если, конечно, тому было что утаивать.

— Есть еще один очень интересный факт, на который я пока не нахожу ответа, — завернул Шведов, явно заставляя еще более сконцентрировать свое внимание Воронцова. — А именно: зачем вам понадобилось подходить к кабинке Феоктистова, когда ваша находится в совершенно противоположном углу?

— Я не подходил, — попытался увернуться Алексей.

— Подходили. Вас видел ваш напарник. Это отражено в его показаниях. Может быть, дать вам их почитать?

— Не надо. — Уже более отрывисто и явно нервничая, произнес Воронцов. После чего зубы его вновь зажали нижнюю губу, а рука потянулась к волосам.

После некоторого молчания, во время которого можно было легко прочитать в глазах, что человек лихорадочно ищет выход из создавшегося положения, Алексей наконец повернул голову в сторону следователя:

— Я, конечно, сейчас не припомню точно, когда это было, может быть, как раз в тот день я, проходя мимо кабинки Андрея Ивановича, увидел, что она не заперта, и, остановившись на всякий случай, проверив замок, захлопнул ее.

Ответ был удачным, и, тут же ощутив это, Воронцов, преобразившись прямо на глазах, вновь вернул себе уже было окончательно потерянную уверенность. Весь допрос длился почти сорок минут. И все

это время Шведов еще не раз ставил допрашиваемого в трудное положение. И даже то, что тому каким-то чудом и удавалось выскользнуть из цепких лап следователя, все равно негативное впечатление от его поведения и то, что майор был абсолютно прав в отношении Воронцова, совершенно четко отложилось в сознании Рыжова.

«Он что-то скрывает. Это ясно как божий день. Вот только что? Что именно?»

Данные вопросы неожиданно настолько плотно въелись в мозг полковника, что он совершенно забыл про те, еще большие проблемы, которые вытекали из всего, что удалось ему понять за последний прошедший час у экрана телевизора. Именно поэтому, стоило Юрию Владимировичу лишь на секунду отвлечься от самой темы допроса Воронцова, как тут же острые, как иглы, мысли о жене и дочери вонзились в его сознание, заставляя невольно поморщиться и, обхватив голову руками, замереть на месте в раздумьях о происшедшем.

«Представляю, что будет, если этот Воронцов каким-то образом связан с грабителями. — И моментально, уже в который раз за последние несколько минут, Рыжов ощутил, как чувство тошноты медленно подбирается к горлу. На душе вдруг стало настолько противно, что захотелось выть. — Мать твою, эту работу. Уж лучше бы я в танкисты пошел, как отец, чем милиционером стал. Что я теперь Катерине скажу? А Ирине?»

Мысли о жене заставили Рыжова вскочить с места и, подойдя к телефону, сорвать с него трубку.

Номер Шведова набрался быстрее даже, чем он хотел.

— Майор Шведов слушает, — прозвучал в трубке голос.

— Послушай, Сергей, — без каких-либо предисловий перешел непосредственно к волнующей его теме Рыжов. — Это правда, что на пломбировке найдены отпечатки пальцев Воронцова?

— Да, товарищ полковник. Правда.

— А почему ты мне сразу не сказал?

— Я хотел было, но не успел. После того как вы...

— Послушай, майор?! — Голос Рыжова вдруг зазвенел из-за своей неподдельной строгости. — Я когда-нибудь смешивал свои личные дела со служебными? Или, может быть, я просил тебя быть к кому-нибудь более лояльным?

— Нет, товарищ полковник. Не смешивали и не просили.

— Так какого же ты черта недоговариваешь того, о чем надо было сообщить в первую очередь?

— Я думал... Я хотел... — растерялся от неожиданного наезда Сергей.

— «Я хотел»! «Я думал»! — Перейдя уже почти на крик, Юрий Владимирович с силой прижал трубку к уху.

— Чем думал? Чем хотел? Мы ведь договаривались, обо всем, пусть даже несущественном, сообщать в первую очередь. Договаривались или нет?

— Так точно, товарищ полковник. Договаривались.

Переведя дыхание и начиная понимать, что на этот раз он уж точно перегнул палку, Юрий Владимирович, выпустив наконец последний пар, несколько сбавил обороты и уже более спокойно, с некоторыми извинительными интонациями спросил: —

А по поводу того, что кто-то видел Воронцова у кабинки Феоктистова, тоже правда?

— Нет. Здесь я решил взять на пушку.

— Слава богу, — уже совсем успокоившись, выдохнул из себя Рыжов. — И я так понимаю, не получилось?

— Нет, товарищ полковник. Не сработало.

— И что ты намерен предпринять дальше?

— Показать запись психологу.

— Это правильно, — промямлил Рыжов и, предупредив, чтобы мнение специалиста было доложено ему тотчас, положил трубку.

День начался паршиво, хотя поначалу были все предпосылки к тому, что пройдет он относительно в спокойном режиме и если без особых радостей, то уж точно без тех осложнений, которые столь неожиданно выпали на долю Рыжова. Часы уже показывали почти одиннадцать, когда Юрий Владимирович, сложив в стопку кассеты, поднял трубку внутренней связи и попросил доставить к нему Феоктистова. Прошло минут двадцать до того момента, когда дверь в кабинет открылась и конвоир, сопровождающий старшего инкассатора, доложил, что арестованный такой-то по распоряжению полковника доставлен.

Предложив Феоктистову пройти и занять место рядом, Юрий Владимирович мысленно тут же отметил те многочисленные негативные изменения, которые произошли с невинным человеком по явно сфабрикованным ложным уликам, благодаря которым он и оказался за решеткой. Настолько все было для него неожиданно, что, естественно, воспринималось исключительно в трагическом плане. Именно это и

прочитал в лице Феоктистова Юрий Владимирович, как только тот вошел в его кабинет. Невооруженным глазом было видно, как догорают последние искорки некогда светящегося в его взоре блеска. А сам взгляд стал настолько опустошенным, что казалось, уже нет в его душе ничего такого, что могло бы зацепиться за жизнь.

«И на этот раз Шведов оказался прав», — подумал Рыжов, выходя из-за стола навстречу Феоктистову.

— Здравствуйте, Андрей Иванович! — протянул он руку, стараясь смотреть ему прямо в глаза.

— Здравствуйте! — удивленно глянул на Рыжова старший инкассатор.

— Присаживайтесь. — Проводив арестованного до стула, Юрий Владимирович вернулся на свое место. — Прежде чем мы начнем наш разговор, хочу вас обрадовать. Мы больше не считаем вас причастным к данному ограблению. И, хотя все найденные улики свидетельствуют о противоположном, мы предполагаем, что все это проделки преступников, которые готовы предпринять любые уловки, лишь бы увести следствие в сторону.

То, что произошло в следующую минуту, превзошло все ожидания Рыжова. Феоктистов, вдруг сложившись пополам и уронив голову на руки, склонился в плаче над столом. Рыдая почти беззвучно, он наверняка стеснялся столь неприглядного для себя поведения, но в то же время заставить себя собраться и, сжав зубы, пережить то, что практически осталось уже позади, он также не мог. Налив в стакан воды, Юрий Владимирович поставил его на стол перед Феоктистовым и, терпеливо ожидая, когда тот успоко-

ится, мысленно пытался подобрать те самые слова, с которых хотел бы начать столь необходимую обоим беседу. Наконец, когда инкассатор, взяв себя в руки, выпрямился и, сделав несколько глотков воды, поднял глаза на полковника, тот как ни в чем не бывало, стараясь обойти случившееся стороной, произнес:

— Все в порядке, Андрей Иванович. Жизнь продолжается, и этому надо радоваться. А то, что произошло, будем считать испытанием судьбы. Кстати, в этом, как ни странно, ваша вина проглядывается тоже. Не надо быть столь беспечным и доверчивым, да еще на столь непростой работе.

— Да-да, — поспешил согласиться Феоктистов. — Здесь вы абсолютно правы.

— Вот и прекрасно. А теперь сосредоточьтесь и постарайтесь припомнить, кто же все-таки из товарищей по службе в последнее время наиболее настойчиво проявлял внимание к вашей персоне.

— Я об этом всю ночь думал.

— И что? — напрягся Рыжов, хотя в душе уже практически знал ответ.

— Воронцов.

— Кто? Алексей Воронцов?

— Да. Он в последнее время часто терся вокруг меня. То про жизнь разговор заведет, то про семью. Все расспрашивал, как живем да как время свободное проводим.

— Вот видите. А ведь в прошлую нашу встречу вы мне этого не сказали.

— Не сказал, потому что растерялся.

— Хорошо, — улыбнулся Рыжов. — Теперь давайте поговорим о главном. Ситуация сложилась так, что мы вынуждены попросить вас помочь следствию.

— Я готов, — восторженно воскликнул Андрей Иванович. — Готов сделать все от меня зависящее.

— Ну, коли так, скажу открытым текстом. Вам необходимо еще некоторое время пожить в шкуре преступника. А точнее, никто не должен знать, что с вас снято обвинение. Вернее будет сказать, что в первую очередь об этом не должен знать сам преступник. То, что мы якобы идем по ложному следу, дает ему возможность действовать непринужденно, я бы даже сказал, легкомысленно, а это, как вы понимаете, существенно увеличивает вероятность совершения ошибок.

— Я понимаю, — соглашаясь с полковником, кивнул Феоктистов. — Но для этого я не должен появляться на людях.

— Совершенно верно, — констатировал Рыжов и, тут же заметив страх в глазах Андрея Ивановича, спросил: — Вам есть куда уехать? Хотя бы на неделю?

— Да. К матери. Под Калугу. Я как раз осенью собирался.

— Вот и прекрасно! — Открыто и по-доброму вновь улыбнулся Юрий Владимирович. — Забирайте жену, детей и поезжайте в деревню. Загорайте, купайтесь, ходите на рыбалку. Одним словом, наслаждайтесь жизнью. А когда здесь все закончится, я вам позволю. О службе не беспокойтесь. С управляющим банком мы этот вопрос также урегулируем. — Рыжов встал и, подойдя к Феоктистову, протянул ему на прощание руку. — А сейчас я минут на пять оставляю вас одного. Позвоните жене. Успокойте ее и передайте от меня самые наилучшие пожелания. Удачи вам!

Время приближалось к обеду, когда Юрий Владимирович, выйдя из здания управления, направился

к проходной и, уже минуя ее, повернул в сторону шумного, грохочущего потоком автомобилей проспекта. Обычно, когда его ничто не тяготило и не было на душе никаких особых переживаний, он проводил свой обеденный перерыв в служебной столовой или сидя в кресле за просмотром газет. Это помогало отвлечься и разгрузить мозг, забитый всякой служебной всячиной. Подчас ее скапливалось настолько много, что казалось, уже совсем не остается места для личной жизни. Но, когда наступала пора переживаний или дела шли настолько из рук вон плохо, что хоть волком вой, хоть коровой мычи, он выходил на улицу и шел. Шел просто так, без конкретного направления, без определенной цели, вглядываясь на ходу в лица людей и прислушиваясь к шуму гудящего, словно пчелиный рой, мегаполиса. Именно в эти минуты, когда он был раскован и оставался один на один с самим собой, если на ум и не приходило что-либо конкретное, позволяющее найти выход из тупика, то тут же наступало некоторое равновесие в душе. А это уже было кое-что, так как именно такое состояние и являлось наиболее благоприятным для нахождения столь необходимого выхода из тупика.

День был в разгаре. Но, даже несмотря на полностью затянутое тучами небо, было душно, что по всем приметам предвещало начало грозы. Рыжов любил дождь, особенно проливной, когда вода, скатываясь с крыш, несется потоком по мостовой. Но еще больше ему нравились разряды сверкающих над самой землей молний, сопровождающихся грохочущими ударами грома. Казалось, что сама природа напоминала

людям о своем владычестве над их ничтожной суетой.

Обычно такая прогулка занимала чуть меньше часа. Ровно столько, чтобы за время, отведенное для обеденного перерыва, можно было пройти до станции метро и вернуться в контору. А в силу того, что сам Юрий Владимирович, воспитанный на порядках старого, доперестроечного режима, страсть как не любил нарушать установленный законом трудовой режим, то возвращался он всегда в свой служебный кабинет точно в установленное время.

Дойдя до угла, где улица постепенно переходила в проспект и вливалась в широченную реку автомобильных магистралей, Рыжов уже хотел, было, повернуть вправо. Еще минут десять он мог позволить себе вышагивать, чтобы, дойдя до давно определенного им места, повернуть в обратную сторону. Но неожиданно привлекая его внимание приклеенная к стене афиша заставила Юрия Владимировича сначала замедлить шаг, а затем и вовсе остановиться, глядя на красочно оформленный плакат. Это была реклама концерта одного из тех многочисленных то ли клоунов, то ли иллюзионистов, то ли просто пародистов, в огромном количестве постоянно гастролирующих по стране. В самом центре располагалось улыбающееся лицо самого артиста, а вокруг — его измененные до неузнаваемости персонажи.

«Надо же, как умеет перевоплощаться, — подумал вдруг ни с того ни с сего Рыжов. — Раз — и совершенно другой человек».

«Раз — и совершенно другой человек», — эхом вдруг отозвалась в сознании его последняя мысль, чтобы уже через мгновение вновь прогудеть, достигая

той самой точки отсчета разума, которая и дает человеку реальную возможность использовать полученную информацию.

Правильно, вспомнил вдруг Рыжов про кассету, на которой один и тот же человек с усами дважды заходил в подъезд дома, где проживает господин Левицкий, он же Хамелеон.

Почему он каждый раз выглядел по-другому? Почему? Может быть, не хотел, чтобы его кто-то узнал? Ну точь-в-точь, как этот пародист, что изображен на плакате. Раз — и совершенно другой человек.

Неожиданно пришедшая на ум идея тут же заставила Юрия Владимировича повернуть в обратную сторону и уже явно ускоренным шагом поспешить в сторону проходной. В кабинет Рыжов не входил, а почти вбегал, лишь для важности, к которой обязывало положение, чуть замедлив шаг перед дверью в приемную.

Быстро вытащив кассету, он перемотал ее до необходимого момента и, прокрутив несколько раз, воодушевленный удачей, попросил секретаря срочно пригласить к нему специалиста по составлению словесных портретов. Когда тот появился в кабинете полковника, Юрий Владимирович подозвал его к экрану телевизора и, ткнув пальцем в фигуру человека, входящего в подъезд дома, спросил:

— Можешь сделать из этого блондина брюнета? Только такого, словно он только что прибыл из мест заключения? Кроме того, надо убрать усы и снять с него очки. А также желательно переодеть в обычную одежду.

— Без проблем, — не без гордости за свое ремес-

до выпалил специалист и отбыл в обратном направлении.

Что-то около часа потребовалось ему, чтобы проделать столь непростую работу. Все это время Рыжов не находил себе места. До боли в глазах вглядываясь в телевизор, он все крутил и крутил одну и ту же пленку, заставляя себя видеть в незнакомце того, кого тот явно старался скрыть. И вот когда наконец дверь в кабинет открылась и на пороге вновь появился специалист с папкой в руке, Юрий Владимирович замер в ожидании.

Полученный снимок был тут же сравнен с той самой фотографией, которая уже ждала своего часа на столе Рыжова. И, как только два портрета легли напротив друг друга, полковник, глубоко вздохнув, облегченно произнес:

— Он голубчик!

На этот раз Шведов как назло ни в какую не хотел брать трубку. И, чем дольше раздавались в трубке гудки, тем все меньше и меньше оставалось терпения у Рыжова. В конце концов, не выдержав, он бросил ее на аппарат и, пройдя через кабинет, дернул на себя ручку двери. Распорядиться найти майора Юрий Владимирович мог бы, и не вставая с места. Нажать на клавишу связи с секретарем — и все дела. Однако он зачем-то вскочил с места и понесся неизвестно куда. Когда дверь послушно поддалась ему навстречу и Рыжов уже хотел было шагнуть вперед, в образовавшемся проеме появилась фигура Шведова.

— Разрешите, товарищ полковник? — войдя в кабинет, произнес майор. — Я тут получил бумагу от психолога по поводу поведения на допросе Воронцова...

— К черту психолога. — Принимая бумагу и откладывая ее в сторону, раскрыл лежащую на столе папку Рыжов. Вынув из нее два снимка, он с видом победителя в бою гладиаторов протянул их Сергею. — Узнаешь?

Глава 10

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Деньги делили вдвоем. Как в старых фильмах про пиратов, раскладывали кучками на столе, согласно установленным договоренностью процентам.

После того как все было сделано и не один раз проверено, Граф испытующим взглядом глянул на Сыча:

— Как думаешь поступить со своей долей?

— Уеду в Сибирь. Есть у меня там на примете одно небольшое село. Называется Горный Иштан. Горный, потому что стоит на высокой горе, у подножия которой протекает река. Большая такая. По ней еще днем и ночью пароходы ходят. Одним словом, Обь. Слыхал, наверное?

— Приходилось. — Внимательно вслушиваясь в рассказ подельника и по-доброму завидуя ему, в знак согласия кивнул Граф.

— В этом селе когда-то давным-давно кино снимали. «Сибириада». Может, оно по красоте своей кинщиков привлекло, а может, и потому, что там на самой верхней точке горы церковь стоит, да такая, что, откуда ни глянь, отовсюду купола ее видно. Вот там куплю домик, джип, лодку с мотором и обязательно снегоход приличный.

— А снегоход-то тебе зачем? — не понял Граф.

— Затем, что зимой в Сибири снега по горло. А мне в лес до охотничьей избушки на чем добираться? Не пешком же. Завезу туда по первому снегу провизии да боеприпасов побольше, а как только морозец ударит, сам в тайгу подамся. Ты просто не представляешь, какая это красота! Выйдешь поутрае на улицу, снег на солнце глаза слепит, а тишина кругом такая стоит, что в ушах звенит. Красота, глаз не отвести. Ружьишко за спину — и на лыжи. Ширк, ширк по снегу, а вокруг красногрудые снегири свистят — и никого, нй одной сволочной души. Ну? Чем не жизнь?

— Да, — понимающе проговорил Граф. — Завидую я тебе, Сыч. По крайней мере у тебя есть определенная цель и ты точно знаешь, что тебе надобно от жизни.

— Так давай со мной. Тайга большая, места всем хватит.

— Нет, — улыбнулся Граф, искренне удивляясь наивности друга. — Тайга не по мне. Сам знаешь, мне совсем другой простор нужен, чтобы гудело все вокруг и рвалось наружу. Городская стихия — вот моя жизнь, и другой я себе не представляю.

Упаковав каждую по отдельности долю в полиэтиленовый пакет и перемотав его по нескольку раз скотчем, они разложили их по специально купленным для этой цели сумкам. После чего Граф приказал Сычу связаться с Хлыстом.

— Пусть к вечеру прибудет сюда. Дело есть. Да и Стрелочнику сообщи, пусть тоже подкатит.

— Ты что задумал? — не понимая, куда клонит шеф, насторожился Сыч.

— Хамелеон наколку дал. Дело верное. Обстря-

паем, еще бабок срубим. И уж тогда ты точно сможешь себе не только домик купить, но и всю деревню, целиком.

От последних слов Сыча сначала бросило в дрожь. Но уже через секунду, представив себе, что это будет его последнее дело в жизни, после которого он заживет так, как мечтал с детства, Сыч вновь преобразился. И, судя по улыбке, искрящейся в его глазах, Граф понял, что попал в точку.

— А как быть с инкассатором из банка? Он ведь наверняка уже на измену подсел?

— С ним проще. Как срок выйдет, позвонишь парню и назначишь ему встречу. Покажешь деньги, и вместе отвезете их на вокзал.

— На какой вокзал?

— На любой. Сдашь в камеру хранения. Квитанцию оформишь на него, а жетон заберешь себе. Объяснишь, что так для дела надо. Через неделю он получит свой жетон в целости и сохранности. Так что риска здесь никакого.

— Думаешь, за неделю крутанемся?

— Должны. Иначе потом уже поздно будет.

— Сомневаюсь я чего-то, — невольно сорвалось с губ Сыча. — Слишком мало времени для серьезного дела.

— А ты не сомневайся. Делай все, как я скажу, и ни о чем не думай. Главное в нашей жизни что? Держать хвост пистолетом, а остальное само собой все срастется так, как нам надо.

К вечеру все были в сборе.

Ткнув пальцем в стоявшие в углу сумки с деньгами, Граф обвел подельников взглядом.

— Здесь ваши бабки. Все по честности, как и до-

говаривались. Можете забрать их хоть сейчас. Но! — Он сознательно замер на полуслове, стараясь на лету поймать реакцию каждого, кто сидел перед ним в полном ожидании, чего еще такого хитрого задумал шеф. — Есть дело, — продолжил Граф, когда Хлыст заерзал на стуле. — Дело верняк. Иначе я бы вам его просто не стал предлагать. К тому же, как только мы его провернем, каждый из вас получит еще по трети того, что находится вот в этих сумках.

— А если я не соглашусь? — подал голос Грач.

— В таком случае прямо сегодня с Сычом отвезете деньги в камеру хранения. Оформишь багаж на себя, но жетон пока побудет у Сыча. Так сказать, для нашей полной безопасности. Как только мы откатаем задуманное, ты в этот же день сможешь забрать свою долю.

— Хитро, — покачал головой Грач, сунув в пепельницу почти до фильтра выкуренную сигарету. — Вроде сыр вот он, а укусить его нельзя.

— Ну так что? Рисуем? — взглянул Граф на Стрелочника, потому что именно от его согласия зависел успех задуманного предприятия.

— А я что? Я как все, — оглядываясь по сторонам, проямлил Стрелочник. — Один хрен, уже вся морда в пуху, так чего же останавливаться на полдороге.

— Мы тоже за! — не стал дожидаться, когда шеф спросит их согласия, сразу, за обоих, предварительно переглянувшись с товарищем, произнес Хлыст. — Если работа стоящая, да еще денежная, то почему бы и нет.

— Ну вот и отлично. — Принимая согласие подельников как в первую очередь доверие к нему самому, воодушевленно произнес Граф. — А теперь да-

вайте пододвигайтесь к столу, обсосем весь план по порядку.

Еще час ушел на то, чтобы Граф смог основательно и самым подробнейшим образом разжевать каждому его задачу, согласовать время и ответить на все те многочисленные вопросы, которые градом вдруг посыпались на его голову. И только когда все наконец устаканилось, а каждый из бродяг затих в раздумье, стало совершенно ясно, что первый шаг сделан, а значит, быть и второму.

«Только бы штаны не порвать, широко шагая, — подумал вдруг Граф. — А то так можно и в одних трусах остаться».

Обсуждение предстоящего ограбления проходило в присутствии Тромбона, который на протяжении всего разговора не проронил ни слова. Однако его присутствие поначалу несколько настораживало, и не только Грача с Хлыстом, но и Стрелочника тоже. И только когда Граф, пару раз перехватив их настороженные взгляды в сторону Левицкого-младшего, соизволил объяснить присутствующим, что именно этому субъекту принадлежит идея распотрошить вагон с картинами, напряжение несколько спало. А окончательно оно исчезло только после слов Сыча, который объявил причастность Тромбона к их бродяжьему сословию, сознательно подчеркнув то, что тот не понаслышке знает и о лагерной жизни, и о том, сколько стоит фунт лиха.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда Стрелочник получил по радиации задание перегнать несколько вагонов с одного пути на другой.

* Сегодня была его законная ночная смена, а пото-

му как все мелкие передвижки происходили в это время суток, они с напарником вот уже почти три часа без перерыва шлифовали рельсы из одного угла станции в другой. Работа была привычная. Зацепил, оттащил, и обратно. Однако Стрелочник явно нервничал. Хлыст с Грачом вот уже почти час поджидали его в условленном месте, откуда было рукой подать до того самого вагона, в который завтра должны были загрузить коллекцию картин из Дрездена. Необходимо было, чтобы диспетчер выдал какое-нибудь задание, связанное с теми путями, куда надо было прокатиться с подельниками на борту.

Долгожданное распоряжение поступило, когда часы показали уже четверть второго. И, сразу же отправив напарника пить чай под предлогом, что со столь простой работой он справится и в одиночку, Стрелочник погнал свою машину в указанном ему направлении. До того как сцепщик должен был прибыть на место, оставалось еще минут тридцать, поэтому, в ускоренном темпе проскочив семафор, который только-только успел мигнуть зеленым светом, он направил тепловоз как раз в то место, где уже окончательно истомились в ожидании его подельники.

Знакомые фигуры Стрелочник заметил еще издалека. Подав знак гудком, он сбросил скорость и, медленно подкатив, привычным движением поднял рычаг тормоза.

— Чего так долго-то? — тут же наехал на Стрелочника Грач, как только они с Хлыстом оказались в кабине машиниста.

— Так получилось. Чай, не самолет, как стрелку перевели, так и прибыл.

До места добирались молча. Каждый думал о том, что предстоит им сделать на этот раз, и наверняка

молил бога, чтобы тот послал им хотя бы немного удачи.

— Вот он. — Голос Стрелочника прозвучал так, словно на рельсах стоял не кто-нибудь, а самый настоящий милицейский конвой, чем смог конкретно взять на испуг и Грача, и его товарища.

Тепловоз уменьшил скорость до минимума и, приблизившись к вагону вплотную, остановился.

— Кажись, охрана дрыхнет, — предположил Стрелочник, переводя взгляд с Грача на Хлыста.

— Давно уже. Мы еще час назад проверяли. Света внутри не было, хотя где-то в одиннадцать пара человек на ступеньках сигаретами дымили.

— А окна у них куда выходят? На ту сторону, что ли?

— На ту. На ту. Иначе на кой черт мы бы с этого боку-то причалили.

— Хорош базлать. Дело делать надо. — Проведя ладонью по карману, Грач, убедившись, что баллончики на месте, подал знак другу: — Пошли.

Пройдя почти до середины тепловоза, они вдвоем подняли лежащий в проходе специально изготовленный для этого дела настил и, положив его на поручни, начали потихоньку двигать вперед. С внутренней стороны он был заранее оббит мягкой тканью, поэтому все прикосновения досок к металлическому корпусу вагона были почти беззвучны. Когда своего рода мостик был готов, Грач, взобравшись на него верхом, опустился на колени и, помогая себе руками, начал медленно продвигаться вперед. Все это происходило в глубокой темноте, а потому казалось жутковатым, что действовало на нервы вора. Вскоре Грач достиг корпуса вагона и, ловко поднявшись на ноги, совершенно бесшумно двинулся по его крыше в сто-

рону вентиляционных люков. Заранее сбросив ботинки еще в кабине машиниста, он продвигался, словно рысь по снегу, мягко ступая. Опустив первый баллончик с газом в люк, он прочно зафиксировал его веревкой на решетке и, убедившись, что все проделано четко, начал продвигаться ко второму.

На все про все ушло чуть больше пятнадцати минут, и, когда оба баллончика были установлены, а Грач благополучно вернулся на тепловоз, Стрелочник, тут же заставив сдвинуться с места своего коня, направил его в сторону от стоявшего без малейшего признака жизни вагона. Еще минут через пять Грач с Хлыстом благополучно сошли с тепловоза, не забыв прихватить с собой и тот самый мостик, который помог им так благополучно выполнить задание Графа.

— Первый шаг сделан. И тому свидетель — ваш сын. — Граф, сознательно начал разговор именно с этих слов, после чего, глянув на сидящего рядом Тромбона, впился глазами в Хамелеона.

По условиям Левицкого, встреча на этот раз проходила не на квартире, а в небольшом баре, расположенном в совершенно противоположном от его дома районе. И, хотя мотание через всю столицу явно было не с руки Графу, тем не менее он понимая, какую роль в их положении играет конспирация, согласился на встречу без всякого промедления.

— Я в курсе, — спокойно приняв объяснения, проговорил Илья Вениаминович. — Мне Евгений уж об этом сообщил. Но...

— Что — но? — Словно пружина, сжался в комок Граф.

— Мне бы хотелось знать весь план операции.

— Об этом мы не договаривались. Вы мне поста-

вили условие заменить картину, и я это сделаю. Но каким образом все это будет происходить, я думаю, вам знать не обязательно. Главное ведь результат, не правда ли?

— В общем-то, да. Но я хотел бы иметь гарантии, — решил взять Графа за рога Хамелеон.

— Гарантии? Какие еще могут быть гарантии? Вы же ничем не рискуете. А вот что касается нашей с вами договоренности, то я бы хотел, чтобы вы выполнили ту ее первую часть, которую и обещали выполнить во время нашей второй встречи.

— Да-да. Конечно, — встрепнулся Левицкий. Вынув из кармана бумажник, он аккуратно вытащил из него небольшую пластиковую карточку и протянул ее Графу. — Здесь все реквизиты первого счета на предъявителя, открытого вчера на Кипре. Пока на нем нет ни цента, но уже завтра будет перечислена та сумма, которую я указал вам в графике нашего взаиморасчета. Надеюсь, деньги у вас с собой?

— Да. Почти, — невозмутимо отчеканил Граф.

— Что значит почти?

— Деньги находятся здесь, рядом. Сами понимаете, миллионы в один лопатник не вложишь, поэтому небольшая спортивная сумка дожидается вас в моей машине. Если вы не возражаете, то ваш сын, как гарант нашей с вами сделки, прямо сейчас выйдет из бара, и вся сумма уже через пять минут перекочет в ваш «Мерседес»?

— А вы предусмотрительны. — Тут же расслабившись и изобразив на лице нечто похожее на улыбку, Илья Вениаминович потянулся к чашке с кофе. Но, стоило ему сделать всего один лишь глоток, как тут же присущая ему слащавость моментально слетела с

губ, и он брезгливо спросил: — Как только вы эту дрянь пьете?

— А мы ее не пьем, мы за нее платим. А употребляем исключительно только пиво или другие горячительные напитки, — не пряча улыбку, проговорил Граф.

Дождавшись, когда старик вновь обретет присущую ему уверенность, он вновь поспешил напомнить ему тему столь некстати прервавшегося разговора.

— Так как насчет денег?

— Сейчас обсудим еще одну проблему, и, как только я буду на месте, Евгений доставит валюту в машину.

— А что за проблема?

— Проблема такова, что мне необходимо совершенно точно знать: кроме нас с вами, кто-нибудь еще в курсе наших отношений?

— Нет. А что? Есть какие-то опасения?

— Конкретного пока ничего. Но сдается мне, что кого-то очень даже стали интересовать и моя личная жизнь, и жизнь моего сына.

— Откуда такие опасения?

— Молодой человек! Я уже так долго живу на этом свете, что шкурой чувствую все протекающие течения вокруг моей персоны. То, что за моими окнами, да и за мной в том числе, периодически присматривают люди в погонах, — это одно. Я, как говорится, к вниманию внутренних органов привык, но вот когда это самое внимание становится пристальным, это уже совсем другое.

— Не пойму, к чему вы клоните? — не выдержал Граф.

— К тому, что, когда в моей жизни возникают напряженные моменты, я стараюсь быть начеку и не

жду появления товарищей в фуражках. Одним словом, я нанял частного детектива с просьбой присмотреть за мной и моим домом. И вот буквально сегодня получил более чем конкретное резюме. За мной следят. Причем не только за мной, но и за Евгением тоже.

— Как? И за Тромбоном тоже?

— Да, господин Граф. И за ним тоже. Только не надо ударяться в панику. Я не враг себе и, предвидя такой расклад, сделал все, чтобы встреча наша происходила в полной безопасности. А вот что касается вашей дальнейшей деятельности, вы уж потрудитесь предпринять такие шаги, которые не провалили бы наше общее дело.

После ухода Хамелеона Тромбон, приняв от Сыча деньги, которые все это время находились в «Газели» за углом, и, передав их отцу, отбыл вместе с ним. Граф же еще минут десять сидел один за столиком, внимательно обдумывая последнее известие Левицкого. То, что мусора сядут на хвост Хамелеону, — это он предвидел заранее, но при чем здесь его сын? Неужели они выследили того, кто в парике приходил в дом Левицкого, то есть его, Графа? Нет. Это исключено. Ему казалось, что он предусмотрел все. Наверняка милиция в поисках украденных денег организовала слежку за всеми, кто был в состоянии проверить такую мощную аферу по превращению миллионов рублей в валюту. А то, что мусора сели на хвост Тромбону, так это закономерно. Как-никак, он сын Левицкого. Тем более имеющий судимость.

Понемногу успокоившись, Граф, приняв решение, что с этой минуты надо быть весьма и весьма осторожным, рассчитался с официантом и, выйдя из бара, направился в сторону «Газели».

— Ну что? Как там дела? — обычным, уже набившим оскомину вопросом встретил его Сыч.

— Как сажа бела. Кто-то Хамелеону с Тромбоном «хвост» приклеил.

— Не может быть, — от удивления присвистнул Сыч.

— Может. Еще как может, — все еще находясь в состоянии раздумья, повторил Граф. — Так что и нам надо внимательно присмотреться, не шарахается ли кто поблизости.

Покружив по городу, они нарезали несколько кругов и, еще раз проехавшись по кругу, взяли курс в сторону новой берлоги. В другой ситуации, конечно же, Граф ни при каких условиях не оставил бы деньги без присмотра, даже при всей той надежности тайника, который ему удалось соорудить в одной из комнат снятого помещения. Но сегодня, когда необходимо было передать Хамелеону первую партию денег, он, зная, что тот очень даже горазд на разного рода выдумки, решил рискнуть и подстраховаться, взяв с собой Сыча.

Не больше получаса понадобилось им для того, чтобы добраться до дома. Загнав машину во двор, Сыч, выйдя из «Газели», закрыл ворота изнутри и, проходя мимо грузовика, стукнул по кузову кулаком. — Слышь, Граф! Выходи. Приехали.

— Ты в следующий раз поаккуратнее вези. Не дрова все-таки, — проговорил тот сразу же, как только оказался на асфальте.

— Я тебе говорил, садись в кабину. Так нет. А вдруг кто твою рожу на светофоре засечет. Как будто все только и ждут, чтобы нас с тобой сфотографировать.

— Береженого бог бережет.

Пока Сыч загонял машину под навес, Граф, под-

нявшись по крыльцу, подошел к двери черного хода, к той самой, через которую они несколько часов назад покидали свое убежище. Он уже хотел было вставить ключ в замочную скважину, но, вспомнив о небольшой секретной уловке, которую он, уходя, смастерил у порога, решил нагнуться и проверить, все ли с ней в порядке. Натянутая по самому низу от косяка до косяка нить была сорвана. Мало того, что нити не было на месте, судя по всему, тот, кто хотел пробраться в их убежище, унес ее на своих башмаках. Испугавшись, что у них украли оставшиеся деньги, Граф, тут же несколько раз повернув ключом, дернул дверь на себя и стремглав устремился к тайнику. Уже будучи в комнате, он остановился в самом ее центре и, оглядевшись вокруг, понял, что в помещение, к счастью, никто не проникал и к месту, где были спрятаны деньги, не приближался.

— Мать твою, — выругался Граф, опускаясь на диван.

— Ты чего всполошился? — уставился на него вошедший следом Сыч.

— Чего-чего. Гости у нас были. Вот чего.

— Какие еще гости?

— А я знаю. Когда уходили, секретку на дверях смастерил, а сейчас глянул, нет ее.

— Так, может, кошка пробежала или собака какая бездомная?

— Может, и кошка, — находясь в раздумьях, машинально проговорил Граф. — Слушай, Сыч, а мы видеокамеру устанавливали только на центральную дверь?

— И на ворота тоже.

— Тогда какого хрена ты здесь стоишь? Тащи сюда кассету, будем кино смотреть.

По-быстрому настроив аппаратуру, Сыч с Графом, тут же устроившись на диване, устремили свои взгляды на маленький экран видеофона. Вспыхнувшие в углу малюсенькие циферки вели отсчет времени, а это уже означало, что существовала возможность с точностью до секунды определить, когда и кто попал в поле зрения объектива. Включенная ускоренная перемотка, метр за метром, минута за минутой отсчитывала заснятый материал, но на экране по-прежнему было видно лишь только одно крыльцо, его ступеньки и перила. И вот, когда пленки осталось на кассете всего ничего, а это означало, что еще минута, и она начнет прокручиваться в обратном направлении, чтобы начать снимать с самого начала, прямо по центру экрана возникли чьи-то ноги. Неудачно направленный объектив снимал лишь только нижнюю часть человека. Ноги потоптались на месте, затем сделали несколько шагов вправо, затем влево и тут же зашагали вниз по ступенькам.

— Быстро давай сюда вторую, на которой сняты ворота, — врубившись, что, кроме ног, они уже здесь больше ничего не увидят, отдал команду Граф.

Не дожидаясь, когда отснятый за сутки материал прокрутится до конца, они тут же перемотали пленку, и, как только включили воспроизведение записи, на экране почти сразу же показался силуэт человека. Пройдя туда-сюда вдоль забора, человек постоял немного около ворот, затем, выбрав наиболее удобное место, ловко перебрался через ограждение. Оказавшись во дворе, мужчина огляделся и, подойдя к зданию, замер у стены. Какое-то время он стоял неподвижно, явно прислушиваясь, после чего, оказавшись у двери, внимательно осмотрел замок, на всякий случай несколько раз дернул за ручку и подошел к окну

справа. Не увидев ничего, так как оно изнутри было прикрыто шторами, он обогнул всю территорию, зачем-то заглянул под навес и, осмотрев оставшиеся на асфальте следы «Газели», вернулся к ограждению.

— Ну что скажешь? — спросил Граф, когда пленка на кассете последний раз дернулась и, зажужжав, начала перематываться в обратном направлении.

— А что здесь говорить? Кому-то вдруг ни с того ни с сего очень даже стало интересно знать, что происходит в этом помещении:

— Это я и без тебя понял. Ты лучше скажи, рожа тебе эта знакома или нет?

— Поначалу показалось, что нет. Но, когда пригляделся, понял, что где-то я уже ее раньше видел.

— И где?

— А кто его знает. Вот так, с ходу, и не вспомнишь.

— А ты постарайся, — не отставал Граф. — Сам понимаешь, чем это может аукнуться.

— Понимаю, — протянул Сыч, явно озадаченный какой-то мыслью.

— Ты чего такой дремучий? — глядя на товарища, тут же наехал на него Граф. — Никак вспомнил чего?

— Да нет. Не вспомнил. Но то, что клиент этот из наших, могу сказать точно.

— Как это, из наших?

— А вот так. Сейчас все сам поймешь.

Сыч вновь перемотал пленку почти до самого конца и, включив воспроизведение, стал ждать нужного момента. Но, как только на экране человек подошел к двери и протянул руку к замку, он тут же нажал кнопку стоп-кадра.

— Смотри, — ткнул Сыч пальцем в экран. — Руку видишь?

— Ну, — все еще не понимая, куда клонит товарищ, недовольно прогудел Граф.

— А наколку на ней?

— Точно. — Неморгающим глазом уставился Граф на остановившуюся в центре экрана руку «гостя».

— Партаки дешевые. Похоже, сделанные еще на малолетке, — на манер старого, опытного сыщика продолжал рассуждать Сыч. — Последние две цифры «восемь» и «два», а вот первые разобрать не могу.

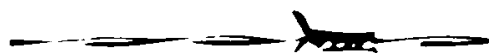
— Да это уже и неважно. Главное, мы знаем, что у кого-то появился вполне реальный интерес к нашей конторе, а скорее всего, к нам самим. То, что это братва куражится, вероятность, конечно, есть, но может быть и случайность. Мало ли народу с наколками по свету шатается.

Было заметно, что Граф очень даже озадачился столь непредсказуемым поворотом дела, а потому в данную минуту усиленно старался придумать что-то такое, что хоть как-то могло обезопасить и его, и те деньги, что хранились в тайнике.

Глава 11

СОБОЛЬ

Уже в тот день, когда управляющий банком господин Чазов Альберт Ефимович своими собственными глазами увидел, как из саквояжей, где должны были находиться деньги, служащие достали груды бумаги и старые тряпки, он вдруг понял, что денег своих не увидит больше никогда. И, чем дальше уходило время, тем все настойчивее данное предчувствие разрасталось в его сознании. Подчас удушающей петлей

затягиваясь на шее Альберта Ефимовича, оно не только мешало ему быстро соображать, но своевременно принимать те или иные решения. Постепенно все складывалось так, что необходимо было срочно найти хоть какой-то выход из создавшегося положения, иначе постоянные думы о случившемся запросто могли загнать его в угол, откуда уже было рукой подать до сумасшедшего дома.

И Альберт Ефимович такой выход нашел, причем настолько быстро, что даже удивлялся этому сам. Выпитый коньяк, рюмка за рюмкой, тут же освобождал его от разного рода мешающих жить мыслей. И жизнь вновь становилась прекрасной, а сам он, как и раньше, считал себя непревзойденным бизнесменом, удачливым предпринимателем и вообще чуть ли не самым выдающимся среди своих коллег банкиром. Но, как бы то ни было, постепенно каждый новый день становился еще страшнее прежнего. Случившееся незамедлительно, подобно снежному кому, начало обрастать всякого рода недомолвками и пересудами, которые толкали банк к пропасти. Первым толчком к этому послужил вывод всех своих активов главных вкладчиков банка. За ними тут же, подобно цепной реакции, вереницей потянулись и наиболее мелкие предприятия, желающие закрыть счета и вернуть свои вложения. Для Альберта Ефимовича наступали страшные времена. Деньги покидали банк, вкладчики, подобно крысам, разбегались в разные стороны, а учредители хватали Чазова за горло, почти силой заставляя предпринимать хоть какие-то шаги к спасению банка. Банк трещал по швам, а Альберт Ефимович все пил и пил, закрывшись у себя в кабинете, никого не принимая и не отвечая ни на один телефонный звонок. В часы просветления он, правда, иногда пы-

тался найти хоть какой-то выход из создавшегося положения, а потому в самом срочном порядке назначал совещания с замами. Но это было больше похоже на агонию, чем на конструктивную работу по выравниванию положения. Именно после одного такого заседания и обратился к управляющему начальник службы безопасности, сознательно задержавшись в его кабинете, как только все остальные исчезли в приемной.

— Чего тебе, Игорь Леонидович? — горя от нетерпения поскорее прильнуть к стакану, глянул на Дронова Чазов.

— Разговор есть, — не моргнув глазом, проговорил тот, удобно устраиваясь на своем привычном месте.

— Ладно. Только давай быстрее, а то у меня дел невпроворот.

— Я так думаю, Альберт Ефимович, что пришло время переходить к более радикальным мерам, — начал издалека Дронов.

— Ты это о чем?

— Об украденных деньгах.

— О чем, о чем? — Отодвигая мысли о коньяке на задний план, управляющий опустил в кресло.

— О том, что пора обратиться к тем, кто по-настоящему может помочь нам в розыске денег. Ведь уже и дураку ясно, что милиция не торопится с порученным ей делом, а судьба банка, между прочим, уже практически висит на волоске. И, если мы в течение хотя бы ближайших двух недель не сообщим во всеуслышание, что деньги возвращены, нам крышка.

— Допустим. — Все с большим и большим интересом вникая в тему, поднятую Дроновым, Чазов усиленно пытался сообразить, к чему же все-таки

пытается подвести разговор начальник службы безопасности.

— Так вот я и подумал, а что, если нам обратиться к более решительным людям?

— А поконкретнее?

— К ворам.

— К ворам? — изумленно глянул на Дронова управляющий. — Да ты хотя бы представляешь, что за этим сразу последует?

— Как никто другой.

— Тогда должен точно знать, что сейчас не девяностые годы и каждый уважающий себя банк никогда не полезет под крышу бандитских группировок. Для этого есть федеральные службы безопасности.

— А у нас что, есть выход?

— Пока нет. Но я надеюсь...

— Надеетесь на что? Когда банк объявят банкротом, а вас отдадут под суд как организатора еще одной злосчастной пирамиды? Послушайте, Альберт Ефимович! Вы ведь неглупый человек и прекрасно понимаете, что совсем скоро прокуратуре срочно потребуется жертва, для того чтобы отдать ее на растерзание многочисленным обманутым вкладчикам, тем, кто начнет забрасывать их заявлениями. И будьте уверены, этой самой жертвой будете вы. Вы, и никто другой. Людям объявят, что управляющий банком «Возрождение» самый настоящий жулик, а может быть, даже пустят слухок, что это вы сами организовали столь успешно проведенное ограбление. И все! Прощай, свобода. Да здравствует тюрьма, суд и лагерь. Лет так на десять. Вас что, устраивает такая перспектива?

Чем больше говорил Дронов, тем все чернее и чернее становилось на душе у Альберта Ефимовича.

Ну а когда тот перешел к разрисовке картинок самого ближайшего будущего, в голове у Чазова вдруг зашумело и перед глазами поплыли сине-фиолетовые круги. Уж о чем, о чем, а о тюрьме, суде и лагере у него ни разу за все это время не возникло даже мысли. И вот на тебе. Вдруг раз — и он уже подсудимый, шарлатан и жулик. Это было выше сил Чазова. Обхватив голову руками, Альберт Ефимович уставился на Дронова так, словно тот держал в руках спасательный круг, когда сам он, уже захлебываясь, шел на дно.

— Говори. Что надумал? — набрав в грудь воздуха, с трудом выдохнул он, стараясь не встречаться взглядом со своим подчиненным.

— У меня есть выход на одного очень влиятельного человека. Уже состоялся предварительный разговор, и он обещал организовать встречу.

— С кем?

— С очень авторитетным вором в законе.

— Ни на какие встречи с ворами, даже если они и в законе, я не поеду, — не замедлил поставить условие Чазов.

— И не надо. Я все организую сам. Выслушаю его условия и сообщу об этом вам. А уж дальше принимать решение будете вы. Но хочу заранее предупредить, мы горим, как свечки. Еще немного, и нам уже не поможет никто: ни милиция, ни авторитеты.

* * *

Как среди братвы, так и среди тех коммерсантов, которые сидели под его крылом, Соболев слыл, что называется, не просто вором в законе. Он был для всех тем самым авторитетом, про которого говорят с особым уважением. Справедливость, решительность и, что особо отмечалось соратниками, ум предостав-

ляли ему некоторое преимущество перед другими авторитетами, что совсем скоро позволило Соболю с полной решительностью заявить о своем участии во вновь начинающемся переделе Москвы. Имея под ружьем ни много ни мало, а сразу двести человек, причем обученных, воспитанных и, самое главное, думающих, Соболев тем не менее всегда был настроен против ведения военных действий, ограничиваясь лишь только мирными разборками, необходимыми для решения той или иной проблемы. За какие-то пять с небольшим лет авторитет его вырос настолько, что уже наименее влиятельные воры в законе шли к нему не только за советом, но и за поддержкой, а то и вообще с предложением принять их под свои знамена. И уже ни один сходняк, ни одно толковище не обходились без его участия, где, кстати, места за столом определялись по заранее обговоренным условиям главенствующей верхушкой. Именно поэтому Соболю отводилось одно из тех самых кресел, находясь в котором тот или иной вор приобретал своего рода наиболее привилегированное положение. Это давало ему право не только первого голоса, но и преимущество при принятии решения, так как сходняк всегда имел обычай прислушиваться к тем ворам, кто мог по-настоящему предложить наиболее конструктивный выход из создавшегося положения.

Именно на Соболя и нацелился Дронов. Благо, один из близких товарищей Игоря Леонидовича, с которым судьба свела его еще в армии, сейчас состоял на службе у Соболя. Он отвечал не только за подготовку бойцов, но и играл при Соболе роль военного консультанта. Вот он-то и обещал помочь Дронову выйти на столь уважаемого в воровской среде авторитета.

Встреча состоялась в центральном офисе Соболя, куда и доставил Дронова его товарищ, проведя через многочисленные посты службы безопасности, а также тщательную проверку на предмет нахождения оружия или звукозаписывающих устройств.

В кабинет вошли вдвоем.

Соболь, оставаясь сидеть за столом в своем огромном кожаном кресле, не вышел навстречу гостю, но выразительно, показав рукой на стул, предложил ему занять место напротив. Это означало, что он намерен говорить один на один. И товарищ Дронова, поняв намек хозяина кабинета, тут же исчез за его дверью в огромной приемной, где ему и надлежало ждать окончания разговора.

— Ты кто? — поднял глаза на гостя Соболь.

— Заместитель управляющего банком «Возрождение». Дронов Игорь Леонидович.

— Значит, это вашу контору пару недель назад выпотрошили?

— Нашу, — несколько обескураженный манерой ведения переговоров, с трудом произнес Дронов.

— Теперь понятно, зачем ты здесь нарисовался. Наверное, хочешь, чтобы я помог вам вернуть бабки?

— Да. Мы хотели бы...

Игорь Леонидович уже собрался было выложить заранее заготовленную речь, но Соболь все тем же движением руки остановил его.

— Не надо попусту сотрясать воздух. Мне и без того все ясно и понятно. Профуфукали вы свои деньги, а теперь хотите лишить бродягу законно добытой добычи. Кстати, сколько было в той машине?

— В общей сложности шесть миллионов долларов.

— Ого! Ничего себе куш, — искренне удивился

Соболь. — Интересно, кто это умудрился повернуть такое дельце?

Дронову не оставалось ничего, кроме как пожать плечами и изобразить на лице страдальческую гримасу.

— Значит, шеф твой мечтает вернуть деньги?

— Да. И по возможности как можно скорее.

— Иначе банк лопнет и его отправят к братве на развлечение. Ты знаешь, на зоне очень даже любят пухленьких и богатеньких дядечек.

На этот раз Игорь Леонидович промолчал, чувствуя, как Соболь подавляет не только его волю, но и чувство собственного достоинства.

— Короче, так, — наконец, после непродолжительной паузы, вновь заговорил Соболь. — Я постараюсь помочь вернуть вам ваши бабки, но при следующих условиях. Во-первых, от всего, что украли, вы получите только половину.

— Но... — хотел было возразить Дронов.

— Никаких «но». Только половину и ни цента больше. Тридцать пять процентов останутся у того, кто все это провернул, и, я думаю, это будет справедливо. В любом случае барыги за переправку денег за кордон снимут с бродяги еще больше. И пятнадцать мне. Работа предстоит непростая, а за хорошо выполненное дело надо и платить хорошо.

— Это все? — поспешил уточнить Игорь Леонидович.

— Нет, не все. Твой шеф введет в состав учредителей моего человека, процентов так, скажем, на восемь.

— Но это невозможно.

— Невозможно спать на потолке, одеяло сваливается. А то, что я предлагаю, все очень даже просто

и, что характерно, исполнимо. Да и деваться вам, собственно говоря, некуда. Или получите половину, или ничего.

— Хорошо. — Понимая, что разговор закончен, Дронов встал и вышел из-за стола. — Я сообщу о ваших условиях управляющему, и уже завтра вы будете знать о его решении.

— Годится, — все так же, не вставая и не провожая гостя, кивнул Соболев, после чего вновь уткнулся в разложенные на столе бумаги.

Как только дверь за гостем закрылась, вор тут же поднял трубку телефона прямой связи и, нажав необходимую кнопку, коротко бросил:

— Зайди.

Академик получил столь авторитетное погоняло лишь только за то, что, прежде чем попасть за решетку, успел закончить не только вуз, но и аспирантуру. Однако желание быстро обогатиться настолько плотно сидело в его сознании, что он, провернув одно дельце с продажей иностранцам первой партии кое-каких засекреченных приборов, снятых с военных вертолетов, тут же кинулся по второму кругу. Только вот не получилось быстро обогатиться. И взамен пары десятков штук баксов он получил три года общего режима. Однако еще в тюрьме Академик волею судьбы попал в одну камеру с Соболев, который к тому времени как раз претендовал на четвертую ходку. Там он без особых проблем смог втереться в доверие к сокамернику, за что и заслужил уважение к себе и обещание помочь после того, как тот полностью отсидит свой срок на зоне.

Соболеву тогда удалось откупиться и остаться на свободе. Однако он сдержал слово, и когда Академик откинулся, то он сразу же привлек его в свой непро-

стой бизнес, сделав из бывшего аспиранта что-то вроде советника по вопросам разного характера, постоянно возникающим в ходе деятельности уже тогда весьма уважаемого вора в законе. Академик и на этот раз оправдал данное ему погоняло. Оказавшись на много дальновиднее хозяина, он сумел-таки все устроить так, что уже через пару лет стал чуть ли не его правой рукой. Единственное, к чему он не допускался, — это были воровские разборки, так как отсутствие какого-либо авторитета в кругах воров не давало Академику возможности принимать решения по тем или иным вопросам.

— Послушай и скажи мне, что ты об этом думаешь, — коротко распорядился Соболев, протягивая другу диктофон с записью только что состоявшегося разговора.

Устроившись поудобнее в кресле, Академик включил запись и, внимательно вслушиваясь в каждое слово, на протяжении всего разговора не проронил ни слова. Но, как только прозвучал щелчок, означающий окончание записи, он тут же с неммым вопросом во взгляде глянул на Соболя.

— Ну? Что скажешь?

— Скажу, что дело стоящее и очень даже перспективное. Проблема только в одном — как найти того самого, кто сумел так ловко повернуть ограбление.

— А ты подумай. Хорошо подумай. С братвой переговори, может, кто-то где-то что-то и слышал. И потом, мы ведь не ментовка, руки у нас законом не связаны, так что все методы розыска могут пригодиться. Единственное плохо, что времени в обрез. Максимум десять дней.

Выйдя от Соболя, Академик тут же закрылся у

себя в кабинете и, положив перед собой чистый лист бумаги, начал наносить на него те первостепенные вопросы, решение которых, по его мнению, могло бы хоть как-то приоткрыть завесу тайны над этим далеко не простым делом.

Во-первых, проверить ограбление инкассаторов и без того уже считается работой высочайшего класса, а тут все прошло без единого выстрела и без каких-либо следов, за которые могло бы зацепиться следствие. По всему было ясно, что человек, планирующий данное дело, готовился к нему задолго и основательно. А вот без сообщников здесь явно не обошлось. Первая удачная мысль моментально заставила Академика нанести на листок под одним большим вопросительным знаком еще несколько таких же, но только чуточку поменьше. Они, как будто рисованные солдатики, выстроились в одну шеренгу, ожидая команды того, кто стоял над ними выше.

Если организатор столь нашумевшего дела до сих пор не прокололся, а мусорам так и не удалось напасть на его след, значит, он на самом деле основательно просчитал все свои, да и их шаги тоже, что дало ему возможность предусмотреть все.

Но все ли?

Этот вопрос сейчас был главным для Академика, и от того, как он сможет ответить на него, зависел исход и всего порученного ему дела.

Ловить бродягу на самом преступлении нет необходимости. Все равно ничего из этого не выйдет, только потеряем зря время. А вот на том, что он намерен предпринять дальше, можно и подловить парня. Надо попробовать поставить себя на его место, а лучше на место его подельников, так как наибольшая вероятность совершения какой-либо ошибки может ис-

ходить в первую очередь от них. Академик, продолжая рассуждать, поймал вдруг себя на мысли, что слишком увлекся этим ограблением, и не потому, что там были задействованы огромные деньги, а скорее по причине того, что уж больно все было смонтировано интересно. Да и тот, кого предстояло вычислить, стал для него чем-то вроде математической формулы, которая пока содержала в себе одни неизвестные.

Если он такой умный, продолжал рассуждать Академик, то первое, что он постарается сделать, — это слинять из страны. Но для этого необходимо иметь надежные документы, переправить деньги за кордон и рассчитаться с поделщиками. Искать его через тех, кто мог изготовить ксиву, бесполезно. Эти будут молчать до последнего. Да и о документах ведь можно было позаботиться и раньше. Выходить на барыг, кто мог помочь парню решить вопрос с деньгами, тоже непросто. Эти волчары ни за что не продадут ни клиента, ни свои каналы, иначе их быстро поставят под стволы. А так как они прекрасно об этом знают и понимают, чем все это чревато, рисковать башкой навряд ли захотят. В таком случае остается одно, а именно поделщики, те самые, кто принимал участие в ограблении. Однако ждать, когда кто-нибудь из них проколется, глупо. А вот поймать на деньгах вполне реально. Сам-то организатор, если он мужик умный, а он уж точно умный, коль до сих пор водит мусоров за нос, то отрываться и сорить бабками он не будет. А вот кореша его, как только доли свои получают, могут запросто и в загул кинуться. Им-то что! Получил и отвалил. Зелень в лопатнике хрустит, значит, надо ее потратить. Это закон бродяжьей жизни, и никуда им от него не деться.

Быстро набросав план первоочередных меро-

приятый, Академик, не имея привычки откладывать дела на потом, уже через час собрал в своем кабинете самых ближайших помощников. После того как все прибыли и расселись по местам, он, не вводя парней в курс дела, дал команду искать того, кто за ближайшие пять дней мог потратить огромные деньги. Например, проиграть в казино, купить крутую, не по его уровню, тачку, устроить такой сабантуй с проститутками, чтобы о нем ходили слухи по всей Москве.

— Ищите. Ищите. Такая выходка должна быть обязательно. Не знаю, в чем она проявится, но то, что она должна состояться, — это совершенно точно.

— Какая сумма должна представлять для нас интерес? Ведь можно загудеть и на десять тонн грин, а можно и на весь полтинник?

Вопрос был задан, как говорится, в самую точку. Об этом Академик как-то не догадался, но, вовремя сориентировавшись и не задумываясь надолго, произнес:

— Сто штук.

Это был самый главный аргумент всего разговора, так как размах превышал все допустимые и недопустимые предположения помощников Академика. Они тут же, как только расклад стал ясен, громко обсуждая задание, разъехались по своим бригадам.

Результат появился гораздо раньше, чем предполагал сам Академик. Уже на следующий день к обеду у него была полная информация о том, что буквально четыре дня назад в одном весьма серьезном подпольном заведении, где, как правило, тусуются только лишь каталы, состоялась игра. Причем началась она как обычно, но уже к полуночи переросла в настоящую битву.

Храп — игра хотя и простая, но вполне интригующая, умеющая нарастить такой банк, что выдавшие виды игроки иногда просто диву давались, насколько нелогично складывались карты, а значит, и банк, как правило, рос на глазах. Вот и на этот раз за столом все происходило таким образом, что уже с самого начала предвещало если не бурю, то вполне впечатляющий ветер. Слишком уж оголтело кидался в бой Хлыст, то и дело вступая в игру подчас даже с совершенно никудышной картой.

По правилам клуба игрок не может продолжать игру, не имея для этого наличных денег. Но, как только Хлыст проиграл последние три штуки баксов, ему тут же под честное слово хозяин заведения открыл кредит в размере тридцати тысяч, не преминув при этом предупредить, чтобы Хлыст при возврате не забыл приплюсовать еще дополнительно двадцать процентов. Деньги тот обязан был вернуть ровно через неделю.

Во время игры все, кто имел удовольствие наблюдать за разворачивающимися событиями, не могли не заметить, с какой легкостью и улыбкой расстался Хлыст с деньгами. Весь вид его говорил, что в общей сложности проигранные сорок тысяч и не были для него такими уж большими деньгами. Так ведут себя люди, которые или имеют колоссальный доход, или намерены немедленно встать на лыжи, что автоматически возводило их в положение изгоя, а значит, рано или поздно ждала преждевременная смерть. Именно поэтому для получения очередного кредита Хлысту понадобилось не только гарантировать возвращение денег распиской, но при всем уважаемом обществе заявить, что он обещает вернуть долг не позднее чем через семь дней. После того, как только

он вновь занял свое место за карточным столом, все началось сначала. А значит, вполне можно было предположить, что фортуна в конце концов рано или поздно все равно развернется к Хлысту лицом. И она бы сделала это, если бы он сам не усугубил и без того непростые с ней отношения. Кидаясь в любые комбинации карт, не думая и не просчитывая ходы, а при этом еще не учитывая уровень профессионализма собравшихся за одним столом игроков, Хлыст вскоре вынужден был объявить о своей несостоятельности и намерении покинуть заведение. Проигравшись в пух и прах, он, однако, не подал даже виду, что разозлился или, к примеру, не в меру сильно переживал по поводу происшедшего.

Выслушав сообщение, Академик тут же приказал найти Хлыста и установить за ним наблюдение. И хотя факт проигранных денег, которые в общей сложности составили почти девяносто тысяч, не давал ему еще полного основания предположить, что тот принимал участие в ограблении, тем не менее это был один из тех немногочисленных шансов, которыми бросаться означало поступить в высшей мере неблагоприятно. К тому же Академик вдруг совершенно отчетливо почувствовал, что след, взятый им, верный. Поставив под ружье почти всех, кто находился в его подчинении, он практически нисколько не сомневался, что результат надлежит ожидать уже в самое ближайшее время, а значит, и готовиться к более серьезным поискам необходимо было также начинать прямо сегодня.

Чутье его не обмануло и на этот раз. Уже к вечеру поступил звонок, из которого стало совершенно ясно: Хлыст засветился. Выловили его в одном из пивных баров, где он вместе с Грачом поглощал пиво,

шелуша при этом разложенные на блюде красно-оранжевые креветки.

— Смотреть за обоими. И немедленно сообщать о любых их передвижениях.

Сообщение о том, что Хлыст и Грач прибыли по какому-то там адресу и вошли в небольшое помещение, напоминавшее собой обычный магазинчик, поступило в тот же день вечером, что несказанно обрадовало Академика. Теперь можно было с полной уверенностью предположить, что все свои действия он просчитал абсолютно верно, а значит, совсем скоро будет доподлинно известно, кто же стоит за всем этим делом.

Если данные площади сняты специально под своего рода убежище, значит, и деньги должны находиться там. Все их в одной сумке не унесешь и в простой квартире не спрячешь. Наверняка лишь только по этой причине организатор пошел на такой шаг. Ну что же, вполне оправданно. По крайней мере я поступил бы точно так же.

Пребывая в прекрасном расположении духа, Академик явно предвкушал удовольствие сообщить о проведенном им расследовании Соболю. Однако, зная своенравный характер шефа, который тут же потребует имя главного героя, он не стал торопиться и решил дождаться очередного звонка, который, по его собственному предположению, должен был внести окончательные коррективы в данное дело.

Однако время шло, и уже стрелки часов перешли к отсчету следующих суток, а долгожданного звонка так и не было...

«Что там у них? — нервничал Академик. — Неужели нет возможности выяснить хоть что-то?» — Не выдержав, он набрал необходимый номер телефона.

— Что там у вас? — почти прокричал Академик в трубку, как только на том конце провода послышалось знакомое «Алло».

— Сидим. Никто пока не выходил. После Хлыста и Грача в помещение вошел еще один человек.

— Значит, так. Срочно вызовите себе кого-нибудь на подмогу, на тот случай, если придется разделиться. Мне необходима полная информация обо всех, кто находится в этом помещении. Так что возьмите на контроль любого, кто будет входить, выходить и особенно того, кто там останется.

Соболь с нетерпением ожидал, когда откроется дверь и в кабинет войдет Академик. Тот позвонил еще минут пять назад, сообщив, что у него есть кое-какая информация по поводу банка «Возрождение». Войдя без стука, Академик прошел к столу и тут же без лишних слов занял свое коронное место справа. Соболь же, лишь только бросив один-единственный взгляд на товарища, моментально понял, что в своих предположениях по поводу имеющейся у Академика информации он не ошибся. Прекрасно зная привычку Академика приукрашивать события, Соболь, не дожидаясь, когда тот откроет рот, произнес:

— Ну давай начинай парить мне мозги по поводу трудности задания.

— Ничего подобного. Никаких трудностей. Да и задание оказалось на редкость простым, — глядя на шефа совершенно невозмутимым взглядом, ответил тот в тон Соболю. — Удалось не только вычислить их лежку, но и того, кто все это организовал.

Столь необычная выходка, да и сама информация были выше всех предполагаемых ожиданий, а потому Соболь, несколько растерявшись, открыв рот,

молча продолжал смотреть на Академика. Тот же, в свою очередь, поняв, что сумел произвести на шефа по-настоящему неизгладимое впечатление, явно поймав кураж, сознательно тянул время, стараясь насладиться триумфом.

— Граф! Вот кто организовал и столь успешно провел всю операцию, — прозвучал последний аккорд задуманной Академиком симфонии.

— Граф?

В сознании Соболя моментально возникли эпизоды из его собственной жизни, когда судьба сводила жизнь его и жизнь Графа вместе. Оба раза происходило это на зоне, во время отбывания и тем и другим своих очередных сроков. И оба раза все складывалось так, что им не пришлось сталкиваться друг с другом. Однако, в силу того авторитета, который уже тогда имел Граф, Соболев относился к этому человеку если не с почтением, то с уважением, это точно. Слухи о его специальности, да и сама статья, по которой Граф проходил в суде, отличали этого вора от остальных заключенных. А его замкнутость настораживала. Тем не менее ничто не смогло изменить положительного отношения Соболя к Графу.

И вот на тебе. То, что должно было произойти еще несколько лет назад, похоже, все-таки случится. Если ограбление на самом деле сотворил Граф, то волею судеб им все-таки придется еще раз встретиться и, даже мало того, решить, что делать с банком и с украденными деньгами.

Соболев никоим образом не собирался претендовать на те миллионы, которые удачливый Граф смог заработать своим собственным горбом, реально рискуя не только потерять свободу, но и жизнь. Однако возможность получить от этого дела свой собствен-

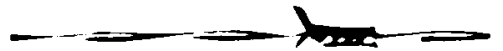
ный куш ему упускать не хотелось ни при каких обстоятельствах. А значит, оставалась единственная возможность — урегулировать вопрос путем взаимной договоренности с самим Графом. То, что задумал Соболев, исключало любые неувязки в отношении всех заинтересованных в этом деле сторон. Граф в любом случае получал свои деньги, может быть, чуть-чуть меньше, чем планировал, зато чистыми и без каких-либо претензий как со стороны банка, так и со стороны мусоров. Хотя, конечно, чтобы добиться этого, предстояло приложить еще немало усилий, по крайней мере, предложенные условия возврата денег наверняка могли бы устроить всех. Всех, кроме, конечно, милиции. Но это уже были проблемы банка, и именно ему Соболев хотел поручить закрыть дело об украденных миллионах. Путать карты мусорам, которые и так уже давно косо посматривали на его столь бурно разворачивающуюся деятельность, Соболеву хотелось меньше всего. К тому же наверняка конкуренты и враги зарядили не одного опера деньгами, чтобы он любой правдой и неправдой отправил авторитетного вора в закон за решетку. Поэтому в данной ситуации только лишь банкир мог сотворить чудо и убрать прорезь прицела со лба Графа.

— Ну что? Какие будут указания? — нарушил раздумье шефа Академик. — Кстати, я уже распорядился организовать у логова Графа круглосуточное наблюдение.

— Это правильно. Но мне нужен сам Граф. Я хочу поговорить с ним лично.

— Так что? Дать команду, чтобы его доставили сюда?

— Нет. Не надо. Мне он нужен с пылу, с жару.

Поэтому я должен с ним встретиться там, где он меня не ждет.

— Это не в его ли берлоге?

— Точно. Именно там и нигде больше.

В глазах Соболя сверкнул огонек. То ли оттого, что он почувствовал запах легких денег, то ли от предвкушения встречи с Графом.

— Передай людям, пусть подготовят для встречи плацдарм. Только так, чтобы не испугнуть волка. Граф — зверь непростой и чужого чувствует за километр. Засечет слежку, хрен мы его больше когда увидим. Кстати, и деньги тоже.

Глава 12

КАПКАН

После того как Граф с Сычом обнаружили на отснятых кассетах неизвестного им человека, который если не пытался проникнуть внутрь, то уж точно вынюхивал что-то вокруг, было решено больше не покидать жилище и по возможности хотя бы одному, но оставаться в помещении.

Еще раз проверив надежность тайника, где хранилась оставшаяся часть денег, Граф, вручив ствол Сычу, предупредил его:

— Учти. Он должен всегда быть при тебе и только заряженным. Стрелять в исключительном случае. Нам мокруха ни к чему, но, если кто-то все-таки вздумает сунуться, тогда...

— А если мусора нагрянут? — не дал договорить ему Сыч.

— Ты что, идиот? Да стоит тебе только раз в легавого выстрелить, столько сразу же свинца в ответ по-

лучишь, что будешь похож скорее на фаршированного индюка, чем на мертвого дурака. Так что, как только увидишь погоны, кидай пушку и рви когти.

К вечеру, когда волнение понемногу улеглось и они, перекусив всухомятку, сели обсуждать завтрашний день, Сыч, вдруг глянув на Графа, спросил:

— А сам ты как считаешь?

— Ты это про что?

— Про того, что с татуировкой на руке. Как думаешь, чей он?

— Не знаю. Но то, что не мент, это точно. Эти волки, если бы нас вычислили, тут же нагрянули бы всей стаей.

— А может, это банкиры кого наняли? Например, частного сыщика.

Граф удивленно поднял глаза на товарища.

— А нам какая разница? В любом случае, кто бы это ни был, он явно приходил за нашими деньгами. А значит, теперь надо не только ухо держать остро, но и ноги наготове.

— А может, нам явку сменить?

— Теперь уже не до этого. Времени нет. Сам понимаешь, еще несколько дней, и весь этот кошмар закончится. Так что теперь надо смотреть в оба. Завтра я отлучусь ненадолго. Надо бы кое-что проверить. Да и с вагоном тоже неплохо было бы познакомиться. А то вроде как-то несолидно получается, в гости собираемся, а лично друг другу до сих пор не представлены.

— Понятно, — развел в стороны руки Сыч. — Только вот что. Ты, когда будешь уходить, замок снаружи не забудь повесить. Вроде как в доме пусто.

— Это еще зачем? — не понял Граф.

— Затем. Когда на двери замок висит, значит, хо-

заяв нет дома. А я так соображаю, тот, кто приходил к нам сегодня, завтра наверняка припрется снова. Вот тут-то я его и встречу. Уж очень горю желанием повидаться с этим сучонком.

На следующий день утром Граф, пообещав Сычу появиться не позднее трех часов дня, вышел из своей берлоги и, поймав тачку, напрямик направился в сторону железнодорожной станции. Здесь он намеревался пройтись по предполагаемому маршруту вагона от места его стоянки до присоединения к пассажирскому составу. Хотя при первом, да и при втором разговоре тоже Хамелеон ни словом не обмолвился про этот немаловажный факт, Граф был уже в курсе. Стрелочник, как только речь зашла про иностранный вагон, тут же со знанием дела заявил: — Такие, как правило, к пассажирскому составу подсоединяют. Причем не где-нибудь, а уже за Москвой, чтобы не так в глаза бросалось. Вот он его потом и тащит до самой границы.

Именно поэтому Граф и решил пройтись по железнодорожным путям для того, чтобы глянуть, что к чему. В голове-то у него уже давно созрел вполне осуществимый план, поэтому оставалось только уточнить кое-какие детали.

Обследовав все должным образом, Граф издали понаблюдал за стоявшим в стороне от других составов вагоном, отметив про себя один немаловажный факт: что охрана слишком уж беспечно ведет себя по отношению к доверенному объекту. И, хотя охранники ни на минуту не оставляли его без присмотра, подойти к цели, а то и вообще пробраться внутрь не составляло особого труда.

Через полчаса все, что было необходимо знать Графу, в полной мере и со свойственной ему скрупу-

лезностью было запечатлено в его памяти. После чего он проследовал на привокзальную площадь, где, стараясь не привлекать внимания, еще столько же времени потратил на изучение обстановки и только потом вошел в центральный зал, где занял место, наиболее удобное для изучения расписания поездов. Следуя утверждению Стрелочника о том, что особой значимости вагоны, как правило, прицепляют к составу, следующему за рубеж, необходимо было изучить движение поездов, которые в день закрытия выставки проследуют в направлении границы с Польшей. Мысленно заставляя полученную ранее информацию выстраиваться в единую, подкрепленную логикой линию, Граф вырвал глазами из многочисленных бегающих строк самые для себя нужные и задумался. Поезд Москва — Прага отпадал по одной простой причине: он отходил на час раньше загрузки картин. Следующий, Москва — София, вполне мог подойти, но тогда организаторам отправки коллекции необходимо было основательно поторопиться, а так как в таких делах это было недопустимо, он также был отвергнут, как и предыдущий. Кроме этих двух поездов, в тот день в данном направлении должны были уйти еще два состава, Москва — Париж в шестнадцать часов и Москва — Берлин, отправление которого по расписанию было назначено на семнадцать ноль-ноль. Конечно, самое приемлемое для транспортировки такого вагона, как тот, что дожидался своего часа в охраняемом тупике, был поезд, следующий в Германию. Но, учитывая, что за его прохождение по территории России отвечали именно русские службы безопасности, то вполне можно было предположить, что они поступят совсем неординарно, а самое главное, вопреки логике. А значит, полагаться

на одну лишь только интуицию означало поставить под удар всю операцию, чего допустить Граф не мог ни при каких обстоятельствах.

Быстро сообразив, что необходимо срочно пройти весь путь до предполагаемого места присоединения вагона к основному составу, он, найдя в расписании время отбытия в данном направлении очередной электрички, глянул на огромные часы, висевшие прямо по центру зала. В запасе было еще достаточно времени, и Граф, выйдя из здания вокзала, напрямик направился в небольшое летнее кафе, открытое на привокзальной площади. Посетителей было мало, и все они в основном состояли из пассажиров, ожидающих прибытия своего поезда. Заставив шаткие пластмассовые столики кто пивом, кто соком, а кто и водочкой с разного рода закуской, они тихо переговаривались, периодически поглядывая на часы и прислушиваясь к объявлениям диктора. За кружкой холодного пивка и созерцанием картины, присущей привокзальной жизни, время пролетело быстро.

Уже будучи в вагоне, он вот уже в который раз за этот день вспомнил слова Стрелочника. Он при обсуждении возможного места присоединения вагона называл примерный район, где количество путей сводилось лишь к трем. Именно там, по рассказам коллег-машинистов, а именно на шестьдесят восьмом километре, им изредка, согласно указаниям диспетчера, приходилось останавливаться и ждать, когда к последнему вагону прицепят еще один. Причем об этом ни слова не было сказано ни в путевом листе, ни руководством, перед тем как пускать состав в рейс.

Просчитав, на какой станции ему необходимо выйти, Граф уже догадывался о том, что ему придется

довольно-таки длительное расстояние идти пешком, а это означало, что к обещанному Сычу времени ему навряд ли удастся возвратиться в Москву.

«Придется брать тачку. А то как бы братан мой не начал поднимать панику».

Прикинув, что в запасе у него ровно два часа, которые он мог свободно потратить на обследование предполагаемой территории, Граф тут же запрограммировал в сознании, что как минимум в тринадцать тридцать он должен находиться в такси, следующем в направлении столицы. Выйдя на необходимой ему станции, он еще долго вышагивал по гравийной дороге, проложенной вдоль железнодорожных путей. Наконец, когда впереди появился столбик, на котором значилась цифра «шестьдесят», Граф, резко сбавив шаг, начал внимательно осматривать как саму территорию, прилегающую к железнодорожным путям, так и те многочисленные разного рода строения, которые хоть как-то могли помочь ему в организации готовящегося ограбления. Особенно привлекла его внимание будка обходчика, стоявшая прямо у железнодорожного полотна. Приблизившись вплотную, он обошел ее вокруг, обратив внимание на то, что строение было заперто на замок и, судя по тому, что окна также были прикрыты ставнями, можно было с уверенностью предположить, что в будку не заглядывали уже несколько дней, если не неделю. Пройдя мимо навеса, под которым хранились разного рода приспособления, помогающие обходчику в его работе, Граф как ни в чем не бывало направился дальше, поднимая ногами пыль по гравийному, вперемешку с песком покрытию. После столь удачной находки его уже не интересовало ни то, что находилось впереди убегающих вдаль рельсов, ни то, что ждало их за поворо-

том, и, уж тем более, куда и зачем летели составы. Сейчас главным для него было то, чтобы вагон для дальнейшего присоединения к составу, следующему к границе, был доставлен именно на этот разъезд. С этой мыслью Граф, пройдя обратный путь, выбрался на трассу, с нее же и въехал в Москву, после того как, удачно тормознув такси, в течение почти часа болтался на заднем сиденье старого «жигуленка». Заехав по пути в магазин, он набил пакеты продуктами и попросил водителя подбросить его до самого подъезда.

Въезжая во двор, Граф глянул на часы. Опоздал он всего лишь на пятнадцать минут. Он поблагодарил водителя «жигуленка», сгреб в кучу продукты и, увешанный пакетами, направился к центральному входу. Внимательно осмотрев дверь и те секретки, которые были установлены еще с вечера, Граф не без удовольствия отметил, что все по-прежнему оставалось в целости и сохранности. Обойдя ограждение внутреннего двора, он подошел к воротам и, открыв ключом калитку, прошел на территорию. На двери черного хода секретка также была на месте, а значит, можно было спокойно открывать замок. Ловко щелкнув ключом, Граф рывком распахнул дверь и, включив свет, переступил порог своего временного пристанища. После чего, повернув задвижку, зашагал по коридору в сторону центральной комнаты.

— Сыч, ты где? Иди принимай жратву! — громко выкрикнул он, проходя через все помещение и поворачивая направо, откуда оставалось всего каких-то несколько метров до той самой комнаты, где они устроили себе временное жилище. Именно здесь, по его предположению, должен был находиться Сыч, который имел привычку днями просиживать у телевизо-

ра, пялясь во все глаза в экран и беспрестанно щелкая при этом пультом. Граф уже хотел, было, разразиться бранью за то, что Сыч не вышел навстречу и не принял тяжелые пакеты, но стоило ему только лишь отодвинуть ногой в сторону дверь и пройти внутрь, как те сами выскользнули из рук. Даже звон катившихся из пакета пивных банок не смог отвлечь его взгляда, направленного в самый центр комнаты, где, по-царски развалившись в кресле, восседал не кто иной, как сам Соболев. В первые мгновения, пребывая в полном замешательстве, Граф был не в состоянии узнать старого знакомого, зато, когда шагнувший из-за двери незнакомый ему человек приставил к спине ствол, он понял, в чей капкан на этот раз загнала его судьба. Сыч сидел здесь же рядом, на диване, со связанными за спиной руками. Рот его был заклеен скотчем, а глаза, ошалелые от происшедшего, казалось, вот-вот выпрыгнут из своих орбит.

— Ну чего замер? — нарушил молчание Соболев. — Проходи. Присаживайся.

Показав глазами на разбросанные по полу продукты, он тут же повел взглядом в сторону охранника и коротко скомандовал:

— Собери.

Граф, понемногу начиная приходить в себя, перешагнул через лежащий под ногами пакет и, пройдя через всю комнату, опустился на диван рядом с Сычом.

— Вообще-то я к тебе с доброй вестью. — Соболев решил сразу все расставить по своим местам, но, подумав, добавил: — Хотя черт ее знает, какой она тебе покажется, доброй или так себе.

— Судя по Сычу, навряд ли, — не замедлил сыронизировать Граф.

— Подельник твой сам виноват. Не надо было хвост поднимать, тогда все прошло бы без проблем. А то вздумал вдруг с граблями на танк кидаться, вот и пришлось применить успокоительное.

— Если замки на месте, значит, вошли вы сюда без стука. Вот он и защищал свою собственность.

— Ну ты прямо как прокурор, — рассмеялся Соболев. — Защищал собственность. Хотя, наверное, ты прав, и я, будь на его месте, наверняка поступил бы так же. Так что за визит без приглашения извини. Но согласись, предупреди мы тебя о нашем появлении заранее, навряд ли встреча наша смогла состояться вообще?

— А это все зависит от того, с чем вы пожаловали.

— Я уже сказал, с доброй вестью, — вынужден был повториться Соболев.

— Ну, если с доброй, тогда, может быть, Сыча развяжете?

Соболев вновь глянул на стоявшего чуть в стороне парня, в руке которого по-прежнему был зажат пистолет. Тот моментально кинулся к Сычу и, освободив от веревок его руки, одним движением сдернул с его рта полоску скотча.

— Ну что? Теперь все? Можно приступить к переговорам? — Дождавшись, когда процедура будет закончена, Соболев вновь повернул голову в сторону Графа.

— Можно и приступить, — уже окончательно придя в себя и почувствовав былую уверенность, без особого напряжения выдержал Граф пристальный взгляд вора. — Если конечно, базар будет не беспредельный.

Пропуская последнюю фразу мимо ушей, Соболев зачем-то чиркнул зажигалкой, которую крутил в руках, и, посмотрев на небольшой язычок пламени, вдруг

произнес: — Молва донесла, что ограбление инкассаторской машины дело твоих рук?

— На понт берешь, гражданин начальник? — попытался отшутиться Граф.

— Кончай дуру гнать. Дело гораздо сложнее, чем ты думаешь. — По всему чувствовалось, что Соболев был настроен весьма решительно.

Однако Граф хотя несколько и изменил тон, но все же, не потеряв уверенности, с вызовом ответил:

— И в чем же, интересно, состоит его сложность? Может быть, я украл деньги наркомафии?

— Ты украл их у меня. Банк, который ты хлопнул, под моей крышей. А значит, и все, что принадлежало ему, в определенной мере тоже мое.

— Смотри, братуха! — ткнул в плечо Сыча Граф. — Видал, как лихо заворачивает. Вот только, господин законник, нескладуха получается. Я, прежде чем этот банк хлопнуть, не один день около его дверей круги наворачивал и, ты знаешь, никакой вывески по поводу того, что крышует данное заведение некий Соболев, не заметил. И теперь ты говоришь, что банк под твоей крышей? Значит, ты получаешь с него свою долю? Верно?

— Ну, — не понимая, куда клонит Граф, словно от зубной боли, сморщился Соболев.

— Но ведь и нам, мелким жуликам, никто не накладывал запрет на то, кого разрешается пощипать, а кого нет.

— Ни хрена себе пощипать. Шесть миллионов баксов.

— А это уже как повезет, — принимая возглас Соболева за похвалу, с трудом сдержал улыбку Граф. — Да. Согласен. На этот раз фортуна мне улыбнулась чуть больше, чем другим, а ведь вполне все могло

кончиться пулей в башке или, в лучшем случае, зонной. Так что даже при том, что ты в законе, а мы вроде как бродяги без родословной, придется тебе, Соболю, смириться с потерей денег. А банкиру своему передай, чтобы впредь хвост держал пистолетом, а не хлопал ушами, как олух царя небесного.

— Значит, претензий ты не принимаешь?

— Нет, — категорично бросил в глаза Соболю Граф. — Мало того, если дело дойдет до сходняка, я думаю, братва скорее поддержит меня, чем тебя. Дачки я на зону бывшим товарищам по несчастью забрасываю регулярно. В том, что внимание общаку не уделяю, в этом меня тоже никто упрекнуть не сможет. Так что извини, но здесь, в чужом огороде, делать тебе больше нечего.

— Ну это ты зря, — зло усмехнулся Соболю.

Он, конечно, предполагал, что сломать такого вора, как Граф, будет далеко не просто, но то, что он уже с первой минуты начнет показывать зубы, было верх допустимого.

— Если ты намекаешь на своего железного дровосека, — опередил мысли Соболя Граф, — который в любую минуту готов пальнуть мне в лоб, хочу сразу предупредить: весь периметр здания, да и эта комната тоже снимается на видеопленку. Камеры установлены так, что найти их вам будет не так-то просто. Вот и прикинь теперь, каков будет резонанс, когда братва увидит столь интересное кино. Я думаю, корону с тебя сдернут вместе со скальпом.

— Ты что? Совсем оху.... — не выдержал Соболю, вскочив с места. — Хочешь меня на испуг взять? Да я тебя...

— Никто никого не пугает, — спокойно промол-

вил Граф, хотя внутри у него все уже давно сжалось в комок от обуявшего душу страха.

Прекрасно понимая, что блеф его прошел «на ура», он даже, несмотря на столь решительный наезд со стороны Соболя, решил и дальше продолжать крутить свое динамо, прекрасно понимая, что, почувствовав слабину, тот тут же мертвой хваткой вцепится ему в глотку. — Просто я решил тебя предупредить, так сказать, на всякий случай. Вдруг олуху твоему вздумается шмальнуть в меня из пистолета. Сам понимаешь, кому хочется умирать, когда жизнь только-только начинается, а в заглавнике полно зелени.

— По поводу зелени разговор будет особый. — Несколько успокоившись, вновь занял свое место Соболев. — Я так понимаю, ты решил свалить за кордон?

— Само собой, — ухмыльнулся Граф, обжигая глаза вора своим наглым взглядом. — Не сидеть же мне здесь вечно, дожидаясь, когда ментовка аркан на рога накинёт.

— Это правильно. Но вот вопрос в другом. Как ты намерен переправить такую большую сумму? Ведь в чемодане-то ее не увезешь.

— Естественно. Вот именно для этого и существует специальный отдел по доставке черного нал. Смотрел по телевизору рекламу: доставим в любую точку мира. Раз — и ваши деньги за границей.

— За пятьдесят процентов.

— В принципе да, — соглашаясь, кивнул Граф. — Что не за спасибо, это точно, но и не так дорого, как тебе кажется.

— А если я тебе предложу встречный вариант? Провернуть ту же операцию чуть дороже, но с полной гарантией неприкосновенности не только к твоей

персоне, но и к твоим подельникам тоже. И заметь, при этом с тебя полностью снимется подозрение в ограблении. Мусора отстанут, бабки за границу переведут, и полетишь ты туда белым лебедем, без всякого на то надзора со стороны Интерпола.

— Это каким же таким макарон? — удивленно глянул на Соболя Граф.

— Обыкновенным. Вы оставляете себе тридцать пять процентов, а остальное возвращаете банку. Это не моя идея, это предложение самого управляющего. После того, что ты с ним сотворил, банку грозит банкротство, а так появляется шанс вывернуться.

— А сколько он отвалит тебе?

— А вот это уже не твоя забота, — вновь чиркнул зажигалкой Соболев. — Хотя чего тут скрывать. Пятнадцать процентов.

— Значит, ровно за половину банк готов полностью отказаться от всякого рода следствия, поисков и преследований?

— Совершенно верно.

— А если это подстава? — недоверчиво пожал плечами Граф. По всему было видно, что предложение Соболя его явно заинтриговало.

— Слово вора в законе, я думаю, тебе будет достаточно?

— Вполне. Хотя...

— Хотя что? — не удержался Соболев.

— Для пущей верности я хотел бы, чтобы вся сумма, причитающаяся мне за столь благородный поступок, была перечислена на указанный счет раньше, чем я верну все деньги.

— Это как?

— Очень просто. Пусть банкир причитающиеся мне тридцать пять процентов перечислит в один из

кипрских банков. Номер счета я укажу. И, как только мне подтвердят документально, что деньги на месте, я тут же сообщу, где находятся саквояжи с украденными миллионами.

Соболь уже хотел было что-то сказать в ответ, но Граф неожиданно поднял руку.

— Хотя нет. Сумма, подлежащая перечислению, будет гораздо меньше. Все дело в том, что часть денег уже роздана. Сам понимаешь, не мог же я оставить подельников без копейки. Им ведь наплевать на проблемы Графа. Заработал — отдай.

— Понятно, — задумался Соболь. — Я думаю, предложение будет принято. Однако до того, как я скажу «да», мне необходимо будет время. Такие вопросы наскоком не решаются, да и не в моей они компетенции.

— Я понимаю, — хитро сощурил глаза Граф. — Я ведь тоже пока ничего не пообещал. Верно?

Договорившись о том, что завтра ровно в четырнадцать часов они должны будут созвониться и обменяться информацией, Соболь, пожав на прощание руку Графу, отбыл в сопровождении все того же охранника, пистолет которого уже был спрятан в наплечную кобуру.

— Ну что скажешь? — промолвил Граф, когда за непрошеными гостями закрылась дверь и звук удаляющихся шагов стал почти не воспринимаем для слуха.

— А что тут говорить, — озадаченно потирая руки, на которых все еще были видны полосы, оставленные веревкой, поднял глаза Сыч. — Предложение, конечно, заманчивое, но не мне тебе говорить, что свобода слаще любых денег. А вдруг здесь все не так просто, как преподнес нам Соболь. Хотя, с дру-

гой стороны, слово вора в законе — это вроде как стопроцентная гарантия.

— В том-то все и дело. — Внимательно следя за рассуждениями товарища, Граф, похоже, сам раздумывал о происшедшем. — С одной стороны, хочется послать всех подальше, с другой же — ты полностью прав. Свобода всегда была дороже денег.

— А меня волнует еще кое-что, — не унимался Сыч. — Например, как Соболев смог вычислить нашу нору. И, что самое страшное, если смог сделать это он, так почему бы следующим не пожаловать сюда мусорам.

— Да. И здесь ты полностью прав. Похоже, петля на нашей шее затягивается все туже и туже.

— Так, может, взять прямо сейчас и дернуть отсюда куда подальше? Например, в мой Горный Иштан. Сколько можно денег — взять с собой, остальные припрятать до лучших времен, когда все хоть немного поутихнет.

— Нет. Нельзя. Да и поздно уже. Теперь Соболев нас уж точно в покое не оставит.

Граф, вышагивая взад-вперед по комнате, мысленно был уже где-то далеко-далеко от существующей действительности. Может быть, у дверей вагона, в который ему предстояло проникнуть через несколько дней, а вполне возможно, что, решившись принять то предложение, которое только что преподнес ему Соболев, он уже весь находился там, где его ждала роскошная, совершенно лишенная забот и проблем, жизнь.

Постепенно шаги Графа становились все короче и короче. Наконец он окончательно остановился в центре комнаты и, хитро глянув на Сыча, опустился в

то самое кресло, в котором еще несколько минут назад восседал Соболев.

— Ты прямо как Ленин, все ходишь и ходишь. Одно только что не лысый, — нарушил молчание все это время наблюдавший за перемещениями Графа Сыч. — Никак надумал чего?

— Есть немного, — соглашаясь, кивнул тот.

— Так, может, поделишься?

— Нет. Пока еще рано. Ты же знаешь, я не люблю прежде времени языком трепать. Вот проверю все, обдумаю, тогда и вместе будем решать, стоит нам играть в эти игры или нет.

— Что? Очередная авантюра?

— Вроде того.

— Ой, смотри, Граф! — не без сожаления пожал плечами Сыч. — Как бы ты не перетянул веревку, а то, не ровен час, порвется. Греха ведь не оберешься.

На следующий день в условленное время Граф с телефона-автомата набрал номер Соболя.

— Это я, — коротко, по-деловому, произнес он в трубку, когда на том конце провода услышал знакомый голос.

— Я уже понял, — прозвучало ему в тон не менее уверенным тоном. — Надеюсь, позвонил с доброй вестью?

— Еще бы, — загадочно хихикнул Граф. — Вот только дела такого рода по телефону не обсуждаются.

— Понятно. Значит, есть кое-что поинтереснее?

— Я знал, что ты догадаешься.

— Это было нетрудно, — с иронией сказал Соболев. — Я так понимаю, что мне надо ждать приглашения.

— А чего его ждать-то? Вот прямо сейчас и подка-
тывай. В парке Горького, наверное, уже давно не был?

— Да уж и не помню когда.

— Вот и отлично. Заодно и на чертовом колесе
прокатимся, на Москву с высоты птичьего полета по-
смотрим. Через сколько ждать?

— Через час, не раньше. Я в данный момент на-
хожусь на противоположной стороне города.

— Только у меня к тебе просьба, — требовательно
произнес Граф. — Приезжай один. Базар будет инте-
ресный, а потому хочу, чтобы проходил он, так ска-
зать, с глазу на глаз.

— Ну что же? Коли так, можно и одному, — быс-
трее, чем ожидал Граф, согласился Соболев. — Только
ты не уходи. Жди до упора. Сам понимаешь, в такой
час по Москве одни пробки. В том, что буду, можешь
не сомневаться.

— А я и не сомневаюсь, — подчеркивая личную
заинтересованность в предстоящем разговоре прежде
всего самого Соболя, не удержался, чтобы лишний
раз не уколоть, Граф.

Глава 13

СЕМЕЙНЫЙ ПЕРЕПЛЕТ

Все последующие дни, как только Рыжов узнал о
том, что его будущий зять Алексей Воронцов, прохо-
дящий по делу ограбления инкассаторов как свиде-
тель, перешел в разряд подозреваемых, он не находил
себе места. И не потому, что ему было жалко этого,
явно заблудившегося в жизни парня, беда была в дру-
гом. В том, что он был избранником его дочери, Ка-
тюши, а значит, и будущим родственником самого

Юрия Владимировича. Катерина, после того, как познакомила Алексея с родителями, просто порхала от счастья. А буквально вчера влетела в дом с охапкой цветов и прямо с порога сообщила о том, что они подали заявление в ЗАГС.

Сколько нервов отняла эта новость у Рыжова, известно было, наверное, только лишь одному богу. Проявив просто героическое терпение и актерское мастерство, он, как и положено, поздравив со столь радостным событием дочь, тут же удалился к себе в кабинет, которым он называл гостиную. Здесь можно было не только поваляться на диване с газетой в руках, но и посмотреть телевизор, а то и вовсе вздремнуть минут эдак тридцать, чтобы уже к ужину сбросить с плеч хотя бы часть накопившейся за день усталости.

Заняв свое любимое место на диване, Юрий Владимирович вдруг, к своему собственному удивлению, почувствовал, что на этот раз ему почему-то не хочется ни спать, ни лежать, ни смотреть телевизор. В голову то и дело лезли мысли, касаемые только лишь этого дурацкого ограбления. На какие только темы он не пытался отвлечься, мысли его постепенно раз за разом опять возвращались к тому же, как будто и не существовало больше в этой жизни никаких других проблем, кроме денег и банка. И без того совершенно безрадостное настроение еще больше усугубляло доносящееся с кухни щебетание жены и дочери. Хотелось ворваться в кухню, схватить обеих за плечи и, как следует встряхнув, выкрикнуть им прямо в лицо: «Чего радуетесь, дурочки, он же вор, ваш этот Алексей».

Встав с дивана, Юрий Владимирович прошел в коридор и, поменяв тапочки на туфли, уж было со-

брался выйти из квартиры, как вдруг в проходе возникла Ирина.

— Ты это куда? — с неподдельным удивлением уставилась она на мужа.

— Пойду пройдуся. А то что-то голова разболелась. Наверное, переутомился немного.

— А ужин как же? У меня ведь все готово. Да и вроде как праздник у нас сегодня. Я думала, посидим, шампанское откроем, так сказать, по-семейному.

— Да вы тут пока без меня посекретничайте. Ты же знаешь, я недолго. Туда и обратно. — Не дожидаясь, когда жена предпримет последнюю попытку задержать его, Рыжов поспешно вышел за дверь.

«Надо будет завтра же допросить еще раз Алексея, и причем не кому-нибудь, а мне самому», — думал Рыжов, шагая по улице, но опасение, что столь преждевременный разговор может напугать парня или, не дай бог, об этом узнают его подельники, несколько настораживало полковника. Ведь еще не было обнаружено само логово преступников, да и тот факт, что Граф посетил некоего Хамелеона, также не служил стопроцентным доказательством, что это именно под его руководством произошло ограбление. Да и вообще, все как-то было настолько тонко, что стоило лишь прикоснуться, как тут же рвалось, и причем так, что потом ни склеить, ни связать нельзя было никоим образом.

До сих пор не был установлен машинист того самого тепловоза, который перегораживал путь броневнику. В этом депо, как среди молодогвардейцев, круговая порука настолько плотно все связала в единый узел, что даже обращение к руководителям не дало того положительного результата, на который так на-

деялся Юрий Владимирович. Кого ни спрашивали, ответ у тех, кто мог хоть каким-то образом прояснить ситуацию, был один. Не знаем, не слышали и не видели.

Наблюдение за домом Левицкого, а также за ним самим и за его сыном до сих пор не принесло никаких результатов. Тот и другой вели обычный образ жизни, правда, пару раз сыну удавалось ускользнуть от внимания наружки, но уже через час-другой он вновь как ни в чем не бывало появлялся в ее поле зрения. Было абсолютно ясно, что слежка обнаружена, а потому надеяться на дешевый прокол таких проныр, какими являлись эти Левицкие, было делом бесполезным.

Как в воду канул и Граф.

Единственное, что хоть как-то сглаживало уныние, царившее в отделе, было известие о том, что заместитель управляющего банком «Возрождение», отвечающий за его безопасность, некто Дронов Игорь Леонидович, зачем-то кинулся искать выход на самого Соболя, известного по всей Москве вора в законе. Это известие несколько насторожило Рыжова. Ведь было достоверно известно о том, что такого ранга учреждения стараются не иметь ничего общего с криминальными структурами. Зачем же Дронову понадобился Соболев?

Встреча все же состоялась. Правда, как и ожидал Юрий Владимирович, ничего радикального она не принесла, если, конечно, не снимать с повестки дня сам факт контакта между представителями совершенно противоположных структур. О чем они вели почти получасовую беседу, узнать было практически невозможно, поэтому, удовольствовавшись только лишь отснятыми на допустимом расстоянии снимка-

ми, наблюдатели покинули место встречи вместе с ее участниками. И, хотя острой необходимости устраивать слежку за тем и другим не имело смысла, Шведов стал настаивать на том, чтобы Рыжов разрешил присмотреть за Сободем.

— Да ты хотя бы представляешь, что такое пустить наружку за столь авторитетным вором? — отстаивал свои позиции Рыжов. — У нас и людей столько нет, чтобы перекрыть все его ходы и выходы. А если Соболев обнаружит, что за ним следят, мы же с тобой после этого от адвокатов не отобьемся.

— Не волнуйтесь, товарищ полковник, — был неумолим Шведов. — На рожон лезть не будем. Все сделаем аккуратненько. Не будет ничего такого за Сободем, отпустим с миром, пусть бегаёт себе до лучших времен. А вдруг повезет. Вы только представьте себе, что будет, если этот самый зверек попадетсЯ в наш капкан.

Поймать обычного вора в законе на чем-нибудь таком, чтобы его можно было смело отдать под суд, было делом если не святым, то уж точно архиважным для любого, даже только начинающего свою трудовую деятельность опера. А уж такого, каким слыл Соболев, и подавно. Внеочередная звездочка сама просилась на погоны, а уж за нее хоть чуточку уважающий себя офицер готов сутками кружить вокруг жертвы, лишь бы прихватить ее так, чтобы она уже не смогла отвертеться от тюрьмы даже при сотне адвокатов. Прекрасно понимая майора, а также чтЯ закон опера, который гласил, что самое ничтожное действие лучше любого бездействия, ибо только одно оно может породить хоть какой-то результат, Рыжов после длительных и настойчивых убеждений Шведова разрешил отследку всех передвижений Соболя.

Вернувшись домой после почти часовой прогулки, Рыжов вдруг с облегчением обнаружил, что настроение у него несколько поднялось, а от мысли о том, что он преждевременно записал Воронцова в грабители, и вовсе повеселел.

— Вполне возможно, что парень и выполнял кое-какие поручения, так сказать, за отдельную плату, но чтобы вот так сразу в грабители, это я, похоже, уже хватил через край.

Поднявшись на свой этаж и подойдя к квартире, он еще раз постарался сосредоточиться и, чтобы не испортить дочери праздник, придал выражению лица наиболее беспечный вид.

— Явился? Не запылится. — Колочим взглядом встретила его на пороге Ирина. — Дочери предложение сделали, а он в бега подался.

— Дочери же, не мне, — попытался отшутиться Юрий Владимирович.

Выбежавшая из комнаты Катя кинулась в объятия отца.

— Ну ты где ходишь, папа? Мы тут все глаза уже в окно проглядели, да и гусь в духовке уже весь истомился.

— А чего же вы сразу про гуся-то не сказали? Я бы не шатался по улице как неприкаянный. — Показывая жене язык, все еще продолжал разыгрывать из себя шута Юрий Владимирович.

Вскоре все временные шероховатости в их семейной по-настоящему счастливой жизни были сглажены. И, быстро приведя себя в надлежащий для столь радостного события вид, глава семейства предстал перед своими женщинами. И тем не менее настроение было праздничным, чему невероятно поспособствовали не только фаршированный и запеченный в

духовке гусь, но и водочка, которую Юрий Владимирович предпочел шампанскому. Сознательно стараясь разбавлять тему предстоящего замужества Кати разного рода историями, Рыжов вскоре вынужден был окончательно сломаться и полностью переключиться на темы по поводу предстоящей свадьбы, которые увлекли не только саму невесту, но и ее мать. От их чрезмерной активности ему уже совсем скоро казалось, что торжество состоится не когда-нибудь, а именно завтра, настолько бурно развивались события за столом.

Мысль о преступнике вновь вернула его туда, где он еще совсем недавно терялся от собственной слабости и той безысходности, которая непомерно тугим узлом сдавливала ему горло. Сославшись на усталость, он еще раз поздравил дочь и, в знак признательности поцеловав жену, удалился в спальню.

Следующий день нельзя было назвать неудачным и уж тем более бесполезно прожитым. Скорее он подходил под ранг из ряда вон выходящих исключительно по причине того, что был насыщен такими событиями, которые предугадать не мог даже сам Рыжов, со своим необыкновенным чутьем и опытом сыщика.

Первую такую весть принес ему майор Шведов. Впрочем, выглядело это вполне естественно, так как именно первому заместителю начальника отдела и надлежало сообщать руководителю все, что становилось известно по тому или иному делу. За что он и получал чаще других взыскания, так как, первым попадая под горячую руку, вынужден был грудью кидаться на амбразуру, лишь бы гнев начальника не перекинулся на его ребят. Тех самых парней, которые подчас, не зная ни дня, ни ночи, сутками не выходи-

ли из кабинетов или просиживали где-нибудь в засаде в ожидании появления преступников.

— Они встретились, — выпалил Сергей с ходу, как только вошел в кабинет полковника.

— Кто встретился? — не понял Рыжов.

— Соболев и Граф. Вчера на чертовом колесе почти полчаса катались.

— На чертовом колесе? — автоматически переспросил Юрий Владимирович, стараясь как можно быстрее уловить смысл сообщения и все вытекающие из него последствия. — И чего это их вдруг туда потащило?

— Но уж точно не желание посмотреть на Москву с высоты птичьего полета.

— Это понятно, — все больше впадая в раздумья по поводу происшедшего, показал рукой на стул Рыжов.

— Я же вам говорил, товарищ полковник, что слежка за Соболевым обязательно даст какой-то результат, — не упустил возможности лишний раз отметить перед начальством свою дальновидность Шведов.

— Говорить-то говорил. А результат где? Ну встретились бандюги, ну покатались на колесе, поболтали о чем-то своем. И все! Что и почему обсуждали, ведь наверняка не известно?

Не произнося ни слова, майор лишь помотал в разные стороны головой.

— Я так и знал, — принял его ответ Рыжов. — Куда они направились после встречи, проследили?

— Один к себе в офис, я имею в виду Соболя. Другой растворился в метро. Вели до последнего, но он, гад, после того как покрутился на такси по центру, вдруг раз — и исчез в подземке.

— Понятно. — Юрий Владимирович снял очки и,

потерев ладонями глаза, задумался. — Сам-то как думаешь, по чьей инициативе стрелка была забита?

— Думаю, что проявил инициативу Соболь. Сами подумайте, товарищ полковник. Сначала он встречается с представителем банка, затем тут же находит Графа и заставляет его высунуть нос из берлоги. Так что связь налицо, и похоже на то, что мы стоим на пороге каких-то интересных событий.

— Слушай, ты! Предсказатель... Ты мне лучше вот что объясни, почему ворье может кого надо вычислить в течение одного дня, а мы?..

— Не знаю, товарищ полковник, — повел плечами Шведов. — Может быть, они лучше знают повадки друг друга. Зверье, оно и есть зверье.

— Они зверье, а мы, значит, с тобой охотники?

— Выходит, так.

— Ну, коль так, тогда и мы должны знать повадки этих самых зверей не хуже, чем они сами. Иначе горе мы, а не охотники, и цена нам по рублю за килограмм, максимум по гривеннику за штуку.

Предсказание майора сбылось уже к вечеру, когда рабочий день подходил к концу и, казалось бы, уже ничто не могло нарушить его спокойное равномерное течение по установленным законам времени. Именно этой новости и суждено было стать последним аккордом прошедшего дня, к тому же прозвучавшего так, что у Рыжова глаза полезли на лоб, когда ему сообщили о том, что деньги возвращены владельцу. Конечно, сообщение прозвучало не буквально, но все стало понятно после того, как поступило заявление от управляющего банком «Возрождение» по поводу прекращения дела.

«Похоже, майор на самом деле был прав», — стал размышлять Юрий Владимирович, когда первое впе-

чатление от столь непредсказуемого известия немного схлынуло. — Встреча Графа с Сободем не прошла бесследно. Если рассуждать логически, то все вполне объяснимо и понятно. Банк попросил вора найти того, кто украл деньги, и под каким-нибудь предлогом уговорить его вернуть их назад. Уговорить или заставить? Нет. Запугать Графа Сободем не удалось бы в любом случае. Тот сделал свою законную работу, и никто не вправе отнять у него его добычу. Другое дело убедить. Но как?

Мысли путались, а руки сами рисовали на бумаге какие-то непонятные фигурки людей. То их было две, потом несколько, затем вдруг вновь две отделились от остальных и заняли свое место в противоположном углу листка.

Убедить его могли только одним путем. Пообещать что-то такое, на что Граф непременно бы клюнул. А этим может быть только переправка откупных за границу и закрытие дела, что наверняка для такого профи, как Граф, было первоочередным условием. Результат последовал незамедлительно. Банк сделал первый шаг. Обратившись в милицию по поводу закрытия дела, он, по сути, освободил грабителей от ответственности. Мало того, что они уходят с деньгами, они с этой минуты практически становятся недосыгаемыми для правоохранительных органов. Нет заявления, нет преступления. Стоп-стоп, — остановил ход своих рассуждений Юрий Владимирович. — Заявления, может быть, и нет, но преступление-то осталось. Это факт, и от него никуда не денешься. Так что поиски надо продолжать, хотя... Хотя, хотя, хотя.... А мне это надо? Ведь оттого, что дело будет закрыто, хорошо станет всем и сразу. Конечно, не особо уютно будет банкирам, но зато какво ворам. Да и

он, полковник МУРа Юрий Владимирович Рыжов, тоже попадает под эту мерку. Ему ведь тоже будет хорошо. Нет нераскрытого преступления, нет обвинения будущего зятя в грабеже, счастливая дочь, довольная жена. Все прекрасно. Что еще надо?

А совесть?

Внутренний голос, словно дремавший все последнее время, проснувшись, не только мгновенно напомнил о себе, но и с ходу дернул за ту самую струну, которая тут же заставила больно занять сердце.

Звонок телефона несколько сбил напряжение, и от этого нудящая в голове мысль сама по себе растворилась в потоке предположений: кто может позвонить в такой час, когда рабочий день уже давно закончился?

Подняв трубку, Юрий Владимирович, к своему собственному удивлению, услышал голос начальника управления.

— Ты еще в конторе? — Голос генерала был мягок и даже несколько расслаблен. Похоже, звонил он уже из дома и наверняка сидя на диване в тапочках и пижаме. — Я так и думал. Небось ломаешь голову над выходкой банка?

— Угадали, Сергей Федорович, — еще раз, удивившись, но уже его прозорливости, вынужден был согласиться с начальником Рыжов.

— Так вот. Чтобы ты больше не мучился, приказываю тебе немедленно ехать домой. Отдыхай, снимай напряжение и готовься к более сложным делам. А про ограбление забудь. Деньги нашлись, банкиры к нам претензий не имеют. Будем считать, что все в порядке. Конечно, жалко, что не удалось посадить преступников за решетку, но это, как говорится, дело времени. Сам знаешь, рано или поздно, все равно

кто-нибудь из них проколется, и вот тогда, будь уверен, взыщем по всей строгости закона. Ты все понял, Юрий Владимирович?

— Понял, товарищ генерал. Чего тут непонятного.

— Ну, коль так, тогда будем считать, что мы свое дело сделали. Счастливо тебе, и передай привет супруге.

Рыжов положил трубку телефона и невидящим взглядом уставился в пространство. Он в эту минуту думал о том, будет ли жить он в согласии со своей собственной совестью, даст ли она ему возможность плюнуть и забыть про все то, что не доделано, про тех, кто не пойман и не предан суду. А ведь это его работа. Наконец, ответственность перед народом, на защиту которого он и поставлен служить здесь, в Московском уголовном розыске.

Дома Рыжова ждал еще один сюрприз.

Да и вообще последнее время вся жизнь его, казалось, только и состояла из этих самых сюрпризов. И, пройди хотя бы один день, как раньше, спокойно и уравновешенно, он наверняка подумал бы, что что-то не так, коль нет ничего такого, что хоть как-то могло пощекотать ему нервы.

Вот и на этот раз, лишь только войдя в квартиру и увидев рядом со своими тапочками чужие мужские туфли, он сразу понял, что в его доме вновь объявился этот подозрительный жених дочери.

«Вот это как раз то, чего мне так не хватает», — подумал Юрий Владимирович, злясь на себя самого, что не задержался на работе. Предлог найти, особых проблем не существовало, так вот нет, приперся ни к селу, ни к городу.

Встретиться и к тому же о чем-то говорить с Воронцовым ему в данную минуту хотелось меньше

всего. Но жизнь есть жизнь, и состоит она не только из одних положительных эмоций, а потому воспринимать ее надо таковой, какая она есть, и никак по-другому. Быстро спрятав в себе ту неразбериху, которая руководила им практически все последнее время, Юрий Владимирович распахнул дверь в комнату. Заставив на звук обернуться сидевших за столом жену, дочь и Алексея, он торжественно и даже несколько картинно произнес:

— Ну что? Вся семья в сборе?

Увидев на столе целую охапку цветов, шампанское и коробку конфет, Рыжов, почему-то сразу подумал о том, что наверняка на этот раз Воронцов прибыл с целью попросить руки их дочери.

«Хотя чего ее просить, когда заявление уже подано?» — С этой мыслью он, пройдя через всю комнату, пожал протянутую ему руку будущего зятя и занял свое место за столом.

— По какому случаю праздник? — Сделал вид, что он не догадывается о цели визита Алексея, Юрий Владимирович обвел взглядом всех присутствующих.

— Извините! Я, наверное, должен был сделать это еще раньше, но так получилось, — опередив Катерину, первым заговорил Алексей. — В общем, я пришел просить вас отдать Катю мне в жены.

Прочувствовав момент, Воронцов встал. И все вдруг для Юрия Владимировича стало выглядеть как в кино. Жених, весь такой напыщенный, в новом костюме и красивом галстуке. Катюха, обалдевшая от счастья и растерянная, немного смущенная, со слезами на глазах Ирина. Все смотрели на Рыжова так, словно от одного его слова зависела будущая жизнь не только молодоженов, но и их с Ириной тоже. Ему надо было что-то говорить, а Юрий Владимирович

поймал вдруг себя на мысли, что смотрит на Алексея не как на жениха, а как на преступника. Как будто тот только что признался в случившемся и сейчас ждал приговора.

— Я так понимаю, нам надо удовлетворить просьбу этого молодого человека? — осторожно, пристально глядя в глаза жены и путаясь в словах, промолвил Юрий Владимирович. — К тому же сама невеста, как мне кажется, тоже не против.

— Я тоже так думаю, — прочитав в его взгляде некоторое смятение, поддержала Рыжова Ирина.

Все остальное дальше существовало уже совершенно отдельно от его понимания происходящего. Выстрел вырвавшейся из плена пробки, разливающееся по бокалам шампанское, смех и радость моментально слились в единый поток счастья, хлынувшего на всех участников данного спектакля.

В этот вечер Алексей не остался ужинать, а под предлогом, что ему срочно надо бежать на тренировку, поспешил к выходу.

— Подожди. Я тебя провожу, — сорвался с места Рыжов и на недоуменный взгляд жены, добавил: — Нам надо кое о чем поговорить. Так сказать, о своем, о мужском.

Как только они вышли из подъезда, Юрий Владимирович, подняв голову вверх, помахал рукой дочери, которая вышла на балкон проводить их взглядом, и тут же, голосом, не терпящим отказа, обратился к Алексею:

— Пять минут найдется?

— Пять минут да, — несколько растерялся от столь разительного изменения в настроении будущего тестя Воронцов.

— Тогда пойдем, присядем на скамейку. Потолковать надо.

Заняв место под тенью стройной, как молодая дивчина, липы, Рыжов, стараясь держать в напряжении Алексея, еще раз взглянул в его глаза, причем так, как он делал это всегда, когда необходимо было вывести из равновесия подозреваемого.

— Мне необходим выход на Графа, — начал он сразу с главного.

Вопрос прозвучал так, как и хотел этого полковник. Тихо, но проникновенно, словно он не просил, а советовался. Только вот от совета этого у человека неопытного сразу же, как правило, начинали бежать по спине мурашки, а ноги становились ватными.

— На кого? — совершенно спокойно и невозмутимо переспросил Воронцов.

На этот раз удивляться пришла пора уже самому Юрию Владимировичу. Уж чего-чего, а то, что этот парень так стойко выдержит его наезд, не предполагал даже он сам. На всякий случай, выдержав паузу и придав своему голосу еще большую строгость, он решил не только не отпускать вожжи, но и еще больше натянуть их, чтобы уже окончательно дать понять этому молокососу, кто есть кто.

— На того, кто организовал и провел всю операцию по ограблению машины инкассаторов.

— А я-то здесь при чем? — удивленно уставился на будущего тестя Воронцов. Но затем, вдруг сообразив, куда тот клонит, вполне уверенным голосом спросил: — Значит, и вы подозреваете меня в ограблении?

— Это не я подозреваю. На это указывают факты.

— Какие еще факты, Юрий Владимирович? Не те ли, на которые мне намекал ваш майор? Я имею в ви-

ду отпечатки моих пальцев, которые были обнаружены на пломбире? Так я уже объяснял ему, что знать не знаю, откуда они там оказались. Вполне возможно, что и брал я эту железяку в руки. Ведь при нашей работе схватить какой-то там пломбир — проще простого. Но это ведь еще не значит, что я участвовал в ограблении.

— Есть еще одно «но», — терпеливо выждал Рыжов, когда Воронцов закончит оправдываться. — В последнее время ты частенько крутился вокруг Феоктистова, а также заглядывал в его кабинку. Как объяснишь этот факт?

— По поводу кабинки можете прочитать в моих показаниях. А вот что касается того, что я крутился вокруг Андрея Ивановича, так это еще не доказательство. Может быть, я просто, так сказать, по-человечески, хотел помочь человеку. К тому же Феоктистов на самом деле все последнее время был немного не в себе, вот я и решил поговорить с ним по душам. Как-никак, сослуживцы.

Последние слова Воронцова были сказаны с такой уверенностью, что Юрий Владимирович на какой-то момент даже подумал о том, что, может быть, на самом деле зря он прицепился к этому парню. Да и вообще, вдруг интуиция на этот раз подвела. Ошиблась, и всё тут. С другой стороны, подозрения Шведова ведь тоже не с неба упали на Воронцова.

Секунды размышления в одинаковой степени позволили как Рыжову усомниться в своих вопросах, так и Алексею сконцентрироваться, а значит, еще больше добавить уверенности в своих действиях. Данный факт также не ускользнул от глаз Юрия Владимировича, который, лишь мимолетно взглянув на будущего зятя, тут же обратил внимание на то, что

парень вдруг моментально преобразился. Во взгляде появилось нахальство, а улыбка нет-нет, да и проступала на губах, явно намекая на то, что взять его вот так, голыми руками, будет не так-то просто.

Он уже хотел было задать очередной вопрос, но Воронцов вдруг неожиданно, чем вновь немало удивил полковника, опередил его, сказав:

— Скажите, Юрий Владимирович! Только, если можно, откровенно. Вы против наших отношений с Катей?

— А при чем здесь Катя? — не понимая вопроса, выпрямился, сидя на скамейке, Рыжов.

— Как при чем? Ведь, как ни крути, а мы уже практически муж и жена. И вы, как никто другой, понимаете, если чего не пожелаешь, то всегда можно найти повод препятствовать этому.

— Не хочешь ли ты сказать, что я специально цепляюсь к тебе, чтобы не дать Катюхе выйти за тебя замуж?

— Ну, может, и не специально, — заюлил Алексей. — Однако все говорит о том, что вы весь наш разговор подводите к этому.

— Ты на что намекаешь?

— На то, что дело практически закрыто. И, как мне известно, деньги если еще не вернулись в банк, то придут туда со дня на день. Однако, даже несмотря на это, вы все же продолжаете копать и копать. И, что самое интересное, не под кого-нибудь, а под меня.

— Не под тебя одного. Есть еще Феокистов, — напомнил о старшем инкассаторе Рыжов. На тот случай, чтобы преступники по-прежнему считали, что первым подозреваемым все же является Андрей Иванович.

— Тем более. Если дела нет, не понимаю, зачем тогда поднимать со дна грязь? Ее, по-моему, и так хватает в жизни, чтобы еще тратить время на такие пустяки.

— Ты считаешь ограбление инкассаторов пустяком?

— Я не считаю. Я констатирую факты. Инцидент исчерпан, а значит, все ушло в прошлое.

— В прошлое? Может быть. Но я живу настоящим. К тому же, как тебе известно, я мент, хотя кое для кого и позорный. Но это только для тех, кто делает нашу жизнь грязной. Вот именно поэтому я и ношу погоны полковника милиции, чтобы таким, как Граф, и ему подобным жизнь медом не казалась. Что же касается тебя, то здесь надо еще разобраться. Хотя, если честно, то сдается мне, мутный ты. Говорю тебе это честно и открыто, так как терпеть не могу всякого рода недомолвок и сомнений. — Волнение охватило Рыжова, и он, почувствовав, как перехватывает горло, сделал паузу и перевел дыхание. — Теперь о главном. Катюхе про наш разговор ни слова. Если будет приставать с расспросами, я думаю, ты найдешь возможность задурить девчонке мозги. Если же мои предположения по поводу твоего участия в ограблении не подтвердятся, я сам лично принесу тебе свои извинения. А коли нет, вместо обручального кольца накинута браслеты. Знаешь, есть такие, они еще наручниками называются?

— А вот это вы зря, Юрий Владимирович, — несколько не смутившись от откровенности Рыжова, повел плечами Воронцов. — К тому же, даже если это и было так, ведь денег в тех мешках было столько, что хватило бы не одну человеческую жизнь сделать счастливой. В том числе и жизнь вашей дочери.

— А вот это ты, паря, загнул уже через край, — обрадовался вдруг Рыжов. — Катюха не из тех людей, которые начинают свою жизнь с черного хода. Может быть, звезд она с неба и не хватает, зато душа у девчонки чиста, как кристалл, и я никому не позволю прикасаться к ней своими грязными лапами. Юрий Владимирович поднялся со скамейки. Он уже хотел было уйти прочь, но, вдруг что-то вспомнив, вновь повернулся к Воронцову лицом. — А Графу все-таки передай, что, мол, соскучился по нему полковник Рыжов, а потому очень уж жаждет встречи. И если, как говорится, Магомет не хочет идти к горе, то придется тащить его к ней силой.

На следующий день свой обеденный перерыв Юрий Владимирович решил провести, как и положено, в столовой, которая располагалась на первом этаже левого крыла здания управления. Если идти не спеша и не через улицу, а поднимаясь с этажа на этаж, минуя переходы, то можно уже минут через десять оказаться у дверей жраловки, так за глаза называла столовую молодежь из его отдела. Еще раз бросив взгляд на часы, Рыжов не спеша вышел из-за стола и, пройдя через приемную, прошел в коридор. В обычное время здесь всегда царит такая суeta, что подчас приходится просто удивляться, откуда берется столько народу, словно это и не МУР вовсе, а слет передовиков милиции. Сейчас же коридор был почти пуст, не считая тех одиноких фигур как в форме, так и в гражданской одежде, которые мелкими перебежками сновали из кабинета в кабинет. Сознательно замедляя шаг, уже по опыту зная, что основная масса посетителей схлынет ровно через двадцать минут, Юрий Владимирович, вскоре миновав все коридоры,

оказался у дверей в столовую. Взяв поднос, он подошел к раздаче. Не спеша, двигая перед собой по раздаче разнос, Рыжов с удовольствием вдыхал этот не сравнимый ни с чем запах котлет, наваристого борща и компота из сухофруктов, который он, наверное, любил больше любого импортного сока, особенно когда в нем плавал урюк и чернослив. С годами Рыжов привык к этому своеобразному столовому уюту, и никакой уют суперсовременных ресторанов, всякого рода трактиров и кофеин не мог его заменить. Свободный столик оказался в самом дальнем углу зала, как раз там, где и любил Юрий Владимирович посидеть подальше от посторонних глаз. Расставив тарелки, он уже хотел было открыть рот, чтобы поднести к нему первую ложку горячего супа, как вдруг голос, прозвучавший за его спиной, заставил Рыжова отказаться от этой идеи и поднять вверх голову. Прямо перед ним стоял Чернов. Уловив недобрые искорки во взгляде полковника, старший лейтенант нагнулся, а так как он был достаточно высокого роста, то казалось, что он и вовсе сложился пополам.

— Извините, товарищ полковник, что отвлекаю вас от обеда. Но хотелось бы...

— Подожди, Чернов! — остановил его Юрий Владимирович. — Ты обедал?

— Нет. Не успел еще, — не понимая, куда клонит начальник, вновь выпрямился старший лейтенант.

— Тогда приказываю пройти к раздаче и взять то, чего душа просит.

— А у меня душа просит поделиться с вами новостью, — попробовал воспрепятствовать приказу Чернов.

— Ты что, в армии не был? — грозно глянул на него Рыжов.

— Был.

— А если был, тогда должен наизусть знать первую заповедь солдата. Война войной, а обед — по расписанию. Выполняй приказание.

Чернов вернулся к столу с подносом, уставленным тарелками и стаканами, уже минут через десять. Как раз, когда Юрий Владимирович, расправившись с первым блюдом, перешел к гуляшу с гречкой.

Обратив внимание на количество расставленных подчиненным на столе тарелок, полковник лишь только усмехнулся:

— Молодец, старший лейтенант! Приказ не только выполнил, но, похоже, даже перевыполнил. Надеюсь, желание поделиться новостью не пропало?

— Нет, товарищ полковник, не пропало, — рассмеялся Алексей.

— Ну, коли так, давай докладывай. Только не спеши и прожуй сначала хорошо. Никуда твоя новость не денется, а вот пища вкусной бывает, когда вовремя принимается.

— Я понял, товарищ полковник, — тут же спохватился старший лейтенант. — А новость у меня такая. Кажется, удалось найти того машиниста, который своим тепловозом дорогу инкассаторскому броневнику перегородил.

— Что? — опустил ложку в тарелку Рыжов. — Чего же ты сразу не доложил?

— Я хотел. Но вы ведь сами меня на раздачу отправили.

— Ладно, — удовлетворенно хмыкнул Юрий Владимирович. — Я пошутил. Давай рассказывай, как это тебе удалось?

— Да никак, товарищ полковник. Я уже собрался было из депо в контору ехать, а тут вдруг за проход-

ной меня один парень догоняет. Он напарником работает у того самого машиниста. Оказывается, в тот час, когда было совершено ограбление, они должны были перегнать пару вагонов с одного пути на другой. Но Стрелочник вдруг приказал ему идти в управление, подписать какую-то там ненужную бумажку, хотя сделать это можно было и в другое время.

— Подожди! Подожди! — остановил Чернова Рыжов. — Давай по порядку. При чем здесь стрелочник?

— Стрелочник — это кликуха такая. На самом же деле машиниста зовут Василий Круглов.

— Он что, сидел?

— Да. За убийство жены. Точно не знаю, но, по моему, восемь лет отмотал. Про это мне его напарник рассказал.

— А журнал диспетчера ты проверял? Тепловоз ведь не автобус, он только по рельсам передвигается. Значит, в журнале должна быть запись перевода стрелок.

— Проверял. И не раз. Никаких записей нет.

«Значит, опять все на сговоре сошлось, — задумался Рыжов. — Эх, Россия! Россия! Когда же ты думать начнешь, а то живешь через задницу. Все настолько просто, аж до смешного доходит. Захотел, позвонил диспетчеру — и поезжай себе, куда хочешь». — Юрий Владимирович уже хотел было добавить крепкое словцо, как вновь еще один прозвучавший за его спиной голос не дал ему возможности в полной мере выразить свое негодование.

— Извините, товарищ полковник, что отрываю вас от обеда, но хотелось бы....

Откровенный смех сидящего напротив Чернова и полной растерянности взгляд Рыжова заставил стоявшего у стола Шведова замолчать на полуслове.

— Вы что сегодня? Сговорились, что ли? До конца обеденного перерыва подождать не можете? Сначала вот Чернов, теперь ты.

— Но я думал... — растерянно пробормотал майор.

— Он думал, — уже более миролюбиво взглянул на майора Юрий Владимирович. — Небось тоже чего-то надывбал?

— Есть немного, — расплылся в улыбке Сергей.

— Вижу. Глаза вон сверкают, как кремлевские звезды. Давай присаживайся. Хотя нет, подожди. — Юрий Владимирович по-свойски подмигнул сидящему напротив старшему лейтенанту. — Ты обедал?

— Нет, товарищ полковник. Не успел еще.

— Тогда давай дуй на раздачу, и чтобы через пять минут был здесь. Да не забудь борщ взять, он сегодня как никогда вкусен.

Когда за столом, расставив свои тарелки, оба подчиненных дружно начали работать ложками, Рыжов, обведя парней взглядом, допил свой компот и, опрокинув в рот задержавшийся на дне урюк, с довольным видом произнес:

— Ну что же, будем считать, что совещание открыто? Проведем его, так сказать, в неформальной обстановке. — И, поймав взгляд Чернова, добавил: — Я так думаю, что первый, кому мы дадим сегодня слово, будет майор Шведов. Надеюсь, старший лейтенант не будет возражать?

— Не буду, товарищ полковник, — поддержав настроение полковника, весело проговорил Алексей.

— Вот и отлично. Давай, Сергей, удивляй нас. Чего тебе такого удалось раскопать, что ты даже готов был пожертвовать ради этого обедом?

— За такую информацию не грех пожертвовать не только обедом. — Поняв, что пришла его очередь,

положил на стол ложку Сергей. — А новость у меня, в общем-то, и простая, и в то же время не очень. Удалось вычислить Воронцова.

От упоминания фамилии человека, претендующего на должность зятя, Рыжов чуть не подавился косточкой урюка, которая до сих пор была у него во рту.

— Что значит вычислить?

— Наружка повела его сразу же, как только он сегодня вышел из дома. Поначалу он направился в банк, и казалось, пробудет там до конца рабочего дня. Но где-то в одиннадцать Воронцов вдруг вновь появился на улице. Пройдя пару кварталов, несколько раз оглядывался и даже предпринял попытку проверить, нет ли за ним «хвоста», после чего, дойдя до угла очередного здания, свернул в один неприметный проулок. Причем сделал это очень даже лихо, почти бегом. В ста метрах от этого места его поджидала тентованная «Газель». Как только Воронцов занял место рядом с водителем, машина тут же сорвалась с места и моментально влилась в поток автомобилей, следовавших в направлении Садового кольца.

— За машиной наблюдение установили?

— Так точно, товарищ полковник. Сразу же. «Газель», пройдя через центр, свернула в сторону Казанского вокзала. Там, примерно в квартале от него, она въехала во двор дома. Воронцов и водитель, бросив машину прямо у подъезда, прошли внутрь.

— В руках у кого-нибудь из них что-нибудь было?

— Да. Тот, который был за рулем, нес среднего размера спортивную сумку.

— Что происходило дальше?

— Ничего. Примерно через полчаса оба вернулись назад в машину, и Воронцова отвезли туда, от-

куда взяли. В данный момент наши люди ведут водителя «Газели».

— Когда они возвращались в машину, сумка была при них?

— Нет, — уверенным голосом произнес Шведов. — Они вышли с пустыми руками.

Юрий Владимирович ненадолго задумался, после чего, взяв в руки стакан, хотел, было поднести его ко рту, но, вовремя вспомнив, что ни самого компота, ни ягодок там уже нет, стал вертеть стакан в руках.

— Значит, говоришь, они вошли в дом, который расположен неподалеку от Казанского вокзала?

— Так точно, товарищ полковник, — еще раз подтвердил майор.

— А подъезд, в который они входили, твои люди проверяли? Я имею в виду, наличие в нем черного хода.

— Точно не знаю. По-моему, нет.

— Надо обязательно проверить. Сдается мне, что они обманули наружку и, выйдя с другой стороны дома, направились в сторону вокзала.

— Но зачем? Ведь никто никуда не уехал. Оба вернулись назад к машине. — Все еще не понимая, на что намекает полковник, Шведов смотрел на него с широко открытыми глазами.

— Затем, что цель их была — вокзал. И ходили они туда для того, чтобы сдать в камеру хранения сумку. Ну а что в сумке, я думаю, ты уже догадался?

— Деньги!

— Верно! Деньги! — еще раз для пущей важности подчеркнул Рыжов. — Вернее, часть тех денег, что были украдены из броневика. И, по всей видимости,

эта была доля Воронцова, коли он сопровождал ее лично.

— Но зачем такая сложность? — задал резонный вопрос сидевший до этого времени молча Чернов.

— Затем, что тот, кто организовал ограбление, человек очень осторожный. И я уверен, прежде чем пойти на столь рискованный шаг, он просчитал все. Вы только вспомните, как ловко он остановил броневик, усыпил охрану и подменил деньги. А ведь мог просто выкрасть их и лечь на дно. Но нет. Он знал, что просто так с такими деньгами уйти невозможно, а для того чтобы умело ими распорядиться, необходимо время. Именно поэтому и была проведена подмена настоящих денег на макулатуру. Мало того, он еще придумал и эту, казалось бы, на первый взгляд нелепую затею с бомбой. Ведь, по сути, он заставил банкиров своими собственными руками выбросить миллионы на улицу. И вот теперь, когда грабитель явно находится в цейтноте, а все это оттого, что ему катастрофически не хватает времени, он столкнулся с еще одной проблемой. Это расчет с подельниками. Наверняка сроки кончились, и тем, кто помогал ему, надо отдать их доли. Их ведь не волнуют проблемы шефа, деньги на бочку, и все дела. Но в таком случае возникает опасность пролететь, как фанера над Парижем. Прекрасно зная, что помощники его особым умом не располагают, а значит, получив причитающуюся им долю, тут же начнут кидаться деньгами, он рискует залететь, и причем очень даже скоро. А посему надо делать что-то такое, что смогло обезопасить его и на этот непредвиденный случай. И он находит этот нужный ему как воздух выход из положения. Разделив деньги в присутствии подельников, преступник приказывает сдать бабки в камеру хранения.

— Но зачем? Ведь сумку можно забрать оттуда в любое время? — не удержался от вопроса Шведов.

— Ничего подобного. Все продумано до мелочей. Жетон — себе, а квитанцию — товарищу. Ведь без жетона в камере хранения человека, прежде чем выдать ему багаж, сначала заставят сделать описание того, что находится внутри сумки.

— А так как никто не отважится написать, что у него в сумке миллион долларов, можно быть уверенным, что воспользоваться деньгами до особого на то разрешения ни один из участвующих в ограблении не сможет, — закончил фразу полковника старший лейтенант.

— Совершенно верно, — подвел черту сказанному Юрий Владимирович.

— Умно. — Внимательно глянул на него Шведов. — И наверняка вы, товарищ полковник, думаете, что все это проделал Граф?

— Я даже уверен в этом. Слишком уж схож почерк с его прежними преступлениями. Да и по складу ума, осторожности, недоверию все говорит о том, что организатором ограбления был не кто иной, как сам Граф. Так что давай, майор, рви когти к тому дому и, если там есть черный ход, можешь прямым фильтровать камеру хранения Казанского вокзала. Чую, найдешь ты там и сумку, и деньги.

— А если нет?

— Никаких нет, — поднялся из-за стола Рыжов. — Будь я на месте Графа, я бы сделал то же самое.

Юрий Владимирович уже хотел было направиться к выходу, как голос все того же старшего лейтенанта заставил его остановиться:

— Товарищ полковник! А почему Графа зовут Графом? А, например, не Маркизом?

— Вопрос, конечно, интересный, — усмехнулся Юрий Владимирович. — В свое время я, как только впервые про Графа услышал, сразу же поинтересовался его прозвищем. А вот ответ, как потом оказалось, был не настолько интригующим, как хотелось бы. Просто по жизни Граф не кто иной, как Сергей Александрович Трубецкой. Жил на Руси в свое время князь с такой фамилией. Причем даже великий. Слышал, наверное?

— Слышал, — уверенно ответил Алексей.

— Вот поэтому и прозвали Графа Графом. Поговаривали даже, что он этому самому князю приходится чуть ли не потомком. Только я в эту ахинею не верю.

Предположения Юрия Владимировича подтвердились. Совершенно идентичные сумки с деньгами были обнаружены в камерах хранения сразу на трех вокзалах. На Казанском, Ленинградском и Курском.

Кроме того, водителем «Газели» оказался не кто иной, как сам Сыч. Впоследствии проверка показала, что он отбывал свое последнее наказание в одной колонии с Графом, а значит, вполне мог быть его самым ближайшим помощником. Единственное, в чем совершили оплошность люди, следившие за Сычом, — они дали ему уйти. Причем по собственной глупости. Ожидая, когда он после очередного вояжа уже на четвертый по счету вокзал вновь появится у своего грузовика, они явно не учли, что Сыч был калач тертый. Он или почувствовал за собой слежку, или действовал строго по указанию Графа. В общем, к машине он не вернулся. Она так и осталась стоять припаркованной на платной стоянке у Курского вокзала, когда сам Сыч исчез бесследно.

И, хотя за какие-то два часа он засветил не только Воронцова, но и Грача с Хлыстом, все равно надо было в первую очередь держать на виду самого Сыча, чем тех, кто играл в этом деле явно второстепенную роль. Прекрасно понимая это, Рыжов чуть не разразился бранью в адрес тех, кто вел Сыча, но, подумав, сумел сдержаться, так и не выразив своего негодования вслух. Желание как можно быстрее выйти на Графа, горело в нем, но в то же время мозг, хладнокровно делая свое дело, давал понять рассудку, что не всегда так везет, как повезло сегодня. Терпение, терпение и еще раз терпение — это был главный принцип следствия, а значит, и желаемое не всегда могло совпасть с действительным. С этой минуты оставалось одно — аккуратно и без помарок вести наблюдение за теми, кто уже плотно сидел на крючке Рыжова. Рано или поздно контакт с Графом у них должен состояться, а это уже приравнивалось к маленькой, но победе. К тому же немаловажную роль играли найденные в камерах хранения сумки, за которыми также был установлен строгий контроль. По приказу полковника Шведов распорядился пока не беспокоить работников камеры хранения, так как, вполне возможно, что кто-то из них мог быть осведомителем Графа. Ведь деньги, хранившиеся в сумках, тоже могли быть немаленькими, и вот так запросто сдать их на хранение, заранее не подстраховываясь от какого-либо непредвиденного случая, было не в правилах этого осторожного и умного вора.

Все, что произошло за один день, хотя и выглядело своего рода подарком судьбы, на самом же деле было результатом плодотворной работы всего отдела. Поэтому рано или поздно нечто подобное должно было произойти обязательно, так как все действия

следствия шли по правильному и единственно верному пути.

Самим же Рыжовым это расценивалось двояко: и как первая большая победа, и как не менее большой проигрыш. Теперь он точно знал, интуиция не подвела его и на этот раз. Воронцов был причастен к ограблению, а это означало, что сам Юрий Владимирович стоит на пороге целой вереницы семейных проблем, самой главной из которых была его любимая дочка Екатерина.

Глава 14

АНТУАН ВАТТО

— Тебе привет просили передать, — ехидно ухмыльнулся Сыч, войдя в комнату.

Он только что прибыл с Курского вокзала и сразу же поспешил поделиться новостью с шефом. Ему почему-то казалось, что столь интригующее известие непременно удивит Графа. Именно поэтому он, как только увидел лежащего на диване подельника, тут же решил не тянуть, а преподнести новость, так сказать, с пылу с жару.

— От кого это? — принимая сидячее положение, отбросил в сторону газету Граф.

— Ни в жизнь не догадаешься, — еще на чуть-чуть продлил интригу Сыч. — От полковника Рыжова.

— От кого? От кого? — вскочил с дивана Граф.

— От кого слышал. Он вчера самолично попросил передать тебе этот самый привет через Воронцова.

— Он что, расколол его?

— Нет. Пока только предъяву изобразил. Мол, где-то найдены какие-то там отпечатки пальчиков Лехи. В общем, ничего серьезного. Единственное, что парню не понравилось, так это то, что говорил полковник с ним круто, даже несмотря на то, что они уже практически друг другу родственники.

— А чего ты щеришься? — чувствуя, как его все больше и больше начинает раздражать улыбка Сыча, вскипел вдруг Граф. — Рыжов не из тех, кто просто так языком болтает. Если уж он заговорил с твоим Воронцовым про меня, значит, что-то у него на этого парня появилось.

— Так ведь дело-то закрыли?

— Закрывать-то закрыли, но сам факт преступления остался, и, если полковнику вздумается, он будет копать до упора.

Неожиданное известие настолько озадачило Графа, что он, уже не находя себе места, начал нарезать круги по комнате, все больше и больше впадая в размышления, чего мог такого накопать Рыжов на своего будущего зятя, что так напрямую начал говорить с ним о нем, о Графе. Но, как только он ни изошрялся, какие варианты ни рассматривал, все говорило о том, что нет у Рыжова на Воронцова ничего. Скорее проверял полковник парня на вшивость, и все дела. Еще больше почувствовал он в этом уверенность, когда Сыч вдруг вспомнил, что в разговоре с Алексеем Рыжов вспоминал старшего инкассатора Феоктистова.

— Ты почему сразу мне не сказал про это? — налетел коршуном на Сыча Граф. — Это же самое главное. Чего молчишь? Вспоминай давай, чего там полковник говорил про Феоктистова?

— Вроде как он у них идет первым номером по

подозрению в участии в ограблении, — пробормотал не на шутку растерявшийся Сыч.

— Вот видишь, — расхохотался Граф. — Все сразу встало на свои места. А то Леха, Леха! Да нет у Рыжова на него ничего. Одни понты. А скорее всего, не хочет, чтобы голубка его в гнездо ворона залетела, отсюда и все наезды. Ладно. Хрен с ним, с полковником. Лучше расскажи, как все прошло? Деньги сдал?

— Да, все нормально. Долю Воронцова определили на Казанском, а Хлыста с Грачом — на Ленинградском. Стрелочник на стрелку не пришел. Он сегодня на смене. Поэтому пришлось долю его на Курском определять самому. Завтра я ему квитанцию передам из рук в руки.

— Слежку за собой случайно не заметил?

— Вроде нет, — неуверенно ответил Сыч. — Хотя был момент, когда одна и та же машина дважды на глаза попадалась.

— Может, показалось?

— Может, и показалось. Но я рисковать не стал. «Газель» бросил на вокзале, сам в туалет — и через открытое окно на перрон. Потом в толпе отъезжающих затерялся и уже в последний момент в электричку сиганул. В общем, все, как учили.

— Смотри-ка, прямо как настоящий разведчик, — рассмеялся Граф.

Подробный рассказ Сыча попал, как говорится, в самую точку. Граф, и без того пребывая в прекрасном расположении духа, еще больше обрадовался, что и на этом фронте у него складывается все предельно четко.

Вчера позвонил Соболев и сообщил, что первый шаг, согласно совместно разработанному плану, сделан. Банк забрал заявление из милиции. А сегодня по

всем средствам массовой информации пройдет сообщение о том, что деньги найдены и возвращены владельцу.

— А когда я получу уведомление, что моя доля перечислена на счет в один из кипрских банков? — не замедлил лишний раз напомнить об условиях договора Граф.

— Как только, так сразу, — в тон ему ответил Соболь. — Все идет строго по договоренности, поэтому не надо дергать корову за вымя, когда она еще молока не нагуляла.

Часы показывали без четверти восемь.

Через двадцать минут должен был позвонить младший Левицкий и сообщить, где пройдет еще одна встреча с его отцом. Времени еще было достаточно, и, вновь оседлав диван, Граф по привычке начал мысленно раскладывать по полочкам все те предстоящие события, которые в конечном счете должны были привести к окончанию всей этой истории.

«Значит, сегодня Хамелеон сообщит мне, где и когда вагон с картинами присоединится к пассажирскому составу. Интересно, сколько будет у меня времени, чтобы окончательно подготовиться к делу? Судя по ранним заверениям Левицкого, часов двадцать, не меньше. А если ночь не брать в расчет, то и вовсе шесть. Ну что же? Это уже кое-что. Теперь что касается денег. Как только картина будет у меня, я тут же должен буду передать все те деньги еврею и ждать, когда тот переведет оставшуюся сумму на мой счет. После того как будут получены гарантии относительно денег, я передам картину Хамелеону». На первый взгляд все вроде складывалось так, как и должно было сложиться. Но Граф был зверем осторожным, а это означало, что необходимо было заранее преду-

смотреть все возможные и невозможные варианты обмана как со стороны Левицкого, так и со стороны Соболя.

«Соболь может мне запросто устроить нелепую смерть, например, автомобильную катастрофу, отравление левой водкой или что-то еще в этом роде. Поэтому с ним надо просто держать ухо востро и самому не рыпаться. От Хамелеона же так просто не отвертишься. Эта гнида если что задумает, то устроит такую круговерть, что замучаешься выкручиваться. А что? Что он может придумать?»

Мысли крутились вокруг да около, а решение ни в какую не хотело приходить в голову, и от этого на душе становилась как-то не по себе, словно что-то мешало свободно дышать.

«Обмануть с переводом денег? Это глупо. Я ведь, пока не проверю, картину не отдам. Да и кинуть меня вот так запросто еврей тоже не сможет. Он ведь не дурак и прекрасно понимает, что за такие бабки я ему сразу кишки выпущу. Нанять каких-нибудь головорезов, чтобы вкатили мне по репе, и концы в воду? Не потянет, кишка тонка. К тому же он прекрасно понимает, что я смогу просчитать и этот вариант. — Почувствовав усталость, Граф извлек из самого дальнего угла своего сознания на всякий случай припасенные там мысли о Тромбоне и, будучи полностью уверенным в его поддержке, глубоко вздохнул. — В любом случае, чтобы Хамелеон ни задумал, он первым будет в курсе всех папиных заморочек. Как ни крути, а сын всегда ближе всяких там приبلудных отморожков, а так как мы с Тромбоном в одной связке, то особо опасаться мне пока нечего».

Звонок прозвенел точно в назначенное время, что было для Графа весьма кстати, так как это авто-

матически освобождало его от разного рода дум, которые уже порядком истрепали ему нервы. Уж лучше что-то делать, чем вот так сидеть и самого себя выворачивать наизнанку.

Внимательно выслушав объяснения Тромбона, где ему надлежит быть в течение ближайшего часа, Граф со спокойной душой принял приглашение и, набравшись терпения, начал собираться в дорогу.

Тачка прибыла ровно в двадцать тридцать к подъезду, из которого тут же вышел Граф и занял свое излюбленное место на заднем сиденье. Он сознательно, в целях полнейшей конспирации, вызывал машину к одному из многоэтажных домов, расположенному примерно в квартале от их норы, и, пройдя до него пешком, заходил в подъезд и уже оттуда еще минут пять наблюдал за тем, что происходило во дворе. Если бы на глаза ему хотя бы дважды попался один и тот же человек или одна и та же машина, он, несомненно, посчитал бы данное совпадение за слежку и предпринял все, чтобы уйти от преследования. Но пока такой необходимости не было, и Граф, назвав таксисту адрес своего конечного пункта, попросил его немного покататься по городу, чтобы прибыть на место ровно в двадцать один час.

На этот раз это был небольшой кинотеатр, входящий в состав одного из многочисленных разбросанных по всей Москве ночных музыкальных клубов. Имея свой отдельный вход, помещения в нем были устроены так, что посмотреть фильм можно было и вдвоем.

Подойдя к двери, около которой его уже поджидал Тромбон, Графу невольно попала на глаза небольшая, довольно-таки красочная афиша, по кото-

рой сразу же можно было определить, что фильм, предложенный для просмотра зрителям, был откровенной порнухой. И, как только Граф вошел в зал, он тут же понял, что догадка его попала в абсолютную точку. Кроме огромного телевизора, прямо напротив него располагался большой мягкий диван с кучей всевозможных маленьких подушек.

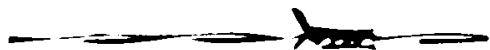
— Ну и местечко вы выбрали, — присаживаясь рядом с Хамелеоном, проговорил Граф, оглядываясь по сторонам. — Тут не о делах надо говорить, а баб окучивать, причем так, чтобы сами на кукан лезли и визжали.

Тромбон, прикрывая спиной вход, расхохотался.

— Зато надежное, — зыркнул на него Хамелеон. — Владелец клуба — человек, которому я доверяю, поэтому здесь можно говорить совершенно спокойно, не боясь чужих ушей и глаз тоже. К тому же здесь есть запасной выход, который в нашем деле весьма и весьма необходим.

— Отлично, — выразил свое восхищение задумкой Левицкого Граф. — Осталось только перейти непосредственно к обсуждению завтрашнего дела.

— К делу, так к делу. — Напялив на нос очки, Хамелеон достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги. — Значит, так. Погрузка картин назначена на десять часов утра. Ровно в двенадцать грузовик, перевозящий выставку, должен будет отойти от музея. На четырнадцать запланирована перегрузка коллекции в вагон. После чего тепловоз перегонит его за Москву, туда, откуда все дороги ведут на запад. А если точнее, то где-то в направлении Немчиновки есть разъезд между шестидесятым и семидесятым километрами. Вот там его и должны будут присоединить к пассажирскому поезду, следующему до Парижа.

— Точно до Парижа? — на всякий случай переспросил Граф.

— Точнее не бывает. Могу даже сказать время его отбытия от вокзала.

Левицкий уже было полез в карман за другой бумажкой, но тут же был остановлен жестом собеседника:

— Не надо. Поезд отходит ровно в шестнадцать часов, я проверял.

Разведя руками, Хамелеон вновь вернулся к своим записям.

— Доставка вагона рассчитана так, что останется не больше пяти минут, чтобы пристегнуть его к составу. Так что времени у вас почти не будет.

— Пять минут нас, конечно, не устроит, поэтому вагон будет стоять ровно столько, сколько нам потребуется. А как мы это сделаем, это пусть останется нашей маленькой тайной. Количество охраны известно?

— В вагоне четыре человека. Один — представитель дрезденского музея, он отвечает за хранение картин и поддержку допустимого температурного режима в вагоне, и три вооруженных охранника. Для них специально подготовлено купе. У входа дежурят по одному. Смена через каждые четыре часа. На всем протяжении пути до присоединения вагона к составу ему будет включен зеленый свет, поэтому остановок на пути никаких не намечается. Кроме персональной охраны, до границы вагон будут сопровождать представители милиции, для которых специально резервировано последнее купе в последнем вагоне. Милиционеров также четверо, естественно, они будут тоже вооружены.

— Значит, брать птичку надо еще до присоедине-

ния вагона к составу, — подчеркнул Граф. — Не воевать же нам потом со всей ментурой.

— Вам виднее. — Левицкий, сложив бумагу и не спеша спрятав ее в нагрудном кармане, вновь перевел взгляд на Графа: — Как я уже говорил, вместе с вами в деле будет участвовать и мой сын. После того как картина окажется в ваших руках, он позвонит мне, и мы договоримся о встрече. Как только я буду полностью убежден, что это именно та картина, которая нужна мне, а не подделка какая-нибудь, я приму у вас деньги.

— Сколько понадобится времени для перевода их на мой счет?

— Ровно сутки.

— Значит, через двадцать четыре часа я смогу проверить, поступили ли деньги в банк?

— Совершенно верно, — не задумываясь, подтвердил Хамелеон.

— Ну что же, в таком случае будем считать, что мы перешли к завершающей фазе нашего договора. Уже совсем скоро я получу свои деньги, а вы свои. Кроме того, к вам также перейдет еще и картина, представляющая музейную редкость.

— Как и договаривались. — Левицкий нехотя оторвал задницу от дивана и протянул руку Графу: — Удачи вам.

На следующий день, отдав последние распоряжения Сычу, Граф дождался, когда тот покинет их общую берлогу первым, и затем, уже через полчаса, через центральный ход с видом вышедшего прогуляться человека вышел сам, направившись в противоположную от дома сторону. Деньги, что хранились до этого в офисе, еще накануне были перевезены и упрятаны в гараже, в том самом, который был специально

арендован для заранее купленной на толкучке старенькой «Волги». После ограбления инкассаторского броневика машина была спрятана здесь, и больше никогда на ней никто не выезжал. Не потому что Граф больше не нуждался в транспорте, а исключительно по причине номеров, украшающих ее бамперы. Для того чтобы уменьшить риск залета в лапы гаишников по поддельным документам, он рискнул оставить прежние. Именно поэтому «Волге» суждено было дожидаться своего очередного часа, чтобы еще раз сослужить службу своему новому, не совсем обычному хозяину.

Открыв дверь в гараж, Граф еще раз наметанным глазом окинул место, где были спрятаны оставшиеся саквояжи с деньгами, и, не заметив ничего подозрительного, выгнал машину из бокса. Часы показывали уже почти девять, когда он, выбравшись из потока машин, следовавших в сторону центра, взял направление к условленному месту, где его должен был ждать Тромбон.

Левицкий-младший оказался именно на том месте, где они и договорились встретиться. Лишь на мгновение притормозив около магазина, Граф распахнул дверцу, чтобы тот сумел почти на ходу заскочить в салон автомобиля. Прокрутив несколько кругов по заранее разработанному маршруту и убедившись в том, что за ними нет «хвоста», он, уйдя через узкий проезд проходного двора, тут же оказался на оживленной дороге, где можно было легко затеряться среди бегущих по своим делам автомобилей.

— Никаких изменений не предвидится? — нарушил затянувшееся молчание Граф, когда позади была уже почти половина пути.

— Да нет. Все вроде в порядке. Отец только что-то нервничает. Как бы фокус какой не выкинул.

— Ничего. Я думаю, мы сможем просчитать его ходы заранее, — уверенно ответил Граф.

— Как думаешь, погрузка картин началась? — Тромбон взглянул на часы, которые уже показывали десять.

— А вот это мы сейчас и проверим.

Свернув в направлении музея, «Волга» уже минут через пятнадцать плавно подкатила к высокому забору, центральные ворота которого были закрыты, а стоявшие рядом «Жигули», по борту которых было написано: «Охранное предприятие», свидетельствовали о том, что все шло по плану. Объехав здание вокруг, Граф с Тромбоном своими глазами увидели и два грузовика, находящиеся на территории музея рядом со служебным выходом, один из которых уже находился под погрузкой.

— Вот видишь, батяня твой, оказывается, не такое уж и трепло, как кажется на первый взгляд, — не замедлил съязвить Граф.

Тромбон хотел было что-то сказать в ответ, но промолчал, так как в этот момент задребезжал лежащий между сиденьями мобильник.

— Алло! Сыч, это ты? Да-да. Я все понял. Хорошо. Передай Хлысту с Грачом, что все идет по графику. — Отключив телефон, Граф, не поворачивая головы в сторону Левицкого-младшего, произнес: — Все уже расползлись по своим местам. Пора и нам на исходную позицию выходить.

— Сколько езды до разъезда? — Тромбон снял часы с руки и зажал их в ладони.

— Тепловозу по прямой — час с небольшим. Учитывая то, что на пригородных путях он, как правило,

двигается со скоростью не больше сорока километров. Нам же, если ехать вокруг, все два, а то и три. Проблемы начнутся, если попадем в пробку.

— Значит, если постараться миновать заторы, то где-то часа так в два мы будем на месте?

— Примерно так. Там еще придется выбрать место, где можно будет спрятать машину, и только потом выйдем на исходную позицию. Граф, не спеша ведущий машину, искоса глянул на Тромбона: — Да не волнуйся ты так, все будет в порядке.

— А я и не волнуюсь. Вот только все время почему-то думаю: а что, если твоя идея с газом не сработает? Что будет тогда?

— А тогда будем рвать когти, и все дела.

— Когти? — пожав плечами, хмыкнул Тромбон. — Интересно посмотреть, как это будет выглядеть наглядно.

— Ничего интересного. И не надо думать об этом вообще, а то еще, чего доброго, накаркаем.

Некоторое время ехали молча, но мысль о том, что система с газовым оборудованием может не работать, никак не выходила из головы Левицкого-младшего. Это было видно по его лицу невооруженным глазом. И Граф, имея достаточно большой опыт в подобных делах, решил, не дожидаясь очередного глупого вопроса, помочь парню преодолеть боязнь:

— Тот, кто мне эту систему подарил, мужик не то что головастый, а просто настоящий уникум. Так что опасаться особо нечего. Оборудование надежное и уже не раз проверено. А с парнем этим я на зоне познакомился. Может, слышал где, погоняло у него еще было такое интересное. На Транзистор откликался.

— Вроде нет, — пожал плечами Тромбон.

— Так вот этот самый Транзистор любитель был

придумывать всякую хитроумную всячину. Ему бы в изобретатели податься, а он с братвой дружбу завел, вот жулики его с толку-то и сбили. Начал он на них работать. То какую-нибудь отмычку мудреную придумает, которая сполоборота любой замок открывает, то систему, считывающую информацию с кодового замка, а однажды даже изобрел свою собственную систему прослушивания, которая могла определить, о чем говорят люди даже на приличном расстоянии, например в машине.

— А на чем же сгорел этот твой изобретатель, если ты говоришь, что познакомился с ним на зоне?

— Как всегда по глупости. Пошел на дело с жуликами, которые приличный сейф в одной из контор надыбали. Хотел проверить очередное изобретение по открыванию сверхсложных замков, да только не предусмотрел, что сигнализация была устроена не в дверях кабинета, а в самом ящике. Открыть-то он его открыл, но тут же нагрянули мусора и повязали всех троих сразу.

Граф, ведя машину, пристально вглядывался в дорогу, а по глазам его и блуждающей улыбке можно было прочесть, что мысленно он в эту минуту находится там, в лагере, когда они, оставшись с Транзистором одни в тесной комнатухе кочегара, долго обсуждали его предложение использовать в квартирных кражах усыпляющий газ. Он, как сейчас, помнил каждое слово изобретателя, как будто это было только вчера.

— И что он тебе рассказал, этот самый Транзистор? — не выдержал паузы Тромбон.

— Да ничего особенного. Только изобретение его позволяло домушникам не ломиться в хату и не выжидать, когда хозяева съедут, а залезть на чердак,

найти необходимый воздуховод, который проходит через все квартиры, и, правильно рассчитав длину веревки, зацепить к ней баллон с газом и опустить его в эту самую вентиляционную трубу. Ведь где обычно смонтированы вытяжные окошки? В туалетах, в ванных комнатах и на кухне. А так как сам газ бесцветен и не имеет запаха, то при включении он уже через пять минут расползлся по всей квартире.

— Так его же еще и включить надо. Ведь не будешь же стучаться в квартиру и просить хозяев дать возможность включить баллончик.

— Верно. Но никого просить не надо. Нажал на кнопку дистанционного управления — и газ идет. Вот в этом весь смысл изобретения Транзистора и состоит, что на расстоянии даже в десять-пятнадцать метров система срабатывает безотказно. Я уж не знаю всех ее тонкостей, но точно усвоил одно — сигнал поступает с пульта на впрыскивающее устройство, оно открывается, и газ начинает выходить из баллона.

— И что, этот твой сигнал даже через толстые стены дома проходит?

— Проверено, и не раз. Необходимо только подойти к квартире и нажать на кнопку. И потом, ты же ведь ничем не рискуешь. Постучал в квартиру минут через пять, если кто откликнулся, значит, система дала сбой. Извинись и уходи.

— В общем-то, да, — после некоторого раздумья вынужден был согласиться Тромбон.

— Зато прикинь, какая выгода. Подельников не надо. Выслеживать и сутками дежурить у подъезда тоже ни к чему. Опустил баллон, и все дела.

— Так это же можно в любую контору забраться? Да что там контору, в Алмазный фонд и то не проблема. Нажал на кнопку — и вся охрана в спячке.

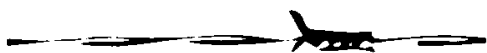
— Ну ты хватил, — расхохотался Граф. — Нам бы с картиной разобраться, а там видно будет, кого следующего к рукам прибрать. Про алмазный ничего говорить не буду, а вот насчет какого-нибудь другого фонда, почему бы и нет.

* * *

Стрелочнику стоило немало усилий, чтобы добиться этого рейса, а именно перегона вагона с картинами до точки присоединения его к пассажирскому составу Москва — Париж. Сделать это было невероятно трудно, так как можно было привлечь внимание сослуживцев к тому, что он специально рвется на эту работу, что могло навести их на некоторые подозрения. Такой поворот событий был для Стрелочника крайне нежелателен, так как некоторые из них и так уже косились в его сторону, считая, что закрытие проезда инкассаторов было делом его рук.

«К тому же этот совсем еще молодой следователь все вынюхивает и вынюхивает что-то. То к одному подкатит, то к другому. Так и до беды недалеко», — думал Стрелочник, усиленно размышляя, как можно сделать так, чтобы это задание было поручено именно ему.

С одной стороны, очень не хотелось идти на столь рискованный шаг, а с другой — отказать Графу он также не мог по одной простой причине, что тот пообещал за это такую сумму, которой ему, как самому обыкновенному машинисту, не заработать и за всю жизнь. Конечно, Стрелочник прекрасно понимал, что, откажись он, и Граф тут же найдет альтернативный вариант, но жадность, настырно толкающая его еще к одному преступлению, в конце концов одержала верх.

Учитывая то, что после таких заданий машинисты вместе с помощниками сразу же отпускались по домам, хотя иногда даже не проходило и половины смены, он еще накануне выхода на работу зашел в кабинет главного диспетчера. Идея отпроситься или написать заявление с просьбой дать один день отпуска без содержания возникла еще накануне, и, прекрасно зная скверный характер начальника, который крайне не любил что-либо делать просто так, он искренне надеялся на то, что тот клюнет и предложит машинисту альтернативный вариант.

— Тебе зачем день-то понадобился? — издалека начал главный диспетчер.

— По личным делам, — продолжал хитрить Стрелочник.

— А что, твои дела до завтра подождать не могут?

— Если бы могли, я бы тогда и не отпрашивался.

— Ну а, скажем, часов так до семнадцати ты бы мог поработать? — не сдавался начальник. — Все-таки это только половина смены.

— А что это вам даст? — изобразив полное непонимание идеи, на всякий случай переспросил Стрелочник.

— А то, что будет аккордная работа. Сделаешь — и свободен.

— И что это за работа такая?

— Вот завтра и узнаешь.

— Ну если только так, тогда можно и выйти, — с недовольным выражением лица вынужден был согласиться Стрелочник.

Путевой лист он получил ровно в восемь и, сразу же позвонив Сычу, сообщил, что у него все срослось как никогда удачно. И вот сейчас, спустя два часа, он уже находился в кабине своего верного друга, тепло-

воза, в любую минуту ожидая по радио очередного задания. До основной работы этого дня было еще достаточно времени, однако предчувствие, что может случиться что-то неординарное, нервировало Стрелочника, то и дело заставляя его поглядывать на часы. Отказавшись от традиционных бутербродов, предложенных напарником, Стрелочник ограничился лишь только горячим чаем из термоса, с надеждой, что вот-вот затарахтит приемник и диспетчер объявит о каком-нибудь очередном задании. Но, как ни ждал он, как ни боялся главного звонка, сигнал о том, что им следует прибыть к вагону, стоявшему на таком-то пути, подействовал на него как гром среди ясного неба. С трудом справившись с волнением, Стрелочник дал знак помощнику, и вскоре тепловоз, уже явно застоявшийся без движения, пыхнул в небо дымом и, шаркнув по рельсам своими могучими колесами, покати к семафору, на котором вот-вот должен был вспыхнуть зеленый свет.

Дальше все шло четко по расписанию. Сцепщики прицепили вагон, когда на часах было пятнадцать сорок пять, и, постепенно набирая скорость, тепловоз потащил его вперед, маневрируя между расставленными по многочисленным путям составами. Дорога была недолгая, правда, строго регламентируемая, а именно тем, что без каких-либо остановок вагон необходимо было притащить в указанный пункт точно в назначенное время — в семнадцать двадцать. Хотя особых сложностей здесь не наблюдалось, надо было только строго выдерживать скорость, тем не менее нервозность ощущалась во всем. И в постоянных звонках диспетчера с вечно одним и тем же вопросом, все ли у них в порядке, и в запросах по радиации

людей, находящихся в вагоне, как проходит движение.

Совсем скоро миновав вокзал, тепловоз вышел к пригородным строениям. За окном начали мелькать одноэтажные, выстроившиеся в ряд, похожие на спичечные коробки, домики дачных поселков и прилегающих к столице деревень.

Встревоженный голос помощника о том, что на путях находится человек, нисколько не взволновал Стрелочника, так как эта новость не была для него неожиданностью. По рельсам шел не кто иной, как сам Сыч, усердно изображая при этом пьяного. Нажав на звуковой сигнал, напарник несколько раз подряд заставил прогудеть его на всю округу, но человек, шатаясь и неуклюже переступая по шпалам, упорно двигался вперед, не обращая на громкий гудок тепловоза никакого внимания. Согласно инструкции, Стрелочник, прежде чем остановиться окончательно, снизил скорость до минимума и, тут же сдернув трубку с аппарата, связался с диспетчером. Разъяснение ситуации заняло всего лишь несколько секунд, за это время тепловоз продолжал двигаться вперед, а пьяный все еще находился на рельсах.

— Как только приблизимся вплотную, я остановлюсь, а ты выскочишь и оттащишь его в сторону. Только быстро, а то нам запрещено тормозить. — Стрелочник не успел еще закончить фразу, как вдруг заработала рация, связывающая тепловоз с прицепленным сзади вагоном.

— Это говорит начальник охраны, — раздался взволнованный голос в трубке. — Почему сбавили скорость?

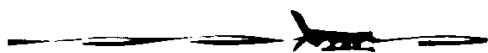
— Пьяный на рельсах. Сейчас уберем его и про-

должим движение, — стараясь говорить уверенно, ответил Стрелочник.

До шагающего по шпалам мужчины оставалось не больше двадцати метров, когда, в последний раз издав звуковой сигнал, а он мог заставить оглянуться даже глухого, помощник, открыв дверь, выскочил из кабины. Тепловоз все еще продолжал движение, когда тот оказался на насыпи. Но стоило напарнику сделать всего лишь несколько шагов вперед, как пьяный, вдруг повернувшись, отошел в сторону, освобождая проезд для столь мощной машины. В это время помощник Стрелочника находился по правую сторону от тепловоза, а это означало, что он не мог видеть пьяного. Тот же, в свою очередь, почти полностью пропустив вперед гудящий агрегат, в последний момент схватился за поручни небольшой лестницы и вскочил на подножку.

— Кажется, все обошлось, — проговорил Стрелочник вошедшему в кабину помощнику. После чего вновь поднял трубку телефона и сообщил диспетчеру, что помеха движению устранена. Связавшись с охранниками, он также поспешил успокоить тех людей, что находились в вагоне. Прибавив скорость и отметив про себя, что пока все идет, как и было задумано, он пристально глянул вперед в ожидании следующего этапа задуманной Графом операции.

Сыч ворвался в кабину с криком: «Руки за голову!» Это было сделано с таким видом, как будто он брал штурмом не тепловоз, а целую крепость с засевшим в ней как минимум десятком фашистов. Размахивая пистолетом, он с ходу приказал обоим машинистам отойти в сторону и, как только Стрелочник оказался рядом, тут же шарахнул его по голове рукояткой ствола, да так, что тот мешком свалился на

пол. Все это было сделано так, чтобы впоследствии на машиниста не легла тень подозрения.

— Смотри вперед и прибавь газу, — ткнул он в сторону до смерти напугавшегося помощника. — И смотри мне! Вздумаешь выкинуть какой-нибудь фокус, пристрелю, как куренка.

После того как руки Стрелочника были связаны, Сыч подтащил его к стене.

— Сколько еще до места? — Стоя за спиной помощника машиниста, ткнул он того дулом в спину.

— Километров двадцать. Не больше.

— Идете по графику?

— Пока да. Была небольшая задержка, но наверстаи.

Скорость была действительно приличной, и, судя по мелькавшим по сторонам столбам, она значительно превышала шестьдесят километров. Примерно минут через пять машинист, глянув на часы, нажал на тормоз, чем существенно снизил скорость теплового.

— Ты чего? — не упустил данный факт из виду Сыч.

— Подъезжаем. Минут через десять будем в расчетной точке. Надо немного... — Парень не успел договорить, как удар сзади все той же рукояткой пистолета тут же лишил его сознания.

— Вставай! Он готов, — последовала команда Сыча.

Стрелочник, скинув с рук намотанную для вида веревку, поднялся с пола и, потеряв ушибленное место, глянул на лежащего у ног напарника. — Мог бы и не бить по башке так больно.

— Кого? Тебя, что ли? — рассмеялся Сыч. — Да я и так стукнул вскользь, так сказать, для виду, а если

бы приложился в полную силу, ты бы уж точно богу душу отдал.

— А его ты как? — показал глазами на помощника Стрелочник. — Случайно не со всей силы?

— Случайно нет, — усмехнулся Сыч.

Нагнувшись к лежащему без чувств машинисту, он накинул ему на голову заранее припасенный мешок и, основательно связав за спиной руки, оттащил в сторону.

— Скоро очухается. Поэтому ты рот пока на замок закрой. Если что, на пальцах покажешь.

Все это время Граф с Тромбоном сидели в будке обходчика. В той самой, на которую он наткнулся еще пару дней назад, когда совершал свой первый, ознакомительный, визит на данный участок дороги. «Волгу» они спрятали в кустах неподалеку, всего лишь метрах в тридцати от железнодорожного полотна, прошли в будку и вот уже почти час сидели в ней, то и дело нервно поглядывая на часы. Как только тепловоз появился из-за поворота и резко сбавил скорость, они, накинув на себя желтые куртки, а также прихватив валявшиеся в сарае кирку с лопатой, вышли из будки. С их стороны окон у вагона не было, поэтому видеть приближение дорожных рабочих те, кто находился внутри, не могли ни при каких обстоятельствах.

Тромбон и соскочивший с тепловоза на землю Сыч оставались стоять на полотне, пока Граф, бесшумно ступая по лестнице, поднялся на крышу вагона и ползком, чтобы не наделать шума, продвинулся до двух небольших окошек вентиляционной вытяжки. Именно там несколько дней назад Грач с Хлыстом установили газовые баллончики. Конечно же, он мог воспользоваться и дистанционным управле-

нием, как это было проделано при ограблении инкассаторского броневика, но на этот раз Граф решил действовать наверняка и, дойдя до цели, путем нажатия красной кнопки на все том же пульте, мгновенно заставил включиться в работу систему подачи газа. К его радостному облегчению, она и на этот раз сработала безотказно. Убедившись по характерному запаху, что дело сделано, он подал знак Стрелочнику, чтобы тот остановил тепловоз, и тут же поспешил вниз на землю.

— Все, пошли, — махнул он рукой в сторону вагона. Тромбон, в будку. Как только крикну, сразу хватай копию картины и ко мне.

Быстро накинув на головы противогазы, они, вооружившись специальным инструментом, заранее припрятанным все в той же будке, поспешили к дверям вагона. Надежды на то, что они будут заперты на обычный замок, к полному разочарованию Графа, не оправдались, и поэтому он был вынужден тут же уступить место напарнику. В течение примерно двух минут тот пыхтя орудовал отмычкой. Наконец замок щелкнул, и дверь отошла в сторону. Все это время Граф мысленно отсчитывал секунду за секундой. На этот раз газа в баллоны было заряжено столько, что на человека он мог действовать в течение тридцати минут.

Почти все, кто был в вагоне, находились в купе. Кто сидел, а кто лежал на полке, там, где их застал проникший через вентиляционные решетки газ. Единственный, кого не было на месте, это хранитель картин. Сыч нашел его за столом в том самом помещении, где были составлены ящики с картинами. Всего их насчитывалось около двадцати, поэтому за оставшиеся десять минут надо было не только определить,

в котором именно находилась картина Антуана Ватто, но еще и суметь вскрыть замки, на которые были закрыты ящики.

Помогли карточки с названиями шедевров, разложенные на столе, за которым сидел сейчас мирно спящий хранитель. Он, похоже, как раз разбирал их, так как часть была сложена в стопку, а другая дожидалась своей очереди. Быстро пробежав глазами карточки, Граф, даже не зная немецкого языка, уже через минуту нашел нужную и, ткнув пальцем в ящик, номер которого совпадал с номером, указанным в карточке, проговорил:

— Здесь.

Приказав Сычу искать в кармане хранителя ключи, он, тем временем выскочив из вагона, махнул рукой Тромбону, который уже с копией в руках стоял у железнодорожного полотна.

Кажется, сама удача шла в руки Графа. Ключи на самом деле оказались у спящего парня, только не в кармане, а в небольшом портфеле, лежащем здесь же на полке. Подменить картину было делом пары минут, и, как только оригинал оказался в руках Графа, он тут же скомандовал:

— Уходим.

На все про все ушло почти пятнадцать минут. Еще пять на то, чтобы привести все в надлежащий порядок и, захлопнув дверь, перебраться в будку обходчика. Граф с Тромбоном стали упаковывать картину, а Сыч, заскочив в кабину тепловоза, снова связал руки Стрелочнику и, набросив ему на голову мешок, посадил рядом с помощником, который все еще был без сознания.

Все трое уже были в машине, когда Граф, глянув на часы, произнес:

— Все! Сейчас они начнут приходить в себя.

Сказал он это с таким видом, словно сам все эти полчаса не сделал ни одного вдоха. И лишь только сейчас, несколько расслабившись, вдруг почувствовал вместо ожидаемого облегчения подступающую к горлу тошноту. Ему так захотелось глотнуть свежего воздуха, что он, не удержавшись, потянулся к ручке стеклоподъемника и открыл окно. Сыч, не отрываясь от баранки, спросил.

— Что, жарко стало, шеф?

— Не то слово, — тяжело выдохнул Граф. — Такое чувство, что всю ночь грузил мешки с цементом.

— А я думал, рисовал картину, — подал голос с заднего сиденья Тромбон.

— Точно, — усмехнулся граф. — Могу даже сказать, как называется. «Общество в парке».

Все трое, вдруг взглянув на лежащий рядом шедевр Антуана Ватто, расхохотались.

Глава 15

БЕГ ПО КРУГУ

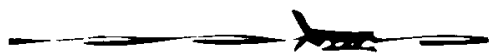
— Так! Работаем в режиме быстрого реагирования. Слушаем, задаем вопросы, получаем задание и разбегаемся. Работы предстоит много, поэтому все необходимо делать предельно обдуманно, сконцентрированно и грамотно. Но предупреждаю: без всякой на то суеты.

Обычное утреннее совещание Рыжов начал с того, что дал возможность прочувствовать всему составу отдела напряженность сложившейся ситуации, результат которой в конечном счете складывался из

слаженности, точности взаимодействия и умения принимать правильные решения всех, вместе взятых, и каждого сотрудника в отдельности. После свершившихся накануне событий Юрий Владимирович нутром чуял, что скоро получит какое-то особо важное известие. Ясно понимая, что если все будет складываться так же удачно, как вчера, то вполне возможно, что уже к вечеру можно будет выйти на лежку Графа. Однако он вполне допускал и обратный вариант. А именно то, что преступник готовит еще один сюрприз, который в конечном счете если не поможет ему исчезнуть окончательно, то уж явно серьезно осложнит порученное Рыжову дело.

Пока слежка за подельниками Графа, которые попали в поле зрения людей Шведова, не получала дальнейшего развития. То, что организатором ограбления инкассаторов был Граф, Рыжов уже не сомневался ни на минуту, и причиной этому был поступивший час назад ответ из колонии, где свой срок отбывал и Сыч. В ответе на запрос значилось, что последние месяцы заключения тот провел в тесной дружбе с Графом, и этот факт был явным свидетельством того, что, еще будучи на зоне, знаменитый своими черными делами вор готовил ограбление инкассаторов. А для того, чтобы время в лагере не прошло даром, он приобщил к делу Сыча.

Все, за кем было установлено наблюдение, вели себя вполне обыденно, без каких-либо претендующих на особое внимание действий. Стрелочник с утра отбыл в депо. Воронцов, как и положено, — в банк. Грач с Хлыстом вообще еще не появлялись на улице. Они по-прежнему находились в снятой ими квартире на улице Лобачевского. Почти всю ночь напролет оба

шатались по клубам, и все шло к тому, что они явно собирались зависнуть с проститутками где-нибудь на подпольной хате. Однако, к изумлению наружки, и тот и другой в абсолютно трезвом состоянии где-то около пяти утра прибыли к своему прежнему месту обитания. Соблазн арестовать обоих и уже тут вытряхнуть из них все, что касается ограбления, а также места нахождения Графа, был настолько велик, что Рыжов долго мучился сомнениями, а не отдать ли соответствующий приказ, чтобы раз и навсегда покончить с этим делом. И он наверняка поступил бы именно так, если бы нечто необъяснимое, едва уловимое в его душе не подсказало, что надо набраться терпения и ждать. Вполне возможно, что отсчет шел уже не на дни, а на часы, процесс же получения от Грача с Хлыстом необходимой информации мог затянуться не на один день. Это наверняка могло помочь Графу скрыться, и причем уже окончательно. То, что между ним и подельниками была налажена постоянная связь, сомневаться не приходилось. Поэтому Граф, потеряв из виду своих подельников, наверняка тут же предпримет все, чтобы лечь на дно, причем закопаться в «ил» так, что уже вытащить его оттуда будет практически невозможно. Правда, существовал еще один вариант. А именно, основательно потрясти Воронцова и Стрелочника, но и здесь допускался риск сработать не в свою пользу, так как и тот, и другой вполне могли не быть лично знакомы с Графом, а действовали строго через контакт с Сычом. Именно поэтому, даже несмотря на непреодолимое желание побыстрее взять главаря, Юрий Владимирович вынужден был пока оставить все, как есть.

Достав из ящика стола все тот же листок бумаги,

на котором еще несколько дней назад он нарисовал схему преступления, где обозначал подозреваемых отдельными фигурками, Рыжов внимательно взглянул на свои записи, обвел несколько человечков кружочками. После чего свел их едиными линиями между собой и, присоединив к фигурке, по размерам чуть превышающей всех остальных, нарисовал над ней большой жирный знак вопроса.

Телефон задребезжал так, что заставил полковника вздрогнуть от неожиданности.

Подняв трубку, он услышал голос майора.

— Они появились, товарищ полковник, — предельно лаконично, без лишних объяснений, проговорил Шведов. — Вязли такси и двигаются в сторону Ленинградского вокзала.

— Так, майор! Будь внимателен! Вполне возможно, что они едут за деньгами, а значит, где-то там должен находиться и Сыч. Если это так, действуйте, как договорились. Сыча не трогать, а этих хорьков взять с поличным. И не забудьте, что все надо снимать на видео. Особенно, когда они будут выходить из камеры хранения.

Время летело настолько быстро, что, глянув на часы, Рыжов искренне удивился. Стрелки уже приближались к одиннадцати.

На календаре значился четверг, который не только Рыжов, но и все начальники отделов называли «чистым». Это стало традицией по одной простой причине, что именно в четверг начальник управления проводил у себя в кабинете еженедельные совещания. На нем каждый из руководителей отчитывался о проделанной работе, и, что было самым интересным, независимо от того, как она была выполнена, он получал за нее такой нагоняй, что бедняге впору было прова-

литься сквозь землю. И, хотя каждый морально был готов к нахлобучке, все равно, когда подходила очередь седовласых полковников с большими звездами на погонах получать нагоняй, у них невольно начинали дрожать руки.

Сегодня Рыжов решил изменить своим правилам. Он не пошел ни на обед в столовую, ни на прогулку по улицам города, а остался сидеть у себя в кабинете, так как в любую минуту мог поступить звонок от Шведова.

«Кстати! Пора бы уже и позвонить, — глянув на часы, подумал Юрий Владимирович. — Как-никак, почти час прошел после того, как Грач с Хлыстом вышли из дома».

И, словно подслушав его мысли, на пульте вспыхнул красный огонек.

— Товарищ полковник! Они взяли со стоянки «Газель» Сыча и сейчас двигаются в направлении МКАД, — проговорил майор, но тут же замешкался и уже через несколько секунд взволнованным голосом добавил: — Нет! Нет! Они останавливаются. Идут к шашлычной. Похоже, проголодались сволочи.

Положив трубку, Рыжов задумался: «Значит, все-таки я был прав. Граф задумал что-то особенное. Иначе зачем он приказал Грачу с Хлыстом забрать машину. Интересно! Интересно! В какую такую игру он решил сыграть со мной напоследок?»

До начала совещания был еще только один звонок от Шведова. Майор сообщил, что Хлыст и Грач вернулись к машине.

— Дремлют, товарищ полковник. Похоже, кого-то ждут.

— А может быть, звонка? — не замедлил поделиться идеей Рыжов.

— Может, и звонка.

— Кого бы они ни ждали, держите паршивцев в поле зрения. И не проколите там, а то испортите всю обедню, — бросил напоследок Юрий Владимирович и положил трубку.

Совещание было в полном разгаре. Началось оно ровно в три, а часы с боем, стоявшие в самом дальнем углу кабинета, уже показывали ровно четыре.

Обычно во время таких представительных собраний, как правило, отключались все телефоны, причем не только те, что стояли на столе начальника управления, но и в первую очередь сотовые, находящиеся в карманах подчиненных. И лишь только в крайних случаях, когда в том или ином вопросе возникала необходимость непосредственного участия генерала, в кабинет входила секретарша и интригующе показывала глазами на телефон.

Никто и не предполагал, что этот самый крайний случай наступит меньше чем через минуту, и уж тем более никто не мог подумать, по какому поводу все та же секретарша, вбежавшая с испуганными глазами в кабинет, произнесет уже знакомую всем фразу: «Сергей Федорович! Вас к телефону. Срочно!»

Начальник управления понимающе кивнул и, подойдя к столу, поднял трубку. После непродолжительного молчания, во время которого все присутствующие, затаив дыхание, переглядывались друг с другом, генерал вдруг прогремел: «Они что там, совсем охренели?» Еще почти минуту он выслушивал донесение, после чего, отдав необходимые распоряжения, обвел взглядом офицеров:

— Итак, товарищи, поздравляю. У нас еще одно ЧП. Только что позвонил неизвестный и сообщил, что поезд Москва — Париж заминирован. Состав отбыл от вокзала пять минут назад и в данный момент еще находится в Москве. Сразу говорю, высадить пассажиров нельзя, потому что есть угроза, что поезд будет тут же взорван. Кроме того, преступник предупредил, если состав будет выведен за пределы столицы, он также приведет свою адскую машинку в действие. Я думаю, никому не надо объяснять, что все это означает. В заложники взяты пассажиры, кроме того, угрожает опасность прилегающим к железнодорожному полотну районам города. Пока неизвестны требования преступника, но уже по всем его действиям ясно, звонок этот непростой и далеко не баловство телефонных хулиганов. Дело очень серьезное. Поэтому на сегодня совещание объявляю закрытым. Всем разойтись по отделам. Провести соответствующий инструктаж с подчиненными и ждать распоряжений. Полковника Рыжова прошу задержаться.

После того как кабинет опустел, генерал махнул Юрию Владимировичу рукой:

— Давай подсаживайся поближе. Поговорить надо.

Не успел Юрий Владимирович занять место по правую руку от стола начальника управления, как тот поднял на него глаза и спросил:

— Что скажешь, полковник?

— Сразу и не поймешь, кто бы мог это сделать, — ответил Рыжов. — Хорошо бы знать требования преступников, после чего уже можно было бы и строить предположения. Хотя для начала я бы выяснил, нет ли в числе пассажиров кого-нибудь из, так скажем,

представительских лиц, чтобы на всякий случай исключить политические мотивы. И потом, надо проверить наличие взрывчатки. Вдруг это блеф или, скажем, заминирован только один вагон, а не весь состав.

— По поводу взрывчатки все ясно. Группа саперов ФСБ уже выехала на место. Насчет политического заказа проверим. Версию не исключаю, но думаю, что здесь нечто другое. И это самое «другое» хотелось бы услышать от тебя. Из твоих подопечных никто не может такой фокус выкинуть?

— Ну, если бы в поезде везли миллионы или, так скажем, какие-нибудь драгоценности, то да. Вариант вполне возможен. А просто так, ради получения выкупа, да еще с государства, это вряд ли. Мой контингент — люди правильные, законы чтят строго, хотя и воровские. Грабануть какую-нибудь личность или тот же поезд, только без всяких там заложников, — это пожалуйста, а вот поиграть в террористов, да еще с государством, — это увольте. Не тот профиль, товарищ генерал. Здесь надо копать глубже. А это уже, я так полагаю, дело ФСБ.

— Ладно, — полностью соглашаясь с рассуждениями полковника, выразительно кивнул Сергей Федорович. — Ты давай, Юрий Владимирович, ступай к себе. Как только что-либо прояснится, я сразу же выйду на связь. Договорились?

— Хорошо, товарищ генерал. Договорились. — Рыжов поднялся и вышел из-за стола. — Только для начала я хотел бы выяснить, нет ли в этом поезде нечто такого, что могло бы заинтересовать моих подопечных?

Информация о том, что уже за Москвой, на разъ-

езде за шестидесятым километром к составу, следующему до Парижа, должен был присоединиться вагон с выставочной коллекцией картин из Дрездена, заставила Рыжова сразу же вспомнить о Графе.

— Ну вот. Кажется, началось. Нечто подобное я и ожидал сегодня услышать.

Невольно вздохнув, Юрий Владимирович снял с аппарата трубку и набрал номер телефона Шведова.

— Ну что там у тебя? — несколько раздраженно обратился он к майору, искренне удивляясь, откуда вдруг в душе появилась злость. Может быть, оттого, что какое-либо бездействие всегда заставляло его нервничать и строить всевозможные, подчас просто нелепые предположения. Хотя вполне его могло вывести из себя и то, что Граф постоянно держал его в напряжении. Стоило только приблизиться к нему вплотную, как тут же происходило нечто такое, что заставляло бегать по кругу.

— Спят гады, — почувствовав недовольство полковника, в тон ему проговорил Сергей.

— Тогда передавай своих подопечных кому-нибудь из ребят и двигай на вокзал. Там тебя будет ждать Чернов. Он и введет в курс дела.

— Что-то случилось, товарищ полковник?

— Случилось. Бомба в поезде, следующем до Парижа.

— Что? Бомба? Какая еще бомба? — совершенно ошалевший от услышанного, переспросил майор.

— Самая обыкновенная. Позвонил неизвестный и пригрозил, что взорвет состав, если мы его остановим в черте города и высадим пассажиров.

— А что ему надо?

— Кто его знает, что. Тут дело в другом. Сдается

мне, что это опять Граф резвится. Похоже, он вновь какую-то игру затеял.

— А что, есть на то основания?

— Есть. Нутром чую, его рук дело. К тому же в данную минуту неподалеку от Москвы этот самый поезд ожидает вагон с картинами из Дрездена. Там сплошь одни шедевры, а уж сколько они стоят, я думаю, тебе объяснять не надо.

— А охрана в вагоне есть? — не отставал с расспросами Шведов.

— Наверняка есть. Как же без охраны. Не знаю, правда, сколько, но это уже и неважно. Помнится мне, что в броневике с деньгами тоже были люди с оружием...

Уже по пути на вокзал Рыжов получил информацию о том, что преступник потребовал от государства два миллиона евро, причем на обдумывание и принятие решения он дал всего лишь четыре часа. Кроме того, дополнительно было выставлено еще одно условие, а именно то, что он держит на контроле все, что происходит в поезде, и, если кто-либо вздумает хотя бы прикоснуться к найденной взрывчатке, он тут же взорвет весь состав. По первому визуальному осмотру вагонов, под их днищами саперам удалось обнаружить несколько очень даже похожих на взрывчатку предметов. Все они были размещены так, что в случае взрыва все двенадцать вагонов могли сойти с рельсов и в одно мгновение превратиться в груды металлолома. Проверить, имеется ли в этих закладках взрывчатка, не представлялось возможным по одной простой причине: для этого к ним надо было приблизиться вплотную со специальным прибором, но преступник, предусмотрев и этот шаг, своим последним

условием полностью лишил представителей власти данной возможности.

Каким образом он намеревался провести передачу денег, преступник пообещал сообщить сразу же, как только будет принято решение.

Не успел Юрий Владимирович выключить телефон, как тут же последовало новое сообщение о том, что Грач с Хлыстом после продолжительной спячки выехали на трассу и сейчас направляются в сторону Рублевки.

Для Рыжова данное известие было полной неожиданностью, и сейчас, пребывая в полном недоумении, он никак не мог связать воедино все то, что происходит на железной дороге, с действиями подельников Графа. Однако в том, что и то, и другое имеет связь, он не сомневался ни секунды.

Время перевалило уже за семнадцать часов, когда Юрий Владимирович прибыл на вокзал, где уже находились сотрудники ФСБ, а также еще целый ряд представителей власти, включая и вездесущих депутатов Государственной думы. Судя по всему, информация еще не смогла основательно просочиться в ряды журналистов, ибо всего лишь два человека сновали с камерами по перрону, пытаясь хоть что-то вынюхать у столь представительных дядечек, чинно выхаживающих вдоль железнодорожного полотна.

Выяснив, кто из машинистов обслуживал поезд, Рыжов не услышал фамилию Круглов, что его несколько удивило. Но все тут же встало на свои места, когда, запросив сведения по поводу вагона с картинами, он прочитал в отчете фамилию Круглова. Стрелочник участвовал в преступлении.

В двух словах объяснив ситуацию подполковнику ФСБ Мельникову, которому, так же как и Рыжову,

было поручено вести это дело, они, разложив карту района прямо на капоте машины, быстро определили место нахождения вагона из Дрездена.

— Здесь! — уверенно ткнул пальцем в карту Юрий Владимирович.

Быстро связавшись по сотовому со Шведовым, который в эту минуту вместе с Черновым находился в тепловозе,двигающемся к месту стоянки злополучного вагона, он сначала сообщил им о том, что нет связи ни с людьми, сопровождающими картины, ни с машинистами, затем спросил:

— Примерно через сколько вы будете на месте?

— Машинист говорит, что минут через двадцать, не раньше, — последовал ответ майора.

— Тогда будьте внимательны и, если вам навстречу попадетсЯ любой агрегат,двигающийся по рельсам, немедленно останавливайте его и проверяйте.

После разговора с Сергеем Рыжов вновь устремил свой взгляд к карте и обвел прилегающий к месту стоянки район карандашом. Он хотел позвонить начальнику ГИБДД Москвы с тем, чтобы перекрыть автомагистрали в данном направлении, причем все, через которые преступники могли просочиться в столицу, но вдруг задумался.

Прикинув, сколько минут понадобится бы Графу для того, чтобы ограбить вагон, а также приплюсовав сюда время движения по трассе до Москвы, Рыжов машинально отнял час с лишним. Именно столько прошло с той самой минуты, когда он узнал о минировании поезда. Получив результат, Юрий Владимирович понял: шансы схватить преступников при подъезде к столице были ничтожны. И он отказался от звонка начальнику ГИБДД.

«А с чего это я решил, что Граф непременно воз-

вернется в столицу? Он наверняка думает, что Рыжов успел перекрыть все дороги, ведущие в Москву».

Неожиданно родившаяся мысль в одно мгновение заставила Юрия Владимировича вспомнить о том, что Грач с Хлыстом сейчас двигаются в сторону Рублевки, и наверняка не просто так, а с определенной целью. И цель эту поставил перед ними все тот же Граф.

Стоп! Стоп! — заставил себя сосредоточиться Рыжов. Уж не поэтому ли Граф отдал им грузовик и приказал в условленное время находиться именно там, а не в Москве?

Быстро связавшись с машиной сопровождения «Газели» и удостоверившись, что грузовик на самом деле уже въехал в Рублевку, он также был крайне удивлен и в то же время обрадован известием о том, что Хлыст и Грач находятся не где-нибудь, а в самой близости от дачи господина Левицкого. К тому же один из подельников Графа в данную минуту уже покинул машину и совершает обход владений Хамелеона по периметру всего ограждения.

«Значит, все-таки Левицкий», — покачав головой, подумал Рыжов, сядя в машину и приказывая водителю взять курс в сторону Рублевки.

В надежде, что там ему удастся лично взять Графа, причем с поличным, Юрий Владимирович настолько увлекся этой идеей, что сообщение Шведова о совершении нападения на вагон, следующий в Германию, по той схеме, что и на броневик инкассаторов, не произвел на него слишком уж ошеломляющего впечатления. Мало того, Рыжов был заранее уверен, что и на этот раз Граф использует все тот же свой излюбленный прием с газом. Поэтому, внима-

тельно выслушав доклад майора, он сразу же выдал ему соответствующие указания:

— Пусть тот специалист, который сопровождает картины, проверит, все ли они на месте. Да, и на случай подмены оригинала копией тоже пусть не очень обольщается. Если за это дело взялся Граф, то наверняка он успел подготовиться к нему более чем основательно.

Решение о том, чтобы выполнить условия, выставленные преступниками, было принято гораздо раньше установленного времени. Основной причиной этому было то, что большая часть пассажиров, следующих до Парижа, состояла из иностранцев, которые вот уже почти полтора часа находились в своих купе. Кроме того, обстановку еще больше усугубляло то, что двери вагонов были заперты, а проводники, так же как и пассажиры, не обладали никакой информацией по поводу непредвиденной стоянки. Взрыв эмоций заложников произошел тогда, когда они увидели за окнами своих вагонов военных, расхаживающих вдоль перрона с автоматами наперевес и с собаками на поводке. И хотя почти во всем составе еще каким-то чудом удавалось сдерживать негодование пассажиров, то в МИДе России от количества звонков телефоны просто разрывались на части. Высокопоставленные лица из посольства и разного рода иностранных организаций названивали в секретариат с единственной целью — узнать, что же все-таки случилось. Почему состав вот уже почти час стоит на месте без каких-либо объяснений по поводу происходящего пассажирам. Уж чего-чего, а скандала, да еще международного, правительству России в данный период хотелось меньше всего. Да и два миллио-

на евро, деньги, по нынешним меркам, были не настолько большими, чтобы из-за них можно было рисковать авторитетом страны. Поэтому без каких-то особых промедлений было решено заплатить террористу, отправить состав дальше в указанном направлении и уж только потом разбираться с преступником по всей строгости действующего закона.

Решение решением, но принять его — это одно, а передать по назначению — совсем другое. Выходивший на связь каждые полчаса преступник почему-то в очередной раз не дал о себе знать, чем очень даже заставил понервничать всех тех, на ком лежала ответственность за быстрое разрешение ситуации. Задержка поезда приближалась уже к двум часам, соответственно, и обстановка в вагонах накалилась до того самого предела, когда оставался всего лишь один шаг до всеобщей истерии. Тогда было принято решение, что, если в ближайшие полчаса преступник не выйдет на связь, начнется немедленная эвакуация всех, кто находился в поезде. Для этого со станции в срочном порядке вышел еще один, точно такой же состав, который и должен был забрать всех пассажиров.

Рыжов, узнав обо всем этом, сначала очень даже удивился, почему Граф не стал действовать дальше. Но, обстоятельно поразмыслив, пришел к выводу, что это нормальный и, главное, объяснимый шаг преступника. По всему было ясно, что на этот раз целью его были не деньги. Всем этим спектаклем с пассажирским составом он собирался решить только две самые важные для него проблемы: задержать поезд, чтобы он вовремя не смог прибыть на место присоединения к нему вагона с картинами, и отвлечь внимание Рыжова от дела с инкассаторами. По всей ви-

димости, он уже успел почувствовать, что полковник идет по его следу, а значит, необходимо было сделать что-то такое, что могло бы сбить его с толку, а значит, почти гарантировать успех в ограблении вагона.

«Выходит, и тут он меня переиграл, — подумал Юрий Владимирович и уже было собрался психануть, как вдруг другая мысль не позволила ему это сделать, заставив сосредоточиться на другом, не менее главном вопросе: — Но что же его заставило вдруг насторожиться? Неужели мой разговор с Воронцовым? Ведь, только исходя из этого, можно было понять, что я сумел вычислить того, кто совершил ограбление броневика. А может быть, Сыч, который вдруг ни с того ни с сего бросил свой грузовик на стоянке возле вокзала? Так поступить он мог только лишь при условии, что обнаружил за собой слежку. Но это было буквально вчера, а свое второе преступление Граф явно готовил не один день. Нет. Скорее всего, первая цель стала следствием второй. И наверняка именно это в какой-то степени и сыграло на руку Графу. Все это крутилось в голове Рыжова и на протяжении того недолгого пути, который ему оставалось преодолеть до въезда на территорию знаменитого поселка Рублевка, или, как его за глаза окрестили москвичи, «кладбища богатых».

Глянув на часы, Юрий Владимирович, вдруг неожиданно для себя самого, и особенно для водителя, проговорил вслух:

— Осталось семь минут.

— Вы что-то сказали, товарищ полковник? — не расслышав всей фразы полностью, на всякий случай переспросил шофер.

— Нет. Ничего. Так. Размышления вслух.

На самом же деле, зная о решении руководства, по истечении условленного времени начать эвакуацию пассажиров, Рыжов ждал, последует ли еще какой-нибудь выпад со стороны того, за кем он гоняется вот уже почти две недели. И хотя Юрий Владимирович был уверен, что на этот раз он оказался прав и объявление о том, что поезд заминирован, это всего лишь очередной блеф Графа, он вдруг почувствовал, как малюсенький червячок сомнения рьяно начал грызть его душу. Будь на месте Графа какой-нибудь другой человек, вполне возможно, у полковника не возникло бы даже намека на сомнения, однако, прекрасно зная отношение вора к разного рода авантюрным играм, особенно когда на банк поставлены огромные деньги, вполне возможно, что он не упустит еще один вариант сорвать куш.

Оставалось чуть меньше минуты, когда в машине вновь загудел телефон, и, уже протянув к нему руку, но еще не успев снять трубку, Рыжов совершенно отчетливо почувствовал, как мучающие его сомнения вдруг сразу стали настоящей реальностью.

— Преступник позвонил две минуты назад, — четко, как и подобает военному, начал с самого основного полковник ФСБ. — Приняв решение руководства о выплате запрошенных им денег, он объяснил порядок их передачи.

— И как же он намерен это осуществить? — не удержавшись, перебил Мельникова Рыжов.

— Проще, чем ты думаешь, Юрий Владимирович. Оказывается, между пятым и шестым вагоном уже заранее было установлено некоторое специальное устройство. Это означает, что преступник заранее предвидел исход ситуации, потому готовился доиграть свой спектакль до конца, пока не закроется

занавес. Находится это приспособление в том самом месте, где соединяются друг с другом замки вагонов. Это что-то вроде небольшого куска трубы, внутри которой продернута проволока. Снизу к ней прикреплен самый обычный карабин, точно такой же, каким пользуются альпинисты в горах. А сверху эта самая проволока соединена с небольшим пластмассовым набалдашником. Штука эта со стороны очень даже напоминает детский мячик. Он удерживает эту самую проволочку, чтобы она не провалилась вниз. По требованию этого гада деньги надлежит сложить в портфель и пристегнуть его к карабину, что висит на этом устройстве.

— Значит, выходит, что стоит только сбить чем-нибудь этот самый набалдашник, как проволока тут же провалится внутрь, и портфель с деньгами упадет на шпалы.

— Совершенно верно. — Довольный тем, что Рыжов быстро уловил мысль, фээсбэшник усмехнулся. — Вот только никто не знает, где и когда это случится.

— Хитро, — мысленно представляя себе устройство, проговорил Рыжов. — Это можно проделать на любом участке, где поезд уменьшает скорость своего движения до минимума. Ударить по шарiku чем-нибудь тяжелым, например палкой, и все дела. Поезд ушел, а деньги остались на рельсах.

— Конечно, можно было бы отправить следом за составом группу захвата и ждать преступника на протяжении всего пути, но он предусмотрел и этот вариант. Предупредил, что если за составом будет идти еще один тепловоз, то он взорвет вагоны, к чертовой матери.

— Кто предупредил? — Находясь в раздумьях,

Юрий Владимирович на некоторое время потерял нить разговора, и от этого вопрос его выглядел, мягко говоря, нелепо.

— Как кто? Преступник, конечно, — удивленно повторил Мельников.

— И как отреагировало на данное условие руководство?

— Приказано ограничиться размещением наших людей по вагонам и на тех участках, где железнодорожное полотно будет проходить в непосредственной близости от трассы, установить машины с группами быстрого реагирования.

— Бессмысленно. Судя по тому, как все продумано, преступник не дурак, ждать, когда его схватят за руку, не будет. Наверняка он все сделает так, что у него будет время и деньги с поезда сдернуть, и успеть с ними смыться.

— Я тоже так считаю. Но сам понимаешь, руководство переубеждать — себе дороже. Поэтому пусть уж лучше будет хоть какое-то действие, чем полное бездействие.

После того как Мельников положил трубку, Юрий Владимирович еще долго размышлял над всем услышанным. Это настолько заняло его мысли, что он даже не заметил, как машина остановилась и они уже почти минуту стоят возле автозаправочной станции. Опомнившись, Рыжов встряхнул головой, словно хотел этим избавиться от мешающих ему сосредоточиться мыслей. Столько всего вдруг навалилось на его голову, что вот так, с ходу, сообразить, каким будет следующий ход Графа, он пока был просто не в состоянии. С одной стороны, этот поезд с вагоном и уже явно украденной картиной, а то, может, и двумя. С другой, Хлыст и Грач, зачем-то прибывшие на дачу

к Левицкому, Граф с деньгами банка и шедевром из Дрезденской галереи, а теперь еще и эта замысловатая комбинация с передачей денег.

— Слушай, Валера! У тебя закурить есть? — повернул голову в сторону водителя Рыжов.

— Так вы же не курите, товарищ полковник. — Несколько удивившись, тот достал из кармана початую пачку сигарет и протянул ее начальнику.

— Тут не только закуришь. Запить и то не грех было бы.

Прикурив, Юрий Владимирович еще пару минут смотрел в открытое окно, с одинаковыми интервалами выпуская в открытое пространство сизые струйки дыма. Наконец, когда тошнота подкатила к горлу, он выбросил окурочек и вновь взялся за телефон.

Шведов отозвался не сразу. Заставив Рыжова несколько раз переложить телефон из руки в руку, он все же вскоре дал о себе знать запыхавшимся, не лишним раздражения голосом:

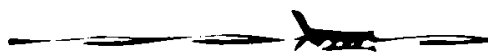
— Алло! Майор Шведов слушает.

— Коротко. Что у тебя там? — строго, сознательно обозначая значимость разговора, проговорил в тон подчиненному Юрий Владимирович.

— Как вы и предполагали, товарищ полковник, одну картину все-таки украли. Они ее подменили. И если бы положили в ящик не вверх тормашками, то все бы прошло гладко. Как этот немец, я имею в виду специалиста, сказал, копия сделана на высшем уровне. Определить подделку смогла бы только экспертиза.

— Картину только одну свистнули? Или что-нибудь еще прихватили?

— Только одну. И, по утверждению того же самого немца, преступники шли целенаправленно, а точ-

нее будет сказать, именно за этой картиной, которую и украли. Среди всей коллекции есть шедевры, которые на мировом рынке котируются гораздо дороже, чем та, что пропала. И кстати, несколько таких картин находилось в том же ящике.

— Это понятно. Потому и тащили с собой копию. Хотели бы просто грабануть, взяли бы как минимум несколько.

— Выходит, был заказ.

— Выходит, так, — тяжело вздохнул Рыжов. — И что? Действовали они все по той же схеме? Усыпили всех? Вошли в вагон? Взяли, что надо, и ушли?

— Совершенно точно, товарищ полковник. Все, как в прошлый раз.

— Какие-нибудь свидетели есть?

— Нет. Все чисто. Никто никого не видел. Правда, тут в километрах трех от места ограбления садоводческий кооператив находится, так вот один из его членов, когда на огород к себе ехал, обгонял какую-то черную «Волгу». Она как раз сворачивала с трассы в сторону железнодорожного переезда. Раньше он эту машину здесь не видел.

— Номер случайно не запомнил?

— Нет, товарищ полковник, не запомнил. Говорит только, что «Волга» слишком медленно ехала. Он еще удивился, чего это она так ползет, и вынужден был на своем старом «москвичонке» обогнать столь серьезный автомобиль.

— Ладно. Давайте заканчивайте и двигайте в Москву. Встретимся в управлении. Как только будете подъезжать к городу, позвони. Вдруг, какие вопросы возникнут.

Шведов по-военному отрапортовал: «Есть!» — и тут же отключил связь.

С картиной все было ясно. Кража состоялась, и никуда от этого не денешься. Единственное, что успокаивало, это была абсолютная ясность в том, что Граф действовал по заказу, а значит, был кто-то еще, кто разбирался в живописи. Вполне возможно, что этим самым «кем-то» являлся не кто иной, как господин Левицкий, так как он единственный из всей этой компании имел пристрастие к старинной живописи. Может быть, поэтому и находятся сейчас здесь Грач с Хлыстом. По крайней мере в этом есть хоть какой-то смысл и даже прослеживается связь.

Столь убаюкивающий вывод несколько смягчил разочарования Юрия Владимировича, заставив его из всего, что навалилось за последние часы, выбрать самое основное.

Итак, в Рублевке должен появиться Граф. При чем с минуты на минуту. Подумав об этом, Юрий Владимирович вновь взялся за телефон.

Глава 16

СТРЕЛОК

До Москвы оставалось не более десятка километров, когда Граф, выбрав наиболее удобное место, принял вправо и совсем скоро свернул в небольшой карман, специально организованный строителями автодорог на случай непредвиденной остановки автомобилей.

— Дальше поедешь на такси, — глянул он на Тромбона в зеркало заднего вида. — Там неподалеку около дачи твоего отца тебя ждут Грач с Хлыстом. Они находятся в «Газели». Пересадить их в свою машину, и вместе въедете на территорию дома. На слу-

чай каких-либо вопросов со стороны Хамелеона объяснишь ему, что это твоя охрана, а на ее присутствии настоял именно я. Постарайся, чтобы они тоже вместе с тобой смогли пройти в дом. Отдашь Левицкому картину и на той же самой тачке отвалишь в Москву. Также передай отцу, что завтра ровно в четырнадцать часов я буду ждать его звонка. Никаких задержек, отговорок или каких-либо там неожиданно открывшихся обстоятельств. Не будет в назначенное время звонка, пусть молится за упокой души. Придавлю, как крысу.

И еще, как только окажешься за воротами, Грач с Хлыстом пересеядут в «Газель». Ты же выйдешь у ближайшей станции метро, и постарайся не притащить за собой «хвост». Прежде чем объявишься у нас, позвони откуда-нибудь. Сыч за тобой присмотрит.

Получив все необходимые указания, Тромбон тут же, как только было остановлено идущее в сторону Москвы такси, вышел из машины, не забыв прихватить с собой упакованную в полиэтилен картину, и занял место рядом с водителем. «Газель», как и обещал Граф, ждала его буквально в нескольких десятках метров от дачи отца. Умело спрятавшись за поворотом, она на первый взгляд не подавала никаких признаков жизни, но, как только поравнявшиеся с грузовиком «Жигули» несколько раз просигналили, из нее моментально выскочили Грач с Хлыстом и, ни слова не говоря, нырнули на заднее сиденье. До дачи ехали молча, словно все, о чем можно было поговорить, уже было пересказано давным-давно, а потому все трое ограничились понимающими взглядами, и не более того. Как только такси достигло ворот, Левицкий тут же вышел из машины. Навстречу ему уже вышагивал здоровенный охранник в черной, похожей

на эсэсовскую, форме. Вид у него был грозный. Увидев сына хозяина, охранник, расплывшись в улыбке, остановился и, проговорив что-то в небольшую рацию, которая болталась у него справа, прикрепленная к нагрудному карману куртки, махнул рукой стоявшему у ворот товарищу:

— Открывай. Свои.

Въехав во двор и встав под навес, водитель глянул на пассажира, сидящего рядом.

— Жди. Сейчас разгрузимся и поедem в Москву, — опередил его Тромбон. — Не переживай, в обиде не будешь.

Как только все трое оказались на крыльце, из дома навстречу им вышел сам Левицкий.

— А это кто такие? — Непонимающе обведя взглядом гостей, он вопросительно взглянул на сына.

— Граф приказал. Это его люди. Они должны присутствовать при нашем разговоре. Видать, по поводу этого, — Тромбон выразительно похлопал по полиэтиленовой упаковке, в которую была завернута картина. — Боится, как бы ты с ним не проделал тот же фокус, что он час назад проделал с выставочной коллекцией из Германии.

— Значит, не доверяет? — скептически улыбнулся Хамелеон.

— Выходит, что так.

— Ну что же, и правильно делает. В наше время даже самому себе и то доверять опасно, не говоря уже о чужих.

Пропуская вперед гостей, Хамелеон еле заметным жестом дал команду стоявшему чуть в стороне человеку в такой же форме, как и охранники у ворот. Тот понимающе кивнул и, спустившись вниз, на вся-

кий случай предложил таксисту загнать машину в гараж.

— Как все прошло? — заняв место в кресле напротив сына, проговорил Илья Вениаминович, как только Грач с Хлыстом расположились рядом на диване.

— Нормально, — без лишних объяснений протянул отцу картину Тромбон.

Тот поднялся с кресла и, прижав к груди шедевр, словно это был грудной ребенок, обвел взглядом всех присутствующих. — Прошу, господа, не скучать. Мне необходимо на несколько минут удалиться, чтобы кое с кем поговорить.

С видом победителя и откровенным блаженством на лице Хамелеон хотел уже было направиться в сторону кабинета, как вскочивший с места Хлыст тут же перегородил ему дорогу.

— Только в нашем присутствии.

Это было сказано с таким видом, что Левицкому ничего не оставалось, как подчиниться и остаться стоять на месте. Однако, как хозяин дома, он не мог вот так сразу смириться с приказным тоном человека, которого вообще видел впервые, поэтому, прикинув в уме, как следует поступить в сложившейся ситуации, на всякий случай решил предпринять хотя и маленькую, но все-таки попытку не подчиниться.

— Но мне необходим для этого инструмент — лупа, скальпель и еще кое-что, — вялым, неуверенным голосом возразил он.

— Значит, или вы все, что вам нужно, принесете сюда, или мы пойдем с вами, — присоединился к товарищу Грач. — Таков приказ Графа, и мы должны его выполнить в точности.

— Ну что же, — после некоторого раздумья выну-

жден был согласиться Хамелеон. — В таком случае вам придется некоторое время подождать.

Как только хозяин дома удалился, Хлыст, глянув на Грача, показал ему пальцем на видеокамеру, медленно, из стороны в сторону крутившуюся над их головами. Точно такая же мигала зеленым огоньком в противоположной стороне комнаты и еще две по углам. Кроме того, один охранник стоял лицом к гостям, перекрыв своей широкой спиной центральный выход, и еще один контролировал дверь, за которой только что исчез их хозяин. Все трое, находясь в ожидании Ильи Вениаминовича, больше не проронили ни слова, прекрасно понимая, что каждое их слово записывается, и явно все будет просматриваться после того, как гости покинут этот неприветливый дом. Хамелеон появился уже минут через пять. Быстро распаковав картину, он долго, по-стариковски прищмокивая губами, рассматривал ее в лупу, после чего, повернув к себе тыльной стороной, почти столько же времени изучал заднюю часть холста, неоднократно скобля по нему скальпелем. Наконец, после того, как несколько капель какой-то бесцветной жидкости упали на самый краешек картины и тут же под огромным увеличительным стеклом было рассмотрено действие данного препарата, он, расплывшись в довольной улыбке, обвел всех присутствующих взглядом и, положив картину на журнальный столик, произнес:

— Ну что же, теперь после того, как я убедился, что это на самом деле подлинник, можно обсудить и наши дальнейшие дела.

— Завтра, ровно в четырнадцать часов, Граф будет ждать твоего звонка, — не глядя на сопровождение, проговорил Тромбон. — Он также просил пере-

дать, что все должно состояться точь-в-точь, как вы и договаривались. Иначе....

— Иначе он отрежет мне голову, — не дал договорить сыну Илья Вениаминович.

— Что-то в этом роде, — в знак подтверждения не замедлил кивнуть тот.

— Я вижу, что переговоры подошли к концу? — поднялся с дивана Грач. — Картину вы принимаете, и, я так думаю, в дальнейшем уже никаких непредвиденных обстоятельств не последует?

— Не последует. — Вслед за гостями встал и Илья Вениаминович.

— По деньгам, надеюсь, вам тоже все ясно? — Не замедлил внести свою лепту в последние напоминания Хлыст. — Это я так говорю, на всякий случай, чтобы потом не пришлось встречаться где-нибудь в более неприятном месте.

— В милиции, что ли? — рассмеялся Хамелеон, пытаясь перевести столь серьезный разговор в шутку.

— Нет, — принимая вызов и улыбнувшись так, что у Левицкого мгновенно похолодело в душе, проговорил Хлыст. — На кладбище.

В тот день Леха проснулся гораздо раньше, чем обычно. И не потому, что он выспался, хотя уснул непозволительно поздно, просто он практически всю ночь провалялся с открытыми глазами, уставившись в потолок, думая думы о своей будущей жизни, о Кате и ее отце. Похоже, организм сам не мог больше заставить себя спать, когда все внутри тряслось и прыгало от волнения и желания поскорее прикоснуться к своему будущему счастью. От одной только мысли, что он без пяти минут миллионер, Леху всего разрывало внутри, и те его мечты, которые вот уже больше

месяца не давали ему покоя, наконец, шаг за шагом, становились самой настоящей реальностью, порождая такое чувство бешеной радости, что казалось, еще мгновение, и сердце вот-вот вырвется из груди.

Ровно в одиннадцать Воронцов был уже на месте и еще издали, увидев грузовик, поначалу резко прибавил шаг, затем, вспомнив наставления того же Сыча вести себя так, чтобы не привлекать внимания окружающих, вновь перешел на размеренный ритм движения.

— Небось рад, что время пришло бабки получать? — усмехнулся Сыч, как только Леха оказался в кабине и грузовик, не спеша выехав на дорогу, умело вписался в общий поток автомобилей.

— Есть немного, — соглашаясь, кивнул Воронцов.

— Так вот они, — для полной остроты ощущений ткнул кулаком в лежащую рядом спортивную сумку Сыч. — Можешь полюбоваться.

После продолжительного знакомства с тем, чем все последнее время были заняты мысли Лехи, парень вернул сумку на место и вопросительно взглянул на Сыча.

— Слушай, а куда мы едем?

— На вокзал.

— На какой еще вокзал? — не понял Леха.

— На Казанский.

— Зачем?

— Затем, чтобы сдать в камеру хранения твои деньги.

— Как это в камеру хранения? Ты же только что отдал мне их, — вцепился в сумку Воронцов.

— Затем, что так приказал Граф. Сдашь. Жетон отдашь мне, а квитанцию заберешь себе. Это на тот

случай, чтобы ты не смог без нашего ведома их получить. Граф свое слово держит. Как и обещал, деньги, вот они. Это — доля твоя, и никуда она от тебя не денется, но воспользоваться ты ею сможешь только через два дня.

— Почему только через два? — обескураженно промолвил Воронцов.

— Потому, что так будет лучше для нас всех. Два дня не два года, подождешь. — Сыч, чуть-чуть притормозив, показал правый поворот, свернул к обочине и, заставив грузовик замереть на месте, повернулся лицом к Лехе: — Хотя есть возможность получить их уже завтра, и, что самое интересное, сумма увеличится сразу на треть миллиона евро.

— На сколько? — округлив глаза, глянул на Сыча Воронцов.

— На треть миллиона.

— И что я для этого должен сделать?

— Но только никого не убивать, — заранее предугадал Сыч самые страшные опасения, которые вдруг ни с того ни с сего острыми иглами вонзились в голову Лехи. — Хотя один раз стрельнуть все-таки придется.

— Из чего стрельнуть?

— Ну не из рогатки же, — рассмеялся детина. — Из самой обыкновенной мелкашки.

— И в кого?

— Ни в кого, а во что, — поправил его Сыч.

Обо всем этом обстоятельно вспоминал Леха, сидя в небольшом сарайчике, рядом с которым проходила железная дорога. Вот уже почти час он находился в этой заброшенной лачуге, где пахло дровами,

мышами и березовыми вениками, теми самыми, что до сих пор, подобно новогодней гирлянде, висели под дырявой, почти провалившейся крышей. Мелкокалиберная винтовка была заранее спрятана здесь же, в сарае, под прогнившими досками. Новенькая, красивая, как игрушка, она была аккуратно завернута в полиэтиленовую пленку, и, как только Алексей развернул ее, на него сразу же пахнуло оружейным маслом. Судя по всему, еще никто и никогда не стрелял из этого оружия, так как не чувствовалось запаха пороха. Как только Воронцов оказался внутри сарайчика, он первым делом достал винтовку и, проверив прицел, выглянул в ту самую щель, в которую в самое ближайшее время ему надлежало просунуть узкий ствол новенького оружия. Сделав несколько пристрельных выстрелов в металлическую табличку, висевшую на телеграфном столбе, и, убедившись, что винтовка бьет точно, Леха вновь мысленно вернется к разговору с Сычом.

Поначалу, как только тот рассказал ему обо всем, что на этот раз задумал Граф, Алексей тут же, не задумываясь, высказал свое категоричное «нет». Однако чуть позже, вникнув во все подробности предстоящей работы, он, вдруг мысленно прикинув, насколько невелик риск по сравнению с теми деньгами, которые улучшат и без того его уже не слабое финансовое положение, он все же дал согласие на участие в деле. Предварительно, правда, не забыв взять с Сыча слово, что, как только все закончится, он тут же получит все причитающиеся ему деньги.

— Конечно, конечно, — поспешил успокоить его детина. — Братва — народ твердый и за базар отвечает. Поэтому стрельнешь. Портфель с рельсов поднимешь — и гуляй не хочу.

— А что, если не получится? Ну, например, не согласятся заплатить или еще чего-нибудь такое?

— Если это «чего-нибудь» случится не по твоей вине, то и спросу с тебя никакого не будет. Ну а коль промахнешься, считай, ты попал ровно на два миллиона евро. Чуешь, во сколько твой выстрел оценивается.

Желание отказаться в ту минуту было настолько велико, что казалось, оно вот-вот слетит с языка Алексея. Именно поэтому Сыч, мгновенно прочувствовав состояние парня, тихо, словно змея, заползающая под рубашку, прошипел, как ужалил:

— Даже не думай. Сказал «да», все! Точка.

И вот сейчас, лежа на полу, на предварительно постеленном на прогнившие доски старом покрывале, он до боли в глазах вглядывался в ту точку в пространстве, через которую должен будет пройти поезд. Судя по тому, что сразу после длинной вереницы выстроенных вдоль железнодорожного полотна гаражей рельсы поворачивают, можно было предположить, что здесь состав существенно замедлит ход. Это предоставляло Воронцову возможность основательно прицелиться и сделать точный выстрел. Таким образом, вероятность промахнуться уменьшается. Казалось бы, столь значительная уверенность должна была сыграть на руку Лехе, но он, к своему собственному ужасу, вдруг почувствовал, как у него от волнения трясутся руки.

«Выстрел ценою в два миллиона евро», — беспрестанно звучали в голове слова Сыча.

«Только этого мне не хватало», — подумал он и, задержав дыхание, постарался заставить остановиться нервную дрожь. Так всегда советовал поступать тренер, когда вдруг ни с того ни с сего перед началом

соревнований начинал бить такой озноб, что винтовка, словно заводная, прыгала в руках. Но, что было поразительно, стоило только Лехе выйти на рубеж и увидеть перед собой цель, как тут же к нему возвращалась уверенность и спокойствие, а от страха проиграть не оставалось ни малейшего следа.

Тепловоз, тащивший за собой вагоны, не бежал и не катился, он плелся, словно обреченный бык, которого ведут на бойню. Скорость была настолько мала, что Леха вдруг почувствовал такое же облегчение, как тогда, в «Газели», когда Сыч протянул ему сумку с деньгами. Удобно прижав приклад к плечу, он передернул затвор и замер в ожидании появления цели. Вот мимо прошел тепловоз, и Леха даже увидел в окне лицо машиниста. Затем поплыли первый, второй, третий вагоны, и вновь перед его глазами, как в замедленном кино, появлялись и исчезали силуэты снующих вдоль вагонов пассажиров. Цифра «пять» заставила Воронцова сконцентрироваться в единый сгусток энергии. Он еще не видел этого детского мячика, но уже совершенно отчетливо представлял себе, как тот плавно покачивается по ходу движения вагона.

Цель появилась неожиданно, словно перед Лехой мелькнул его любимый «бегущий кабан», и надо было успеть сделать подряд несколько выстрелов. Нажав на спусковой крючок, он ожидал услышать характерный щелчок, но того почему-то не последовало. Вновь еще одно нажатие — крючок не шевелился. Паника, испуг и нечеловеческий страх в одно мгновение схватили Воронцова за горло, да так, что он с трудом сумел перевести дыхание. Мячик плыл, а он все жал и жал на крючок, который по-прежнему оставался неподвижным. Не представляя, что могло

произойти, он лихорадочно попытался передернуть затвор, но и тот наотрез отказывался подчиниться. Казалось, еще мгновение, и земля провалится под Алексеем, увлекая его в огромную зияющую черной дырой пропасть. И тут его пронзила мысль о том, что он не снял винтовку с предохранителя. Уже в следующую секунду нажав на необходимую кнопку предохранителя, Алексей совершенно спокойно поймал на мушку грозившую навсегда исчезнуть цель и в последний раз нажал на все тот же неукротимый спусковой крючок. Мячик тут же слетел и покатился по шпалам. Следом за ним провалился под колеса и портфель с деньгами, который Воронцов увидел лишь только сейчас, когда вздох облегчения непроизвольно вырвался из груди. Убрав в сторону винтовку, он смахнул ладонью со лба пот и уронил голову на сложенные перед собой руки. В таком положении он находился до тех пор, пока звук стучащих по рельсам колес не стал удаляться от него все дальше и дальше. После того как нервная дрожь понемногу улеглась, Алексей вновь глянул в узкую щель. Убедившись, что одиноко лежащий на шпалах предмет находится на месте, он не спеша протер тряпочкой винтовку и, упаковав ее в тот же самый полиэтилен, спрятал на прежнее место.

Действуя строго по инструкции, Лехе надлежало примерно еще минуты три находиться в сарае, причем без каких-либо движений. И только после того, как он полностью убедится в отсутствии какой-либо возни на рельсах, можно было выйти наружу и, пройдя к железнодорожному полотну, поднять с рельсов портфель с деньгами. Он именно это и собирался сделать, как только часы показали, что положенное время истекло. Однако, в последний раз взглянув на

железнодорожное полотно, Леха с ужасом увидел, как с его же стороны, перепрыгивая через рельсы, к портфелю приближался небольшого роста мальчишка. Лихо схватив его, он тут же ринулся в обратную сторону, чтобы уже через минуту исчезнуть в узком проеме, специально проделанном в длинном дощатом заборе. Все это произошло настолько быстро, что Воронцов не успел даже понять, как и откуда взялся этот пацан. Выскочив наружу, он кинулся следом, но, достигнув дыры, понял, что догонять того, кого уже и след простыл, было делом заведомо бесполезным. Вернувшись назад в сарай, Леха, забившись в угол, лихорадочно пытался сообразить, как быть ему дальше и что он должен сказать Сычу, когда тот позвонит и спросит о результате доверенного ему дела.

Сыч позвонил именно тогда, когда вторая волна паники вновь охватила и без того уже бьющуюся в истерике душу Алексея.

— Ну что, латышский стрелок? Как дела? Надеюсь, выстрел был удачным?

— Выстрел-то да. Вот только...

— Ты имеешь в виду того самого шкета, который увел у тебя из-под носа портфель с бабками?

— Да, — не понимая, откуда Сычу стало известно о происшедшем, с трудом проговорил Воронцов.

— Так это я его направил туда, — расхохотался детина. — Так что не бойсь. Все в порядке. Бабки на месте.

— Но почему? Зачем? — лихорадочно пытаюсь подобрать необходимое слово, как заводной повторял одну и ту же фразу Алексей.

— Затем, чтобы обезопасить тебя. Сам подумай, случись что, с пацана спрос какой? Никакого. Увидел, на рельсах портфель валяется, почему бы и не

взять, ведь рядом-то никого. А выскочи ты на полотно, и что тогда? Кому потом докажешь, что ты там случайно оказался?

— Но почему ты меня заранее не предупредил?

— Если честно, мне эта идея пришла уже чуть позже. Я хотел тебе сразу позвонить, но побоялся по телефону о таких вещах языком трепаться. Вот поэтому всё так и получилось. Так что не волнуйся, сынок. Дело сделано. Беги в камеру хранения, хватай бабки, и можешь катить со своей кралей в самые дальние заморские страны.

— А как же жетон? Мне ведь без него никто сумку не выдаст.

— Жетон найдешь там же, где и была спрятана винтовка. Poiщи получше. Найдешь обязательно. Что касается твоей доли за сегодняшнее выступление, через два дня найдешь в своем почтовом ящике еще один жетон. Мы народ твердый и кидать подельников не приучены. Так что по поводу бабок можешь не волноваться. Мне больше не звони, понадобится, сам найду.

Короткие гудки, извещающие о том, что Сыч выключил телефон, прозвучали так же неожиданно, как и все, что только что слышал Алексей. Он еще был не в том состоянии, когда можно было до конца осознать происшедшее, но чувство радости и уверенности в своем будущем все больше и больше охватывало его, заставляя сердце биться в груди с несвойственной ему частотой.

Добраться до Казанского вокзала можно было и на метро. Всего лишь несколько остановок по прямой линии, и ты уже на месте. Однако кураж настолько плотно овладел Воронцовым, что он тут же,

как только оказался в наиболее оживленной части города, поднял руку, желая остановить такси.

Уже будучи в машине, Леха, вглядываясь в пролетающие за окном улицы города, заставил себя сосредоточиться и постараться быть предельно внимательным. Выйдя на привокзальной площади, он еще минут пятнадцать бесцельно прогуливался вокруг многочисленных павильонов. То и дело озираясь, выискивая глазами того, кто мог наблюдать за ним со стороны, Воронцов вскоре оказался на перроне и уж оттуда, постояв предварительно несколько минут возле расписания движения поездов, направился в сторону зала ожидания, где на цокольном этаже располагалась камера хранения. Подав работнику, одетому в ярко-красный с черными вставками комбинезон свой жетон, Леха прошел в сторону кассы и, рассчитавшись согласно установленному тарифу, тут же получил ту самую сумку, которую еще вчера держал в руках, находясь в грузовике Сыча. Желание раскрыть замок и еще раз взглянуть на содержимое было настолько велико, что он, не выдержав, прошел к столу и, водрузив на него сумку, дернул за бегунок замка.

— Ну и как? Впечатляет? — раздался за спиной знакомый голос, когда Алексей, впившись взглядом в аккуратно уложенные пачки денег, попытался почувствовать все величие, присущее этим на первый взгляд самым обыкновенным бумажкам.

Машинально дернув бегунок замка назад, Воронцов обернулся и прямо перед собой увидел хитрые глаза Рыжова.

— Я говорю, как, впечатляет? — вновь эхом отозвался в сознании Алексея все тот же вопрос Юрия Владимировича. — Кстати, ты кое-что забыл там в

сарая. Нехорошо разбрасываться такими игрушками. Вещь-то, судя по всему, дорогая.

Рядом с сумкой на стол легла та самая винтовка, при помощи которой всего лишь час назад Леха, лежа на полу в сарае, пытался сделать все, чтобы добыть себе счастье.

Наручники защелкнулись на запястьях Воронцова, как ему показалось, с таким треском, словно кто-то перед самым его носом с силой хлопнул дверью. И он только сейчас, осознав, что произошло, поднял голову, словно хотел было в последний раз взглянуть в то самое пространство, которое отделяло его от столь близкого светлого будущего до черного настоящего. Но вместо этого перед его взором предстали усталые, отрешенные глаза Кати. Впервые за все время их знакомства он увидел в них пустоту, ту самую, в которую кануло все — надежда, любовь и возможность прожить по-настоящему счастливую жизнь.

Стрелочника брали по той же схеме, что и Воронцова. Также на вокзале, как говорится, с поличным, при получении им в камере хранения сумки с деньгами. Единственная разница была в том, что вокзал на этот раз был не Казанский, а Курский. Вел себя Стрелочник спокойно и, можно было даже сказать, достойно. Не дергаясь и не закатывая истерики. Уже позже, во время первого допроса, он, обдуманно и предельно кратко отвечая на все заданные ему вопросы, не выдержал и, глянув в упор на следователя, спросил:

— Позвольте полюбопытствовать, гражданин начальник? Где я так прокололся, что вы тут же меня как младенца спеленали.

— Все очень просто, Круглов. — Шведов, достав

из ящика стола небольшой диктофон, нажал на кнопку и поставил его на стол перед Стрелочником.

Из безобидной на вид игрушки послышался голос Сыча, а вслед за ним и его, Круглова. Это была запись их разговора, состоявшегося там, в поезде, при ограблении вагона из Дрездена, когда Сыч, предварительно вырубив помощника, давал инструкции, как дальше действовать подельнику.

— Диктофон находился в кармане у вашего напарника. Мы его снабдили им, когда заподозрили вас в участии в ограблении инкассаторов. К счастью, ваш помощник, прежде чем его оглушили, успел нажать на кнопку, и поэтому запись состоялась.

— Это уж кому как. Вам, может, и к счастью, а вот мне, похоже, не очень, — последовал грустный ответ Стрелочника.

Глава 17

РАЗБОРКА

Уже час Граф сидел в засаде всего в нескольких десятках метров от того места, где должна была проехать «Газель» с Грачом и Хлыстом. Но не они интересовали его на этот раз и не Левицкий-младший. Больше всего волновало Графа то, как поведет себя Хамелеон. На данный момент он уже получил почти все, что хотел. Теперь только оставалось до конца выполнить все условия договора, и можно было спать спокойно. Однако, по мнению Графа, старый еврей был не из тех людей, которые вот так запросто могут распрощаться сразу с миллионами долларов. И хотя, судя по телефонному звонку Грача, старик полностью заверил их, что деньги будут переведены вове-

мя, все равно опасения, что он предпримет попытку пустить Графа в расход, были более чем серьезные. Ведь это был единственный способ, как сохранить деньги, так и разобраться с тем, кто неприступной крепостью стоял на пути Хамелеона.

Серьезно опасаясь, что Левицкий выкинет нечто такое, что он, Граф, не сможет раскусить заранее, он решил на всякий случай предпринять хоть какие-то шаги, которые могли бы помочь ему обезопасить не только себя, но и то, что могло сделать всю его оставшуюся жизнь безбедной, а значит, и счастливой. Именно поэтому и было организовано сопровождение Тромбона, чтобы Хамелеон в присутствии Грача и Хлыста еще раз подтвердил свое намерение выплатить Графу деньги в установленные договоренностью сроки. Однако чуть позже Граф решил, что этого будет недостаточно, да и вообще неплохо было бы еще раз присмотреть за Тромбоном, а именно, как поведет себя в сложившейся ситуации Левицкий-младший. И, хотя они еще раньше договорились действовать совместно, все равно опасение Графа, что Тромбон действует на два фронта, имело место. И, как бы он ни пытался избавиться от столь надоедливой мысли, она с каждым днем все сильнее и сильнее врезалась в его сознание, заставляя выискивать в его действиях какие-либо негативные моменты. Кроме того, просчитывая все варианты, Граф не исключал и такой расклад, что Хамелеон, не доверяя собственному сыну, попробует использовать его и убрать неукротимого вора. И если не руками Тромбона, то, по крайней мере, так, чтобы тот невольно оказался участником преступления. Это позволило бы Хамелеону еще плотнее посадить на крючок Евгения, а то и вообще пове-

силь на парня не только устранение Графа, но и пропавшую украденных у банка денег.

Отправив Сыча в город на такси, Граф, словно зверь, отслеживающий свою жертву, сидел в «Волге», пристально осматривая каждую машину, появлявшуюся со стороны Рублевки.

«Газель» появилась ровно через час десять. С интервалом примерно в пятнадцать минут проскочило такси, в салоне которого, кроме водителя и Тромбона, не было никого. Подождав немного, Граф повернул ключ зажигания, заставив «Волгу» заурчать своим охрипшим от старости двигателем. Он уже дернул на себя рычаг переключения скорости, чтобы тронуться с места и, преодолев пару десятков метров проселочной дороги, выехать на трассу, как вдруг из-за поворота появился «Мерседес» Левицкого. Он явно торопился, и это было видно невооруженным глазом. Максимально быстро увеличивая скорость, «мерин», почти сразу же заняв наиболее удобное положение среди сплошного потока автомобилей, уверенно кинулся вдогонку за удаляющимися «Жигулями». И, хотя все это произошло в считанные секунды, Граф все же успел разглядеть в салоне автомобиля только двух человек. Водителя и еще одного мужчину, занимавшего место на переднем сиденье. Самого Хамелеона в «Мерседесе» не было.

— Вот это уже кое-что, — обрадованно проговорил вслух Граф и нажал на педаль газа.

— Если эти ребята едут просто по каким-нибудь своим делам, то, как говорится, флаг им в руки. Если же они упали на след Тромбона, чтобы он привел их ко мне, то, значит, можно считать, что охота началась. Вот только кто здесь зверь, а кто охотник, надо будет еще разобраться.

После некоторых размышлений он наконец принял решение, что пришла пора вступать в игру и Соболу. Граф даже хотел прямо сейчас набрать номер телефона вора, но, вовремя вспомнив, что уже через час ему необходимо быть в условленном с Сычом месте, торопливо погнал машину в сторону центра Москвы.

Поначалу затея Сыча с мальчишкой показалась Графу как бы не очень, но впоследствии, выслушав далеко не лишённые логики доводы подельника, он понял, что на этот раз тот был полностью прав. Теперь оставалось только ждать, как поведет себя Воронцов. Сможет ли он отстреляться и уложить на землю портфель. Если не замандражирует, то дальше уже дело техники. Если же дрогнет рука у парня, то....

А в принципе он ведь ничем не рискует. Ну промахнется... Делов-то. Это, как говорится, уже проблемы самого Воронцова.

Крутя баранку, Граф вспоминал, как они вместе с Сычом разрабатывали план ограбления. Особенно тот момент, когда все уперлось в вопрос, как будет выглядеть сам процесс получения от государства денег и кому стоит его поручить. И вот тут Граф предложил использовать специальное устройство и установить его между вагонами, на что Сыч отреагировал не менее умно и предложил использовать для этого Воронцова. Ведь Леха был мастером спорта по стрельбе, и сбить какой-то там шарик, да еще с пятнадцати метров для него не представляло особого труда.

Дребезжание телефона нарушило размышления Графа, когда он уже был в двух кварталах от того места, где его должен был ожидать Сыч.

— Ты где? — услышал он знакомый голос сразу же, как только поднес мобильник к уху.

— Уже подъезжаю, — почувствовав волнение в голосе Сыча, напрягся Граф.

— Оставь машину где-нибудь неподалеку и понаблюдай со стороны, нет ли за мной «хвоста». Я буду двигаться в направлении центра.

— Что-нибудь случилось? — не удержался, чтобы не задать банальный в подобных ситуациях вопрос, Граф.

— Пока ничего. Но на всякий случай погуляй где-нибудь рядом.

Примерно еще час ушел на то, чтобы Граф, сопровождая Сыча, полностью убедился в том, что все опасения товарища были напрасны. И только когда тот взял курс в его сторону, он набрал его номер и скорректировал место встречи.

— Ну что, паникер? — наехал он на Сыча сразу же, как только тот оказался в «Волге». — Опять менты всю ночь снились?

— Никто мне не снился, — пробурчал Сыч. — Я, как только бабки от пацана получил, сразу к сараю кинулся, чтобы на всякий случай винтовку перепрятать. Глянул, а ее там нет.

— Как это нет?

— А вот так. Нет, и все тут.

— А может быть, ее Воронцов прихватил? Взял и заныкал куда-нибудь в другое место. Ты его вообще-то предупреждал по поводу того, что мелкашка должна остаться на месте?

— Не помню, — честно признался Сыч. — Может, и нет.

— Тогда чего ты кипеш поднял? Наверняка этот твой стрелок ее и прихватил. Винтовочка-то новень-

кая. Как говорится, в хозяйстве и бычий хвост — веревка. На хату приедем, обязательно позвони. Кстати, — пройдясь глазами по салону и не найдя портфеля, впился взглядом в подельника Граф, — а деньги-то где?

— Спрятал. Как только мелкашку не обнаружил, сдрейфил. Ну, думаю, сейчас мусора начнут руки выламывать. Вот и решил от греха подальше припрятать.

— И куда ты их дел? — почувствовав, как волнение Сыча медленно переходит к нему, спохватился Граф.

— Поехали. Сейчас покажу. Там недалеко от того места, где ты должен был меня забрать, кузов от старого «Запорожца» валяется. Вот я под него портфель и сунул.

— Ты с ума сошел. А если кто со стороны засек, как ты два лимона евро под старый «запор» сунул? Тогда что?

Граф заставил «Волгу» сорваться с места с такой скоростью, с какой она, наверное, не бегала никогда в жизни. Два квартала они проскочили за считанные минуты. Еще столько же понадобилось на то, чтобы Сыч, пройдя через двор, изъясил из тайника столь дорогой портфель. И только когда он, упав на свое место, сунул портфель Графу, у того отлегло от сердца.

— Слава богу! — промолвил он и, глянув на Сыча, загоготал истерическим хохотом.

Прежде чем ехать на хату, решили сначала заскочить в какое-нибудь кафе. Только теперь, когда практически все переживания остались позади, оба вдруг вспомнили о том, что уже почти десять часов ничего не ели и, что было самым интересным, о еде так за весь день ни разу даже не вспомнили. Но сейчас,

стоило только заговорить об этом, как мгновенно засосало внутри.

Приняв заказ, ради которого официанту пришлось исписать не одну страницу блокнота, Граф не выдержал. Схватив со стола кусок хлеба, он густо посыпал его солью и почти наполовину засунул в рот.

— Прямо как на зоне, — последовал его примеру Сыч.

— Типун тебе на язык, — без видимой злобы усмехнулся Граф. — На зону нам торопиться пока ни к чему. Работы и здесь хватает.

— Не понял, — опуская на стол руку с зажатым между пальцами куском хлеба, вытаращил глаза Сыч. — Ты это к чему?

— К тому, что Хамелеон-то наш оказался птичкой непростой. Коршун. По-другому и не назовешь.

После этих слов Граф самым подробнейшим образом поведал Сычу о том, что удалось ему увидеть, сидя в засаде на пересечении Кольцевой с трассой, ведущей в сторону знаменитого поселка.

— А тебе не показалось? — почесав затылок, внимательно посмотрел на Графа Сыч.

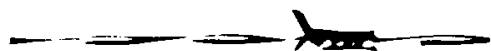
— Дай бог. Дай бог. Но все равно, ошибся или нет, в нашем положении, согласись, надо предусмотреть все варианты.

Соглашаясь, Сыч кивнул.

— А потому для начала надо бы сделать один очень важный звонок.

Граф, вынув из кармана сотовый, набрал необходимую комбинацию цифр и, когда на табло высветился номер Соболя, нажал на зеленую кнопку.

Голос вора раздался не сразу. Соболев словно где-то был рядом и, наблюдая со стороны, размышлял, стоит ему объявляться или все же еще немного по-

трепать нервы. Но когда он дал о себе знать, то уже с первого слова сразу стало ясно, что говорит не кто иной, а самый настоящий властелин и повелитель человеческих судеб.

— Я тебя слушаю, братан, — не называя имени, но в то же время будучи твердо уверенным в том, с кем он говорит, пророкотал в трубку Соболев.

Ответив, как и положено, на приветствие, Граф вдруг подумал о том, что Соболев несколько зарвался, коль ведет себя так, словно он пуп земли. — Вообще-то я только хотел сказать тебе, что у меня все срослось. И я так предполагаю, что можно уже завтра приступить к последнему акту нашего спектакля.

— Я в курсе, — ехидно заметил Соболев. — То, что ты сегодня провернул, достойно всякого уважения. Я всегда говорил, что такие люди, как ты, могут из ничего сделать что-то. Поэтому неплохо было бы поставить вопрос о твоём короновании.

— Приятно слышать похвалу от столь авторитетного человека, как ты, — не замедлил ответить тем же Граф, мгновенно почувствовав, как при одном только упоминании звания вора в законе у него на голове шевельнулись волосы. — Но мне хотелось бы знать, есть ли результат по поводу нашего общего знакомого.

— Да. Есть. И еще какой. Тот подарок, что ты сегодня доставил ему на дачу, уже послезавтра наверняка поедет в Англию, прямиком в дом одного весьма солидного коллекционера. Человек этот специально прилетает в Москву для личного ознакомления с новым приобретением.

— И когда состоится их встреча?

— Первая, так сказать ознакомительная, через день. В десять утра. А там уж как они договорятся.

Могу сказать даже больше, точная сумма контракта пока неизвестна, но, похоже, она в несколько раз превысит ту, что обещана тебе.

— Мне на это наплевать. Главное, чтобы старик рассчитался вовремя, а то я уже прямо чувствую, как мусора дышат мне в затылок.

— Не скажи. Не скажи. Дело принимает такой оборот, что, я думаю, тебе будет небезразлично узнать, в какую игру рискнул сыграть еврей.

— Ты это о чем? — не понял Граф.

— О том, что мы пробили того художника, у которого он заказывал копию картины.

— И что?

— А то, что всего их сделано было не одна, а две. Вот и раскинь теперь мозгами, зачем человеку две копии одной картины?

— Только для того, чтобы где-нибудь еще раз подменить оригинал.

— Верно, — рассмеялся Соболев. — Оказывается, ты ко всему еще и догадливый.

— Это было нетрудно. — Граф на мгновение замешкался.

По всему было заметно, что столь необычное сообщение породило в нем столько интересных мыслей, что в первые секунды он даже растерялся.

— Ты там голову-то сильно не ломай, — остановил ход его мыслей Соболев. — Картина, как говорится, дело третье. А вот что касается нашей с тобой договоренности, то этот вопрос меня в данный момент волнует гораздо больше, чем твой еврей.

— Вот с этим как раз все гораздо проще. Завтра, ровно в четырнадцать, он должен мне позвонить. После этого я ему назначу встречу и передам всю оставшуюся сумму. Где это произойдет, я думаю, ты узна-

ешь сразу же, как только мне об этом сообщит наш дорогой любитель живописи.

— Ну что же! Это уже лучше. Главное, чтобы все срослось и не произошло никаких проколов. А по поводу второй копии ты все же подумай. Если вдруг возникнет интерес, то можно покумекать и о том, чтобы он стал обоюдным.

— Интерес-то интересом, но есть опасения, что старик решил поиграть со мной в игры, куда серьезнее, чем какие-то там картины.

— Например? — Голос в трубке моментально напрягся и зазвенел, как выпущенная из тетивы стрела.

— Например, избавиться от меня, как от лишнего звена.

— Ты в этом уверен?

— Почти. Процентом так на девяносто.

— Это уже много.

— Да уж куда больше, когда речь идет о собственной жизни.

— И о моих деньгах тоже, — не замедлил подчеркнуть вор.

— Поэтому и говорю, — обрадовался Граф, что попал в точку.

— Я так понимаю, что у тебя по данному поводу тоже есть соображения?

— Есть. Я бы хотел, чтобы твои люди подстраховали меня. И не только меня, но и твои деньги тоже.

Соболь на некоторое время замолчал. Но тишина в трубке длилась всего лишь несколько секунд, после чего вор, уже вполне уверенный в своих решениях, вновь заговорил в привычном для него властном тоне:

— Проблема ясна, и, я думаю, решить ее нам осо-

бого труда не составит. Но сам понимаешь, любая работа требует денег.

— Это не вопрос, — не дал договорить Соболю Граф. — Если мои подозрения оправдаются, шкуры старого еврея, я думаю, хватит, чтобы покрыть все долги?

— А если нет?

— Тогда буду башлять я.

— Договорились, — усмехнулся Соболю. — Когда необходимо оказать помощь?

— Да хоть сейчас, — облегченно вздохнул Граф, радуясь тому, что так неожиданно изыскал возможность решить весьма существенную проблему, которая с каждым часом все сильнее и сильнее скребла по его и без того не знающей отдыха душе.

Сыч вошел вторым, почти следом за Тромбоном.

Граф еще не успел закрыть дверь, как вдруг по ту сторону послышался условный стук.

— Чего так задержался? — Не дав Левицкому-младшему очухаться, прямо с порога начал давить на него Граф. — Ведь договорились, как только освободишься, сразу ко мне.

— Да я так и хотел. Как только в Москву въехали, таксист еще покрутился минут двадцать по центру, после чего я тут же в метро. Там тоже со станции на станцию, из вагона в вагон. В общем, так следы запутал, что чуть сам не заблудился. Ну, думаю, теперь-то уж точно, если кто и сидел на хвосте, наверняка спрыгнул.

— А за тобой никого и не было, — перебил его Сыч. — Эти ребята тебя здесь дожидались, буквально в нескольких шагах от подземки.

— А откуда они знали, что я выйду именно на этой станции?

— А вот это мы у тебя хотели спросить. — Глянув на Тромбона так, что тот невольно попятился к дивану, Граф, заняв место напротив, продолжал сверлить парня взглядом.

— Клянусь. Я тут не при делах, — взвыл Тромбон. — Может, они меня раньше вычислили. Но я никому... Слышите? Никому...

— Хватит скулить. Время покажет, при делах ты или просто лопухнулся, — обхватив голову руками, сказал Граф. — Сейчас надо думать, как выходить из положения, а то, не ровен час, полезут сюда эти сволочи, хрен остановишь.

— А кто они такие? — немного придя в себя, вновь подал голос Тромбон. — Менты, что ли?

— Если бы менты, то, по крайней мере, все было бы ясно и понятно. Папашки твоего люди, вот кто это. Похоже, они задание получили разобраться с нами. Только ведь он один знает, какие здесь хранятся бабки. А так, кончить всех одним разом, и не надо никому ничего выплачивать. Соображаешь, каков у тебя родственничек?

Граф прошел к мониторам, которые благодаря установленным на территории видеокамерам, отражали все, что творится вокруг здания, и, внимательно изучив обстановку, вновь вернулся в комнату.

— Штурмом брать не будут. Нет смысла. Могут жителей соседнего дома разбудить, а те, соответственно, вызовут милицию. Наверняка попытаются выкурить нас отсюда.

— А почему бы и нет. Ворвутся. Перестреляют всех, к чертям собачьим, и все дела. — Стоявший до этого

у стены Сыч наконец тоже решил внести свою лепту в обсуждение сложившегося положения.

— Это исключено. Не мы им нужны, а деньги, Поэтому кого-то одного в живых точно оставят: или меня, или тебя, Сыч, — продолжал рассуждать Граф.

— А я? — испуганно глянул на него Тромбон. — Я-то как же?

— А что ты? Ты родственник. Тебя они не тронут. Кстати, сколько их?

— Сначала было двое. Потом еще двое подвалило. Одну машину бросили в квартале отсюда, а сами, после того, как нору нашу расчихали, в «мерина» — и сюда. Сейчас, наверное, где-нибудь поблизости трутся.

— А может, стоит отцу позвонить? — попробовал вновь вклиниться в разговор Тромбон.

— Ага. Позвони. И чего ты ему скажешь? Убери, мол, папочка своих злых дяденек?

— Нет. Но, может быть....

Телефон, лежащий на столе, не дал разгореться спору. Запрыгав на месте, он быстро достиг края и уже был готов кинуться вниз, на пол, когда Сыч, ловко перехватив беднягу, передал его шефу.

Звонил Соболев. Внимательно выслушав его, Граф тут же поспешил удалиться в коридор, чтобы там, подальше от ушей Левицкого-младшего, подробнейшим образом обсудить предложение вора.

Прошло не меньше пяти минут, когда он вновь появился в комнате и, глянув на Сыча, проговорил:

— Сейчас вы вдвоем с Тромбоном выйдете из здания и отправитесь в сторону метро. Идите спокойно, не дергайтесь. Ведите себя так, как будто ни о чем не догадываетесь. Я так думаю, теперь ребятам этим топтаться за вами ни к чему. Наверняка попробуют пробраться внутрь и ждать здесь.

— А ты как же? — оторопел от столь неожиданного поворота Сыч.

— А что я? Я ничего. Они ведь не знают, что я здесь, вот и будет им сюрприз. Видя, что Сыч намерен возразить, Граф тут же остановил его: — За меня не волнуйся. Все будет в порядке. Идите и ждите звонка.

Оставшись один, Граф, вооружившись стволом, которому так до сих пор еще и не пришлось познать запаха пороха, прошел к черному ходу и, оказавшись в тамбуре, осторожно отодвинул задвижку, удерживающую дверь. То, что гости попробуют проникнуть в помещение с этой стороны, было маловероятным. Зачем им лезть в дом черт-те знает откуда, когда есть центральный вход.

Ждать пришлось недолго. Уже минут через десять до Графа донеслись какие-то еле различимые звуки. После чего совершенно отчетливо слышались тяжелые мужские шаги, и еще примерно через минуту прозвучал чей-то голос. Разобрать слова было невозможно. Но это уже было неважно. Главное, что птички клюнули и уже даже успели заскочить в клетку. Теперь только оставалось захлопнуть дверцы, чтобы уже в спокойном ритме перейти непосредственно к дрессировке божьих созданий.

Не успел Граф подумать об этом, как тут же кто-то осторожно поскребся в дверь с противоположной стороны. Отпустив ручку и легонько навалившись плечом, он тут же распахнул ее и, отойдя в сторону, пропустил мимо себя троих здоровенных, спортивного сложения парней. Молча, даже не взглянув на Графа, все трое прошмыгнули мимо, словно это был вовсе и не человек, а так, что-то вроде мусорного ящика.

«Надо же, — подумал он, прикрывая за собой

дверь. — Прямо ниндзя какие-то. Им бы еще маски на морды да по мечу в руки».

Любопытство настолько снедало Графа в эту минуту, что ему вдруг до ужаса захотелось не медля кинуться вслед за этими громилами, однако, вовремя вспомнив наказ Соболя не появляться до особого на то звонка, он тут же поспешил прикрыть за собой дверь и покинуть помещение.

Выйдя на улицу, Граф в последний раз оглянулся и, замерев на месте, прислушался в надежде различить хоть какие-то голоса или хотя бы звуки, по которым можно было бы определить, что происходит внутри. Но, как он ни старался, как ни напрягал слух, вокруг по-прежнему было настолько тихо, что удалось лишь различить шорох, который издавал ветер, легонько поигрывая натянутыми между телеграфными столбами проводами. Пройдя через внутренний двор, Граф уже хотел было потянуть на себя калитку, чтобы оказаться на прилегающей к дому улице, как вдруг внимание его привлек силуэт человека, лежащего за большим металлическим ящиком, предназначенным для бытового мусора. Подойдя ближе и присев на корточки, Граф рукой коснулся головы парня. В нем еще теплилась жизнь, так как он время от времени стонал. Руки незнакомца были связаны, а рот заклеен скотчем.

— Это его люди, Соболя!

От неожиданно прозвучавшего за спиной голоса Граф чуть не сел на задницу.

Подняв голову, он увидел Сыча.

— Мать твою, чудило! Ты меня так напугал, что еще немного, и я бы точно обосрался. Какого хрена ты здесь шляешься?

— Да мы уже почти ушли. Только я вдруг поду-

мал, а почему бы мне не взглянуть на этих ребят со стороны. Обошли дом вокруг, выглянули из кустов, и вот они, голубчики, как раз из тачки своей и вылезают. Ну а когда двое из них направились к центральному входу, а один к воротам, тут я и смикитил, что может получиться конфуз. Ведь никто не предвидел, что они могут изобразить такой маневр.

— И что было дальше? — не выдерживая тяготины Сыча, начал подгонять его Граф.

— Ничего.

— Как это ничего, — проговорил стоявший сзади Тромбон. Глянув на парня, валяющегося за мусорным ящиком, он перевел взгляд на Сыча: — Чем это ты его так? Неужели одним кулаком.

— Так это ты его вырубил? — удивленно глянул на друга Граф.

— Ну, я, — словно стесняясь, прогудел своим басом Сыч. — А чего он тут распрыгался. Постучался бы как человек, может быть, мы бы его и впустили.

Соболь позвонил только лишь минут через тридцать, не раньше.

И сразу же кутившие неподалеку на скамейке Граф, Сыч и Тромбон направились в сторону своей конуры, в которой на этот раз хозяйничал не кто иной, как сам вор в законе.

Уже на подходе Граф остановился и, повернувшись к Тромбону, произнес:

— А тебе, я думаю, пока там делать нечего. В-первых, нежелательно, чтобы рожу твою увидели люди Хамелеона, да и те, кто помогал нам, наверняка отнесутся к твоему появлению не с особым одобрением. Так что сходи пока в какой-нибудь бар, пивка выпей. Я там видел один на соседней улице, вроде

ничего заведение. Приличное. Как только все утихнет, мы тебе позвоним, а то, возможно, и сами подгребем, обмыть, так сказать, второе рождение.

Картина, которую пришлось увидеть Графу, превзошла все его ожидания. Тот, которого вырубил Сыч, был перенесен в дом. Руки его по-прежнему были связаны, а рот заклеен скотчем. Вот только из-за того, что лицо было разбито в кровь, узнать парня не представлялось возможным ни при каких обстоятельствах. Он по-прежнему был без сознания. Наверное, именно поэтому, в отличие от своих товарищей, валялся прямо на полу около батареи.

Тем двоим, которые проникли в помещение через центральный вход, повезло меньше. Мало того, что они были просто изуродованы до неузнаваемости, ко всему, их еще зачем-то подвесили к потолку, причем не просто так, а вниз головой. Благо в коридоре, сразу в двух местах, непонятно, для каких целей, были проложены две металлические балки, на которых и болтались бедняги.

— А зачем вы их туда прицепили? — не удержался от вопроса Граф.

— Затем, что ребяткам этим вдруг ни с того ни с сего захотелось поиграть в партизан. Веришь, нет? Ни в какую не хотят рассказывать, кто и зачем их сюда послал.

— А чего тут рассказывать? И так все ясно, кто. Хамелеон, конечно, кто же еще.

Соболь укоризненно посмотрел на Графа.

— А вот тут ты, братан, не угадал. Это тебе известно, что Хамелеон. А пригласи ты его сюда, и увидишь, как эта крыса себя поведет. Он ведь тут же от

всего откажется. Упрется рогом, что это не его люди, и что тогда? Как ты ему предъяву докажешь? Никак.

— И что? Долго они так болтаться будут? — Понимая, что и на этот раз Соболев оказался прав, Граф, подойдя ближе, нагнулся и заглянул в глаза тому, который издавал хоть какие-то, похожие на человеческие, звуки.

— До тех пор, пока у них ум не просветлеет и не поймут, что молчать не в их интересах. — Соболев сделал еле заметный знак одному из тех парней, которые и организовали весь этот ужас.

Парень с лицом убийцы, совершенно хладнокровно, словно перед ним висела самая обыкновенная боксерская груша, а не живой человек, подошел к тому, около которого только что на корточках сидел Граф, и провел целую серию ударов по туловищу. От этого тело начало медленно раскачиваться, и он, тут же развернувшись, нанес еще один удар ногой точно в лицо. Кровь брызнула в разные стороны с такой силой, что несколько капель угодили на куртку Графа.

Не выдержав такой холодающей кровь картины, он отошел в сторону, где в это время стоял Сыч. Тот сразу же нагнулся и что-то прошептал ему на ухо.

— Точно, — обрадовался Граф, удивленно глянув на подельника. — Слушай, Соболев, а ведь у них в машине есть еще один. Может быть, стоит с ним поговорить? Чем черт не шутит, вдруг он окажется более разговорчивым.

Тут же была дана команда, и двое вышибал в сопровождении Сыча поспешили на улицу. Минут десять понадобилось им для того, чтобы вернуться назад, но уже не втроем, а ведя под руки до смерти напуганного водителя. Как только его втолкнули в

коридор, он поднял голову вверх и, увидев своих товарищей, обомлел. Лицо в одно мгновение стало белым, словно стена. И случись так, что кто-нибудь в эту минуту гаркнул бы ему в ухо, тот точно бы лишился чувств и свалился бы прямо здесь же, к ногам своих соплеменников.

Соболь же, прочувствовав его состояние и тут же изменив тактику, приблизился вплотную к парню и, как змея, готовящаяся в любую секунду выпустить свое ядовитое жало, прошипел:

— Послушай меня, братан, внимательно и подумай. По глазам вижу, что ты не имеешь ни малейшего желания присоединиться к своим товарищам. Верно?

Водитель молча, словно замороженный, явно не в силах произнести хотя бы одно слово, покачал головой из стороны в сторону.

— Тогда скажи, кто и зачем вас сюда послал? — продолжал давить Соболев.

— Левицкий, — еле слышно слетело с языка парня. — Он сказал, что надо разобраться с Графом и забрать у него деньги.

— Так, значит, вам было приказано убить Графа?

— Да. И его человека тоже.

— И сколько вам за эту мокруху пообещал Хамелеон денег?

— Каждому по двадцать пять тысяч зеленых.

— Сто штук на всех? Вот сука. — Сплюнул на пол Соболев. — Себе миллионы, а вам всего сотню. Убью паскуду.

Вытащив из кармана у одного из тех, кто все еще висел вниз головой, сотовый, он сунул его водителю.

— Звони шефу. Скажи ему, что у вас все нормально. Граф в отключке, а подельник его мертв. А вот

деньги пока найти не удастся. Посмотрим, как он поведет себя на этот раз. Но учти, — он вдруг вынул из-за пояса пистолет и, взведя курок, приставил его к виску и без того трясущегося от страха парня. — Одна неточность, и ты труп.

Приказ Соболя водитель выполнил на одном дыхании, причем с такой точностью, что оставалось только удивляться, как это ему в шоковом состоянии удалось запомнить наказ вора буква в букву. И, как только он выключил телефон, Соболев впери́л в него взгляд.

— Чего молчишь, как глухонемой? Говори, чего Хамелеон сказал.

— Он едет.

— Куда едет? — не понял Граф.

— Сюда, — теряя дар речи, проговорил водитель и, обхватив голову руками, сполз на пол.

— Вот это уже лучше, — ощерился Соболев. Обведя взглядом всех присутствующих, он на мгновение задумался, затем опять улыбнулся и произнес: — А что, ребятки, устроим старому еврею достойный прием? Я только что такой спектакль придумал, просто блеск. Значит, так, — глянув на одного из своих ребят, он показал им глазами на прислонившегося к стене водилу. — Этого привести в порядок. Он будет встречать Левицкого. Те, что висят, пусть пока остаются на месте. А ты, — вор перевел взгляд на Графа, — пойдешь со мной. Кое-что перетереть надо.

Хамелеона ждали почти час.

Прибыв, он примерно еще минуты две продолжал находиться в машине. Первым не выдержал Соболев. Ткнув пальцем в сторону двери, он дал команду водителю, чтобы тот вышел навстречу шефу. Как

только тот появился на крыльце и махнул Хамелеону рукой, обе дверцы автомобиля тут же раскрылись, и из салона сначала вынырнул охранник, затем показалась голова Левицкого.

Подойдя к распахнутому перед ним входу, Хамелеон сначала пропустил вперед обоих своих подчиненных и вошел сам, прикрыв за собой дверь.

— И где все? — глянул он на встречающего его человека.

— Там. Полы вскрывают. Уже практически все перевернули, а деньги так и не нашли.

— Искать не умеете. Уроды.

По той резвости, с которой Илья Вениаминович шагнул из коридора в сторону комнаты, можно было без проблем определить, что при одном только упоминании денег он тут же потерял контроль над своими действиями.

Охранник господина Левицкого рухнул на пол сразу же, как только, шагнув следом за шефом, переступил порог следующей комнаты. От неожиданности Хамелеон, сделав шаг назад, чуть не наступил на него, но, вовремя остановившись, замер на месте. Обведя взглядом всех присутствующих, он с обуявшим его ужасом в глазах уставился на сидящего посередине комнаты Соболя, словно тот был и не человек вовсе, а какой-то монстр. Один из людей Соболя ткнул Хамелеону в спину пистолетом. Левицкий сделал несколько шагов вперед.

— А, Илья Вениаминович! — весело, чуть даже театрально воскликнул Соболев, как только Хамелеон, словно нашкодивший в классе ученик, остановился в двух шагах от его кресла. — А я-то все голову ломаю, кто же это смог организовать такую канитель, что даже сам Граф попросил о помощи. Да вы прохо-

дите. Не стесняйтесь. Присаживайтесь. — Вор показал на стоявшее напротив кресло. — Человек вы пожилой. Да и со здоровьем у вас наверняка уже не очень. К тому же у нас к вам столько накопилось вопросов, что вот так, с наскоку, и не решишь. Кстати! Я, кажется, не представился. Прошу прощения. Можете называть меня просто Соболя. Вообще-то это не имя. Это мое погоняло. Я ведь вор в законе. Надеюсь, слышали о таких? А в кругах наших, сами знаете, по именам обращаться не привыкли. Так что прошу любить и жаловать таким, каков есть.

При одном только упоминании имени Соболя, Левицкий потерял дар речи и на заданный ему вопрос нашел силы только для того, чтобы кивнуть.

— Ну так что же, господин Левицкий? Как вы думаете, с чего лучше начать нашу с вами беседу? — после некоторой паузы, специально задуманной для того, чтобы дать еврею возможность хоть немного прийти в себя, продолжал допрос Соболя.

Хамелеон молчал. Он все еще не очень понимал, где находится, да и вообще, что здесь происходит. Судорожно крутя по сторонам головой, он то и дело кидал ничего не понимающий взгляд на законника.

— Я так вижу, что ты, чудо заморское, никак понять не можешь, о чем тебя спрашивают? — резко сменил тон Соболя. — Если ровно через минуту я не услышу ответа на свои вопросы, то попрошу ребят, чтобы они немного привели тебя в чувство. А для того, чтобы ты знал, как они это умеют делать, я думаю, тебе стоит заглянуть вон в ту дверь.

Оба головореза, тут же подскочив к Левицкому, подхватили его под мышки и волоком потащили в коридор, где все еще болтались подвешенные к потолку его люди.

Когда Хамелеона вернули назад в кресло, на его лице не было ни кровинки.

— Ну так что: будем говорить или?.. — вновь продолжил наезд Соболев.

— Бу..... Бу.... Будем, — с трудом, объединяя слоги в слово, проговорил Илья Вениаминович.

— Вот и прекрасно, — еле сдерживая улыбку, произнес Соболев. — Так за что вы так невзлюбили Графа?

— За деньги.

— За те самые, что он украл у банка?

— Да. Он предложил мне их отмыть и перевести на его счет в один из кипрских банков.

— И вы согласились?

— Да.

— Под определенный процент?

— Естественно.

Понемногу Илья Вениаминович начал приходить в себя и теперь смотрел на Соболева смелее, желая понять, к чему ведется весь этот разговор.

— Как мне известно, подобную операцию вы уже один раз провернули? — все ближе и ближе подбирался к Хамелеону Соболев. Он словно уже выпустил когти и вот-вот готов был кинуться на жертву, чтобы вцепиться в нее.

— Да. Он получил своего рода аванс. Оставшаяся сумма уже завтра должна была быть обменена на те деньги, что были украдены у инкассаторов.

— И вы решили, что будет проще вообще ничего не отдавать, а пришить Графа вместе с его помощником?

Хамелеон решил, что на этот вопрос будет лучше не отвечать, а сделать морду тупой, словно извиняясь за допущенный промах.

— А давайте представим, что мальчикам вашим

по каким-либо причинам не удалось этого сделать. Как бы вы выкручивались дальше?

— Отдал бы все необходимые документы на его счет в банке Графу.

— Так вы что, уже перевели туда деньги?

— Да, — спокойно произнес Илья Вениаминович. — Я ведь ничем не рисковал. Граф сам меня просил о том, чтобы счет был открыт на предъявителя, поэтому я сделал все, как надо. Деньги ведь в любом случае стали бы моими.

— И где эти бумаги сейчас? — не поверил своим ушам Соболев.

Левицкий выразительно похлопал по внутреннему карману пиджака.

— Здесь. Со мной.

— Значит, вы решили, что Графу сильно жирно будет иметь столько денег, и решили, приговорив его, заполучить всю сумму полностью?

— А вы бы как поступили на моем месте?

Соболев почувствовал, что испытывает к этому человеку не только ненависть, но и отвращение. Он не стал отвечать на провокационный вопрос Левицкого, а чуть слышно прошипел:

— А ты, оказывается, Хамелеон, вовсе и не хамелеон, а самая обыкновенная крыса. Если честно, то я в данную минуту испытываю дикое желание придавить тебя прямо здесь. Однако, когда жизнь складывается так, что дело надо делать даже с тем, с кем тебе не очень этого хочется, то я хочу предложить тебе небольшой, но очень даже приличный бизнес. — Вновь выдержав паузу, дав тем самым возможность Левицкому осмыслить все только что сказанное, Соболев еще раз окинул его своим ледяным взглядом. — Тебе,

наверное, будет интересно, с чего это вдруг я и мои люди оказались причастными к столь мутному делу? Могу сказать открытым текстом: появились мы здесь чисто по просьбе Графа. Он вычислил твоих обалдуев и попросил прикрыть его. Естественно, не за спасибо. Я, конечно же, согласился и послал по указанному адресу своих ребят. Однако судьбе угодно было распорядиться по-другому, и, как выяснилось позже, они опоздали. Мальчики твои оказались гораздо проворнее, чем предполагал Граф. Сыча они придушили первым. А вот самого хотя изрядно и покалечили, но убивать не стали, видать, по одной простой причине, что хотели заставить его рассказать, где спрятаны деньги.

Соболь поднял вверх руку и, подобно факиру, щелкнул пальцами, как будто хотел показать свой очередной фокус. Тут же один из его парней, молча подойдя к двери, ведущей в следующую комнату, распахнул ее настежь.

— Можете пройти и убедиться своими глазами, — глядя в упор на Левицкого, качнул головой в сторону зияющего в стене черной дырой дверного проема Соболь.

Илья Вениаминович, с трудом выплыв из кресла, шаркнув ногами по полу, медленно переступая, направился в указанную ему комнату. Как только он переступил ее порог, к его горлу подступила тошнота, и только ценой невероятных усилий он заставил себя удержаться от того, чтобы не обрыгаться прямо здесь, у всех на виду.

В одном углу лежал окровавленный Сыч. Кровь и удавка на его шее говорили о том, что его сначала жестоко избили, а затем придушили. Граф же сидел,

привязанный к стулу посередине комнаты. Рот его был заклеен скотчем, а кровь на лице давала понять, что ему тоже досталось, и, похоже, немало. Глаза его были мутными, в то же время излучали неподдельную ненависть. Вид того, кому Левицкий желал смерти в первую очередь, не только обрадовал Илью Вениаминовича, но и вселил в него надежду выйти из столь непростой ситуации с наименьшими потерями.

— Ну так что? Убедились? — встретил Хамелеона очередным вопросом Соболев.

— Вполне.

— И что скажете?

Все еще продолжая прикидывать, что к чему, Илья Вениаминович не нашел ничего лучшего, как пожать плечами.

— Только то, что я не зря плачу своим людям.

— Я не про это, — усмехнулся Соболев, удивляясь тому, как все-таки хорошо умеет еврей уходить от прямого ответа. Ведь он наверняка понял, о чем тот спросил его и, все же решил, что лучше урвать минуточку-другую и подумать, прежде чем дать ответ на поступившее предложение.

— Если вы про совместный бизнес, — словно прочитав мысли вора, поспешил оправдаться Левицкий, — то хотелось бы узнать саму суть предложения.

— Суть проста. Я становлюсь на место Графа, а вы со своими ребятами уходите отсюда живым.

— Вы хотите сказать, что отдадите мне все его деньги, а я взамен вам пакет с банковскими документами? — Илья Вениаминович еще раз более чем выразительно хлопнул себя по карману.

— Абсолютно точно, — напрягся Соболев.

— А у меня есть альтернативный вариант? — По губам Хамелеона скользнула ядовитая улыбка.

— Нет.

— Но, как мне известно, деньги еще не найдены.

— У вас неверная информация. Пока вы добирались до этого места, Граф раскололся. Деньги находятся в получасе езды отсюда, в одном из гаражей, куда и были перепрятаны заранее.

— В таком случае я согласен, — облегченно вздохнув, проговорил Хамелеон. — Пусть ваши ребята привезут деньги, и мы тотчас совершим обмен.

— Нет. Вы отдадите мне бумаги сейчас. Судя по тому, какой фокус вы сотворили с Графом и его другом, я вам не верю. А потому я должен сначала проверить документы.

Левицкий хотел было возразить, но Соболев, остановив его движением руки, ухмыльнулся.

— В противном случае вы займете место рядом со своими вышибалами. Кстати, хочу вас заранее предупредить, смерть к человеку, когда он висит вниз головой, приходит медленно и мучительно: не зря же древние придумали эту казнь для непокорных.

Илья Вениаминович, ни слова не произнеся, сунул руку в карман и, вынув из него конверт, положил на стол перед Соболевым.

— Я слышал, что вы не только авторитетный, но и весьма справедливый вор. И данное соглашение, я считаю, это реальная возможность еще раз доказать, что молва народа не случайна.

В ответ Соболев пристально глянул на Хамелеона. Подозвав к себе двоих парней, он приказал им взять Графа и вместе с ним ехать в гараж за деньгами. А ко-

гда те уже были на выходе, он, словно вспомнив что-то, крикнул им вслед:

— И пусть эта яма станет ему могилой.

Последние слова были сказаны специально для того, чтобы у Левицкого появилось что-то вроде уверенности в чистоте сделки, а главное — доверие к нему, к Соболю.

— И мне бы хотелось, чтобы ребят моих сняли с крюков, — не замедлил воспользоваться этим Хамелеон. — А то вдруг и вправду умрут там, под потолком, что я потом буду без них делать?

Соболь, согласившись, подал знак еще одному своему человеку, который тут же поспешил выполнить приказ шефа.

— Приятно иметь дело с человеком, умеющим отвечать за свои слова... — позволил себе несколько расслабиться Хамелеон и вдруг осекся, наткнувшись на суровый взгляд вора. — Что-то не так? — Предчувствуя неладное, весь скукожился Илья Вениаминович. Его вдруг обуяло такое чувство, словно он находился в кресле дантиста и тот только-только включил свой бур, готовясь с размаху вонзить его в больной зуб клиента.

— Не так, — не моргнув глазом, прозвенел своим металлическим голосом Соболь. — Ты знаешь, сколько мне предлагал за твою голову Граф?

— Догадываюсь. — В душе Ильи Вениаминовича все похолодело, и он вдруг ясно почувствовал, как у него одновременно затряслись оба колена.

— Нет, не догадываешься.

— Но ведь мы договорились, — почти взвыл от бессилия Хамелеон. — И потом, я уже отдал вам все деньги. Те, что должны были перейти к Графу.

— А я про деньги не заикался.

— Тогда что? — Не понимая, на что намекает Соболь, удивленно глянул на него Левицкий. Но стоило ему лишь на мгновение увидеть его глаза, как тут же неожиданная догадка огнем прошла через его мозг и жгучей болью затаилась глубоко под сердцем.

— Именно то, о чем ты сейчас подумал, — заявил Соболь. — Я имею в виду ту самую картину, которую несколько часов назад передал тебе Граф.

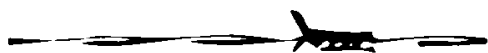
— Но я...

— Никаких но. Эту картину он добыл своим трудом, рискуя потерять все. А значит, на сегодняшний день она является его собственностью. Его, и ничьей больше. То, что Граф должен был продать ее тебе, это, как говорится, его личное дело. Но, как я понимаю, сделка между вами не состоялась? И заметь, это произошло исключительно по твоей вине. Ты, приговорив Графа, разрушил существующую между вами договоренность, поэтому, если рассудить по справедливости, то вещь, за которую не получен гонорар, не должна считаться проданной, а значит, и владелец имеет полное право потребовать ее возврата. Теперь смею напомнить о нашем договоре, который мы заключили полчаса назад. Я имею в виду тот, где я занимаю место Графа. Надеюсь, этого ты отрицать не будешь?

Левицкому, уже окончательно понявшему, куда клонит Соболь, ничего не оставалось, как помотать головой.

— Вот и прекрасно, — снимая с себя маску деспота, улыбнулся Соболь. — Именно поэтому я требую вернуть мне эту картину.

— Но это неправильно. — Вскочил было с места

Левицкий, но быстрое движение человека, стоявшего за его спиной с пистолетом, тут же заставило Илью Вениаминовича обреченно опуститься в кресло и, уронив голову на грудь, застонать.

— Значит, так, — решил добить и без того уже окончательно убитого еврея Соболя. — Сейчас ты в сопровождении моего человека поедешь к себе на дачу и привезешь сюда картину. Только сразу предупреждаю, не вздумай подсунуть мне копию. Ведь ты же не враг самому себе. Верно? Ровно через час она должна быть здесь. Если к условленному времени ты не прибудешь или, не дай бог, что-то случится с моим парнем, можешь сразу заказывать себе гроб.

До возвращения Левицкого оставалось всего ничего. О том, что они уже на подъезде, сообщил Соболю его человек, который и был направлен вором вместе с Хамелеоном в качестве сопровождающего.

— Все! Давайте по своим местам, — прозвучала команда, и Сыч с Графом поспешили к своим исходным местам.

Если первому еще предстояло доигрывать затеянный законником спектакль, а именно роль трупа, то Граф мог спокойно отсидеться в соседней комнате, так как до его сольного выхода еще не наступило время. Саквояжи с деньгами, прибывшие из гаража, были аккуратно сложены в углу комнаты.

Вошедший в комнату Хамелеон, с нескрываемой злостью взглянув на Соболя, демонстративно положил перед ним на стол картину и прошел к креслу. Опустившись в него так, словно у него только что отказали ноги, он излучал такой поток ненависти, что

будь на месте вора другой человек, наверняка он бы тут же провалился сквозь землю.

— Можешь пересчитать, — показал взглядом на мешки с деньгами Соболев, осторожно распаковал картину и, мельком глянув на нее с лицевой стороны, приступил к более внимательному обследованию обратной. Где-то там, в углу, по словам Графа, должна была быть маленькая отметина в виде трех соединенных вместе галочек. Он сделал это просто так, как говорится, на всякий случай, когда добирался с места ограбления до Москвы. И вот этот самый всякий случай вдруг произошел. Именно эти три птички, еще не успевшие взмахнуть крыльями, могли помочь Соболеву отличить оригинал от копии.

Закончив осмотр, тот еще примерно с минуту любовался тем, что было изображено на картине, после чего, передав шедевр помощнику, остался сидеть в кресле, терпеливо ожидая, когда Левицкий закончит осмотр денег, находящихся в саквояжах.

Понимая, что на это может понадобиться не один час, он еще до того, как только еврей коснулся мешков, предупредил его, что деньги все в целости и сохранности, и поэтому пересчитывать их полностью нет смысла.

— Ну что? Все в порядке? — прозвучал вопрос Соболева, когда наконец Илья Вениаминович, внимательно осмотрев пломбу последнего саквояжа, не стал вскрывать его, поверив вору на слово.

— Да, — без особой радости констатировал Хамелеон, с опаской глянув на Соболева, в ожидании, как бы тот не выкинул какой-нибудь очередной фокус.

— Тогда будем считать, что сделка наша завер-

шилась с обоюдной для каждого выгодой? — с иронией заметил Соболев.

— Ага. Особенно для меня, — не замедлил уколоть вора Илья Вениаминович.

— Это уж кому как повезет, — довольный собой, хихикнул Соболев. — А вам, господин Хамелеон, вообще грех на судьбу обижаться. Как я понимаю, вы ничего не потеряли и даже существенно разбогатели. А то, что картина уплыла, так в этом моей вины нет. По этому вопросу вам, скорее всего, лучше обратиться к самому господу богу, чем к кому-либо из живых.

— Зачем она вам? — Неожиданно Илья Вениаминович задал тот самый вопрос, который, наверное, должен был задать еще в самом начале их встречи. — Вы ведь все равно ни черта не понимаете ни в живописи, ни в коллекционировании?

— Зато я очень даже понимаю, сколько может стоить этот шедевр.

— Так давайте я куплю его у вас, и дело с концом. Зачем искать кого-то, рисковать, бояться обмана. Ведь картина украдена, и ее наверняка будут искать. А тут покупатель на месте, деньги в мешках. Почему бы не совершить сделку?

— Вы что? — Вернув картину на стол, внимательно посмотрел на Левицкого Соболев. — На самом деле, готовы купить у меня эту картину?

— Вполне.

— Если так, тогда будем считать, что предложение принято. Вот только с одной маленькой оговоркой. Сделку мы отложим до завтра. Часов так в десять я позвоню вам и назову свою цену.

— Но почему не сейчас? — Как за спасательный

круг ухватился за идею выкупить картину именно сегодня Левицкий.

— Потому что я не знаю настоящую цену этому шедевру. И, как вы только что соизволили выразиться, ни черта не понимаю ни в коллекционировании, ни в живописи.

— Но...

— Я сказал: завтра, — ладонью разрубил воздух Соболев. — Сегодня и так для одного дня произошло слишком много событий. А мне ведь предстоит еще поминки по убиенному Графу справить. Так что до завтра, господин Хамелеон. Вор встал и, не без улыбки глянув на Левицкого, добавил: — Уходить будем по очереди. Сначала мы. Потом вы. Да, и не забудьте забрать своих гренадеров доморощенных, а то сдохнут здесь как собаки, потом вони не оберешься.

Как только Соболев со своими людьми покинул помещение, Илья Вениаминович еще некоторое время как замороженный продолжал сидеть в кресле. Мысли его в тот момент были настолько далеки от происшедшего, что Хамелеон даже сам удивился, как это он мог так расслабиться и позволить себе развалиться, ну точь-в-точь как глиняный кувшин, который почему-то не до конца запекли в печи. Тяжело поднявшись из кресла, Левицкий, скорее ведомый злостью и ненавистью, чем какими-то конкретными соображениями, подошел к саквояжам с деньгами и, не понимая, зачем он это делает, несколько раз легонько пнул один из них, а потом вдруг начал колотить и колотить по саквояжам ногами, причем с такой яростью, что казалось, еще минута, и все их содержимое вывалится наружу. Наконец, когда гнев

пошел на убыль, а усталость и нервное перенапряжение окончательно сломили Илью Вениаминовича, он, ударив в последний раз ногой по саквоюжу, остановился и, подумав, начал вновь складывать их в единую кучу. Оставалось лишь только подтащить последний отброшенный им же чуть дальше мешок, как вдруг голос, возникший из ниоткуда, заставил Левицкого замереть в том самом положении, в котором он находился в момент поднятия очередного мешка.

— Ну что, крыса, успокоился?

Одна-единственная фраза, прогремевшая за спиной Хамелеона, была в ту минуту сравнима для него, наверное, лишь только с ударом грома. От неожиданности Илья Вениаминович даже присел на мешки.

— Оставь в покое бабки и повернись ко мне рожей, — вновь прозвучал за спиной голос, заставив Хамелеона мгновенно развернуться и впиться глазами в того, кто позволил разговаривать с ним таким тоном. Один только взгляд в сторону того, кто стоял перед ним, держа в руках пистолет, привел Левицкого в такое замешательство, что он, потеряв дар речи, замер, глядя на Графа с таким видом, как будто тот только что восстал из мертвых.

— Да чего с ним валандаться? Пришить суку прямо здесь, и дело с концом. — Шагнувший в комнату следом за шефом Сыч уже не мог подействовать на Хамелеона так магически, как это получилось у Графа.

Все еще продолжая сидеть на мешках с деньгами, Хамелеон чувствовал, как первые мгновения шока парализуют его сознание, не давая возможности не только мыслить адекватно, но и совершать какие-либо действия. И вот тут, когда обстановка, накалившись до предела, достигла своего апогея, Илья Вениами-

нович вдруг понял, какой жестокий и циничный спектакль разыграли перед ним Соболев с Графом. Взыв, подобно попавшему в капкан зверю, он упал на мешки с деньгами и застонал.

— Видал, как убивается? Словно мать над умершим дитем.

Пройдя к дивану, Граф присел на самый его край и показал глазами Сычу, чтобы тот занял место рядом. Но тот вдруг, не обратив внимания на приказ шефа, вплотную приблизился к Хамелеону и, схватив его в охапку, тряхнул так, что голова у Ильи Вениаминовича задергалась, словно висела на резинке. Сыч уже было замахнулся для того, чтобы нанести удар по ненавистной ему физиономии, и наверняка он бы сделал это, если бы вовремя прозвучавший окрик Графа не заставил его кулак замереть в воздухе.

— Ты же убьешь его. А ведь ему еще завтра предстоит сделка с Соболевым. Прикинь, что скажет законник, когда узнает, что мы лишили его такого клиента.

— Так ведь он нас приговорил. И наверняка мы бы с тобой валялись сейчас где-нибудь на помойке, если бы не Соболев. — Все еще держа за грудки Хамелеона, Сыч размахнулся вновь.

— Я сказал, успокойся. — Голос Графа вдруг изменился. Привычный приказной тон шефа заставил подельника отказаться от мысли поквитаться с обидчиком. Сыч оттолкнул от себя Левицкого, да так, что тот отлетел к стене и, ударившись об нее головой, остался сидеть на полу, причем с таким видом, как будто он уже по-настоящему мертв, сам же Сыч прошел к двери и, встав там, с непонимающим взглядом уставился на Графа.

— Не торопи события. Всеу свое время, — как

бы отвечая на немой вопрос друга, проговорил тот и, повернувшись к Хамелеону, стал ждать, когда еврей выйдет из состояния шока.

Минуты через две Илья Вениаминович очнулся и стал озиаться, а затем с трудом поднялся с пола. Он откровенно не понимал, что ему надлежит делать в данной ситуации.

— Ну что на этот раз придумаешь? Слышь, ты, божий одуванчик? — Граф явно испытывал истинное удовольствие от возможности ткнуть Хамелеона мордой в собственное дерьмо, а потому особо не торопил события, ожидая, как поведет себя Левицкий.

— А что тут говорить, — развел в стороны руки Илья Вениаминович. — На этот раз твоя взяла.

Он хотел было что-то добавить, но, пошатнувшись, чуть не упал на пол. По всему было видно, что выпавшие на его долю столь неожиданные переживания подкосили как его моральное, так и физическое состояние. Со стороны казалось, что еще мгновение, и Хамелеон рухнет прямо на том месте, где жизнь практически поставила его на колени.

— Можно я сяду? — пролепетал он и, сделав пару шагов назад, вновь опустился на мешки с деньгами.

— Смотри-ка, его прямо так и тянет к бабкам, — на всю комнату заржал Сыч. — Одной ногой в могиле, а ведь все равно хоть и жопой, но липнет к ним. На хрена они тебе, на том свете-то? А? Чучело ты безголовое.

— Ладно. Хватит, — остановил друга Граф, по-прежнему не отводя глаз от Хамелеона. — Конечно, за все, что ты сегодня сотворил, тебя даже пришить мало. Да вот только не мокрушники мы, да и незачем нам грех на душу брать. Так что будем считать, что

вам повезло, господин Левицкий. К тому же, как для вас и ни горестно, все остались при своих интересах. Соболев с картиной. Мы — с банковским счетом на Кипре. — Граф достал из кармана тот самый конверт, который Илья Вениаминович час назад передал вору, и, помахав им в воздухе, сунул обратно в куртку. Ну а деньги, пенсионер, тебе. Нам-то они уже, похоже, ни к чему. Так. Одна обуза, да и только.

Граф хотел было что-то еще добавить, но звонок мобильного заставил его отвлечься. Достав трубку, он аккуратно приложил ее к уху. Выслушав что-то, Граф только лишь проговорил свое коронное «понял» и, повернувшись к Сычу, кивком подал ему знак.

Тот с понимающим видом, молча поднявшись с дивана, зашагал в комнату напротив и, почти сразу же выйдя оттуда с одной лишь сумкой через плечо, посмотрел на шефа.

— Я готов.

Граф, поднявшись с дивана, сунул пистолет за пояс. Он уже было направился к выходу, но, взглянув на Левицкого, проговорил:

— Да, и еще вот что. Все время хотел спросить тебя, зачем ты приклеил ко мне своего сына? Если только для того, чтобы он вычислил нашу берлогу, так это глупо. Я его сфотографировал почти сразу же, как только он встал на мой след.

— Честно? — ухмыльнулся вдруг Хамелеон.

— Да уж, хотелось бы. Чего сейчас-то врать, когда все уже и так кончилось.

— Верно. Сейчас, когда игра проиграна, врать на самом деле не имеет смысла. — Саркастическая улыбка вновь пробежала по лицу Ильи Вениаминовича и тут же, спрятавшись в уголки губ, мгновенно сделала

его похожим на плачущего Пьеро. — Я ведь, как только узнал об ограблении инкассаторов, сразу понял, что не сегодня, так завтра эти деньги придут ко мне. Вот только на тот момент желания влезать в это дело у меня не было никакого. Даже несмотря на ту, весьма и весьма серьезную выгоду, которую можно было получить от этой сделки. Только ведь я не олух царя небесного, чтобы совать голову в петлю. Козе понятно, что мусора уже где-то рядом ходят и наверняка рано или поздно выйдут на след украденных бабок. Да и банкиры тоже не подарки. Наверняка деньги эти они будут искать до конца дней своих. В общем, как ни крути, а все дороги вели ко мне. Именно поэтому я так и повел себя с тобой, Граф, когда ты впервые появился в моем доме.

— И что же заставило тебя изменить свое отношение? — с нескрываемым интересом слушая исповедь еврея, не смог удержаться от вопроса Граф.

— Картина. Так сложились обстоятельства, что именно в тот момент, когда ты приходил ко мне со своим предложением, я был полностью занят мыслями о выставке из Дрездена. Но стоило тебе покинуть мой дом, как я вдруг подумал: а почему бы не связать воедино деньги и похищение картины? Я ведь знал, что ты придешь еще раз, а потому продумал все до мелочей. Однако, сам понимаешь, в карты хорошо играть, когда заранее знаешь, сколько козырей на руках у твоего противника. Шансов больше выиграть. Вот поэтому-то я приказал Женьке идти за тобой. А то, что ты его смог сфотографировать сразу, так оно и было так задумано. И то, что он душу свою тебе излил, тоже моя идея. Главной целью было то, чтобы ты поверил ему и спрятал под свое крыло.

— А ведь я поверил, — честно признался Граф.

— Только вот он, сучонок, похоже, тоже на твою сторону переметнулся. — От обуявшей его вдруг злости Левицкий, даже не стараясь скрыть досады, сплюнул прямо перед собой на пол. — Как я ни пытался, как я его ни ломал, ведь так и не смог добиться, что же ты такое задумал. Твердит одно, как попугай: не знаю, меня не посвящали, и все тут. В общем, не оправдал он моих надежд. А ведь могло бы все сложиться по-другому.

— Интересно! Откуда у тебя столько ненависти к своему собственному сыну? Если ты его не только в тюрьму для достижения собственных целей отправил, но готов и на верную гибель послать, лишь бы своего добиться.

Граф почувствовал такую лютую ненависть к этому, не знающему доброты и жалости даже к собственному ребенку человеку, что рука его вновь сама собой потянулась к торчащему из-за пояса пистолету.

— А он мне не сын, — тут же выпалил, словно выстрелил, Левицкий. — Вернее, вполне возможно, только я в этом не уверен.

— Это как? — невольно вырвалось у Сыча, попрежнему стоявшего с сумкой через плечо у двери.

— А вот так. Молодость. Море, солнце, красивая девушка. Я уже тогда был вполне состоявшийся, зрелый мужчина. Повстречались. Пару раз переспали и разбежались. В общем, как случается сплошь и рядом, любовь не состоялась. И только где-то через год я совершенно случайно узнал, что Вера умерла при родах. И что у нее остался сын, которого она назвала Евгением. В общем, мать на кладбище, а пацан в приют попал.

— А что? У нее больше никого из родных не было, что мальчишку сразу в детдом определили? — продолжал допытываться Сыч.

— В том-то и дело, Вера была сирота.

Граф, не выдержав, все же выхватил пистолет и даже успел щелкнуть предохранителем.

— И ты это так говоришь, словно ты здесь ни при чем. Ведь умерла она, когда рожала твоего ребенка?!

— Ну и что? — не моргнув глазом, парировал Хамелеон. — И что мне надо было делать? Сломая голову бежать в роддом? И потом. Еще неизвестно, от кого у нее этот ребенок. Где гарантии, что он мой.

— Ну ты и сука! — прогремел Сыч. — Надо было тебя удавить сразу же.

— А что было потом? — жестом остановил друга Граф. — Как потом Тромбон оказался у тебя?

— Я сам забрал его из детдома.

— Зачем? — Опустил ствол в пол Граф.

— Для того чтобы сделать человеком.

— И ты это называешь человеком? Ты же специально лишил мальчишку нормальной жизни, чтобы сделать из него вора.

— А что в этом плохого? Ты ведь тоже вор.

Граф вскинул пистолет, но в этот момент из-за его спины прозвучал выстрел, который отбросил Хамелеона к стене. И тут же, не успев еще утихнуть звон в ушах, прозвучал второй. Пуля, пробив плечо старика, вонзилась в стену, отчего небольшое облако пыли поднялось над головой Левицкого.

Тромбон, пройдя мимо онемевшего Графа, приблизился вплотную к отцу. — Это тебе за меня. — Поднял он ствол вверх и направил его точно ему в голову. — А это — за мать.

Следующая пуля вошла точно в лоб Илье Вениаминовичу, оставив на этом месте кровавое пузырящееся отверстие.

Глава 18

ПО СЛЕДУ

После того как были арестованы первые двое участников ограбления инкассаторского броневика, события начали развиваться с такой быстротой, что Рыжов успевал лишь только принимать доклады и отдавать распоряжения. Все основательно обдумать, разработать определенный план дальнейших действий не представлялось возможным, потому что счет уже шел на часы, а иногда даже на минуты. Поэтому принимать решения приходилось уже на ходу, иногда просто по телефону, не имея ни малейшей возможности просчитать их хотя бы на два хода вперед.

То, чего больше всего боялся Юрий Владимирович, а именно реакции Кати на сообщение о причастности Воронцова к ограблению, прошло почти без особых осложнений. По крайней мере для него. Выслушав внимательно рассказ отца, дочь лишь проговорила: «Докажи». И тут же ушла к себе в комнату. Это был своего рода вызов, и Рыжов вынужден был подчиниться, так как понимал, что если он сейчас начнет убеждать ее разного рода доводами, то только усугубит положение, и тогда уж точно достучаться до сердца Кати ему будет весьма и весьма трудно. В ту минуту, когда он говорил с ней об этом, Юрий Владимирович еще не знал, как он сможет доказать дочери то, в чем сам еще не был уверен на все сто.

На помощь пришло известие о том, что человеком, отстрелившим портфель с деньгами от вагона, является не кто иной, как сам Воронцов. Особенно подхлестнуло Рыжова взяться немедленно за доказательства виновности Алексея то, что по всем признакам он в данную минуту направлялся на вокзал, и, по всей видимости, цель его была — получение в камере хранения денег. Приказав взять все передвижения Алексея на особый контроль, Рыжов выехал домой, где у подъезда его уже ждала Катя. Специально для них Шведову удалось добиться у дирекции вокзала, чтобы камеру хранения закрыли на технический перерыв хотя бы минут на двадцать. Это сработало как никогда удачно, за что полковник и был несказанно благодарен Сергею, так как более наглядной возможности доказать дочери, что ее жених преступник, ему наверняка больше бы не представилось.

Куда сложнее для Юрия Владимировича проходило объяснение с женой, но это уже, как говорится, было дело третье. Поэтому, возложив все утешения дочери на плечи Ирины, он тут же поспешил к своим, требующим его непосредственного присутствия, служебным делам.

Первые допросы, так сказать, по горячему следу, тех осязаемых результатов, на которые так рассчитывал Рыжов, пока не дали. Воронцов наглухо закрылся в самом себе, не желая не только давать какие-либо показания, но вообще отвечать на самые элементарные вопросы следователя. Стрелочник же изначально ничего конкретного не мог сообщить о месте нахождения Графа, так как имел связь только с Сычом, и то односторонне. И, хотя он уже через час после своего ареста начал давать вполне правдивые показа-

ния, касающиеся самого его участия в ограблении, повлиять на дальнейшее расследование дела он уже не мог ни при каких обстоятельствах.

После того как Рыжов получил информацию о том, что Тромбон, а также Хлыст и Грач отбыли с дачи Левицкого, он приказал вести всех троих. Но, когда уже через пятнадцать минут поступило сообщение о том, что «Газель» движается в сторону Ленинградского вокзала, он понял, что подельники Графа также решили изъять свои деньги из камеры хранения. Желание взять их с поличным почти сразу же было подавлено — торопиться было нельзя, требовалось основательно подумать. Права на ошибку у Юрия Владимировича быть не могло, так же как он не имел права упустить Грача с Хлыстом, да еще в придачу с украденными деньгами.

«Интересно, как поведут себя эти двое, если мы возьмем их прямо там, у камеры хранения?» — закрывшись в кабинете и меряя его из угла в угол шагами, размышлял Рыжов вслух.

«А как бы ты повел себя на их месте?» — расставил все вдруг по своим местам его внутренний голос.

Учитывая то, что Грач с Хлыстом волки опытные и наверняка, прежде чем сунуть нос в капкан, уж точно на сто ходов вперед попробуют просчитать все, то я бы на их месте в случае ареста заранее придумал бы какую-нибудь бесхитростную, но очень правдивую историю. Например, что они нашли на улице женскую сумочку, а лучше, у кого-нибудь украли ее, так будет выглядеть правдивее, а в ней находился жетон из камеры хранения. Тогда нам самим придется долго и упорно доказывать их причастность к ограблению каким-нибудь другим способом, а это уже поте-

ря времени и отсутствие стопроцентной гарантии, что все получится как надо.

Сняв трубку, Рыжов набрал номер сотового телефона Шведова. Тот как раз спешил на вокзал, чтобы лично участвовать в задержании Грача и Хлыста.

— Этих двоих не трогать, — отдал приказ Юрий Владимирович.

— Но... — хотел было возразить Сергей.

— Я сказал, не трогать. Снять на видеокамеру получение денег и вести дальше. Пойми, майор, только эти два друга могут привести нас к Графу. Я понимаю, ты сейчас скажешь, что есть еще Тромбон и Левицкий. Но где гарантии, что мы сможем выследить их? Зато Грач с Хлыстом, судя по их поведению, даже не предполагают, что за ними следят.

— А что, если они деньги профукают? — не веря своим ушам, попытался настоять на своем Шведов.

— А вот за это ты головой ответишь. А на всякий случай, чтобы ты до конца все прочувствовал, могу сообщить следующее: все то, что потратят эти два урода, я из твоей зарплаты вычту.

— Но я... — вновь зазвучало в трубке.

— Я сказал, не трогать, — повторил приказ Рыжов и тут же, чтобы хоть как-то поддержать майора, добавил: — Так надо, Сергей. Потом ты сам поймешь, что я был прав.

Левицкий по-прежнему оставался у себя на даче, и надежды на то, что он вообще когда-нибудь выйдет наружу, не было никакой.

Немного поразмыслив, Рыжов, принимая во внимание, что сейчас, когда они находятся на пороге развязки, а значит, вот-вот должна наступить острая

нехватка людей, отдал распоряжение снять наблюдение с дома Хамелеона.

Теперь оставался Тромбон. Именно на него надлежало обратить особое внимание, так как после визита к отцу он наверняка прямым путем последует в направлении логова Графа. Решив еще раз связаться с главной машиной, где и находились в данную минуту те, кто осуществлял слежку за этим парнем, Юрий Владимирович направился к столу с тем, чтобы позвонить. Но стоило ему протянуть руку к телефону, как тот вдруг вздрогнул и зазвенел своим противным звоном, словно все это время только и ждал, когда хозяин кабинета обратит на него внимание.

— Товарищ полковник! — раздался в трубке голос Чернова сразу же, как только Рыжов сдернул ее с аппарата.

Уже по одной интонации старшего лейтенанта он понял, что произошло нечто такое, что могло существенно осложнить все поиски главного преступника. И он не ошибся.

— Мы упустили Тромбона, — изрек Алексей.

Проговорил он эту фразу с таким сожалением, что стало абсолютно ясно, Левицкий-младший оказался гораздо ловчее и проворнее тех, кто следил за ним, если сумел обвести вокруг пальца даже таких профессионалов своего дела, каким считался Чернов.

— Он долго путал следы, крутясь на такси по всему городу, — продолжал докладывать Чернов. — Потом нырнул в метро. Там мы его еще некоторое время контролировали, но в определенный момент он исчез, словно сквозь землю провалился.

— Он что, вычислил вас?

— Я так не думаю. Просто, наверное, получил указание шефа раствориться в толпе.

Не дослушав доклада старшего лейтенанта, Юрий Владимирович швырнул трубку на аппарат и уже хотел было выругаться. Однако мысль о том, что он поступил совершенно правильно в отношении Грача и Хлыста, не дав майору арестовать их, несколько успокоила его. Решив, что надо будет еще раз связаться с Сергеем и предупредить, что теперь вся надежда только на его расторопность, Рыжов уже хотел было вновь взяться за телефон, как вдруг неожиданно на табло замигала желтая лампочка внутренней связи, и полковник, нажав на кнопку, тут же услышал голос секретаря.

— Юрий Владимирович! К вам Дронов.

— Кто? — не сразу поняв, о ком идет речь, переспросил Рыжов. Однако вовремя вспомнив, что это не кто иной, как сам начальник службы безопасности банка «Возрождение», он тут же, со знанием дела, переспросил: — Игорь Леонидович?

— Да-да. Игорь Леонидович, — поспешила подтвердить секретарша.

— Ну что же, пусть войдет, — сожалея заранее о потерянном времени, бросил в микрофон Юрий Владимирович и привычным движением ударил пальцем по клавише.

Как только Дронов вошел в кабинет, Рыжов сразу же по одному только его решительному виду определил, что что-то у них там с Соболевом не срослось. Иначе какого черта начальник службы безопасности банка поперся бы сюда, в МУР, когда дело об ограблении инкассаторов официально уже было закрыто.

Пригласив гостя занять место напротив, Юрий

Владимирович решил, что не стоит зря терять время, и, в знак приветствия протянув руку, сразу перешел в атаку. Причем сделал это почти в открытую, без всякой там разведки боем и прочего, что можно было бы назвать своего рода подготовительными мероприятиями.

— Судя по вашему визиту, воровской авторитет не смог обеспечить вам тех гарантий, которые давал в начале всей вашей сделки? — прозвучала первая фраза полковника. Но ей не было суждено повиснуть в безмолвном пространстве, и она стала предисловием к недолгому, но очень даже продуктивному разговору.

— Нет, Юрий Владимирович, на этот раз вы ошибаетесь, — совершенно спокойно ответил Дронов, не менее уверенно выдержав взгляд Рыжова. — Правда, деньги пока в банк не возвращены, но мы с минуты на минуту ждем звонка от Соболя, как и договаривались. Кстати, могу даже сказать больше, он сам позвонил несколько часов назад и предупредил, чтобы мы находились, так сказать, в боевой готовности. Похоже на то, что совсем скоро он укажет адрес, где находятся деньги.

— Тогда не понимаю, зачем вы здесь, если у вас все так складно получается? — искренне удивился Рыжов.

— Затем, что деньги деньгами, а преступники преступниками. Мы не хотим, чтобы интересы банка каким-либо образом разошлись с интересами правоохранительных органов. Это политика руководства банка, и мне доверили сообщить вам об этом.

— Ну что же, похвально, похвально. Можно даже сказать, что я рад, — с некоторым сарказмом улыб-

нулся Юрий Владимирович. — Вот только нам от этой вашей солидарности не жарко и не холодно.

— А вот это уже другой вопрос. Кстати, нахождение общего понимания по данной проблеме и есть цель моего визита к вам, — сверкнул зубами Игорь Леонидович.

— Интересно, — проговорил Рыжов.

— Все дело в том, — продолжал удивлять начальник службы безопасности, — я как бывший сотрудник ФСБ, знающий работу разведчиков не понаслышке, после того как руководство банка заключило договор с Сободем, решил провести что-то вроде своего собственного расследования. Не столько ради денег, сколько испытывая желание найти того, кто их похитил. Ведь с самого начала было ясно, что рано или поздно Соболев все равно выйдет на преступника, и тогда...

— И тогда вы устроили за ним слежку? — не дал договорить Дронову Рыжов.

— Боже упаси, — поднял руки вверх Игорь Леонидович. — Прекрасно понимая, чем чревато было бы и для меня, и для банка, если бы Соболев обнаружил за собой «хвост», я бы никогда не пошел на столь необдуманный шаг.

— Тогда что? — Не понимая, куда клонит Дронов, удивленно поднял брови Юрий Владимирович.

— Я пошел другим путем, проверенным годами и делами тоже. Найдя подход к одному из приближенных Соболя, я решил завербовать его. Вернее купить.

— И что? Получилось?

— Представьте, да.

— Только не говорите мне, что это помогло вам выйти на преступника. Все равно не поверю.

— Вы совершенно правы. Не помогло. Вернее будет сказать, пока не помогло, — для пущей важности понизив голос, проговорил Дронов. — Но мне стало известно нечто другое, а точнее, человек, который сможет вывести нас на след преступника.

— И кто он, этот неизвестный?

— Некто Левицкий Илья Вениаминович.

— О! — искренне рассмеялся Рыжов. — Эта новость для нас уже не новость. К тому же не секрет, что мы засекли участие этого господина в данном деле еще несколько дней назад.

— Но вы не знаете главного. А именно то, что существует связь между этим Левицким, Сободем и преступником, который совершил ограбление. Прошел ровно час, как некий Граф запросил помощи у Соболя, а точнее, попросил, чтобы тот обеспечил ему охрану.

— Кого, интересно, он боится? — подался вперед Юрий Владимирович, предчувствуя, что он стоит на пороге самого главного для себя открытия в этом непростом деле.

— Все того же Левицкого.

— Левицкого? — не поверил своим ушам Рыжов.

— Да. Илью Вениаминовича. Мало того, люди Соболя уже проследовали по одному адресу, где, по всей видимости, и находится сейчас этот самый Граф.

— Значит, вы уже догадались, что этот человек и есть тот самый преступник, который ограбил вашу инкассаторскую машину?

— Естественно, — невозмутимо ответил Игорь Леонидович, словно речь шла не о том, кто украл деньги, а о каком-то постороннем человеке.

— Тогда не понимаю, чего вы здесь сидите? Зная

адрес, вы могли бы без особых проблем взять и Графа, и его подельников в том числе. Я уж не говорю о деньгах.

— И нажать такого врага, как Соболев, — в тон полковнику дополнил Дронов. — До тех пор пока он не позвонит мне и сам не укажет адрес, где находятся деньги, я не имею права сунуть туда даже носа.

— Но договором с вором в законе не связаны руки у меня.

— Именно поэтому я и нахожусь здесь, в этом кабинете. Чтобы мы смогли вместе разработать единый план как захвата преступников, так и возврата денег. Единственное, о чем я буду просить вас заранее, чтобы проведение оперативных мероприятий не началось раньше звонка Соболя. В противном случае это будет выглядеть как несоблюдение всех условий договора. А с ворами, сами понимаете, ссориться себе дороже.

После разговора с Дроновым, в результате которого было обговорено взаимодействие двух заинтересованных сторон, Рыжов вызвал в управление Шведова, предварительно приказав передать слежку за Грачом и Хлыстом Чернову.

— Только сразу предупреди его, если он и этих ухарей упустит, я его переведу в медвытрезвитель. Будет пьяных по всей Москве вылавливать, — на всякий случай напомнил он о важности задания, хотя и без того знал, что после прокола с Тромбоном старший лейтенант в доску разобьется, но то, что ему было поручено на этот раз, отработает так, как требовал этого полковник.

Прошло уже почти два часа, после того как Дро-

нов покинул кабинет Рыжова, но до сих пор никаких известий от начальника службы безопасности банка не поступало. Прекрасно понимая, что могло произойти всякое и вполне возможно, что где-то что-то у Соболя не срослось, Рыжов все же больше склонялся к тому, что столь солидный провал во времени наверняка образовался из-за разборок вора с Хамелеоном.

— Лишь бы до стрельбы не дошло, — размышлял Юрий Владимирович.

— Юрий Владимирович! А может, этот Дронов блефовал? И нет никакой связи между Левицким, Сободем и Графом? — позволил себе усомниться во всем, что поведал ему полковник, Шведов. — А значит, все, что он здесь наплел, очередная утка или желание опять пустить нас по ложному следу.

— Не ной, — оборвал его Рыжов. — И так тошно. А чтобы раз и навсегда выбить из твоей башки всякого рода глупости, знай, я пока еще не научился разбираться в людях. Кроме того, немного больше тебя живу на этом свете, а значит, возможности отличить ложь от правды у меня гораздо больше, чем у некоторых. Да ты сам подумай, зачем это надо Дронову? Играть в кошки-мышки с МУРом? Глупо. Это может позволить себе только человек, окончательно припертый к стенке или заведомо тупой, как валенок.

— Но ведь уже два часа сидим. Сколько можно?

— Сидеть будем столько, сколько нужно. А если тебе невмоготу, представь, что мы с тобой на рыбалке. Прикорм бросили, ждем, когда подойдет рыба. В таком деле самое главное выдержка, чтобы взять крупняк, а не какую-нибудь мелочь. Кстати, о мело-

чи. Ты уточнял, где сейчас находятся Грач с Хлыстом?

— Только что. Сидят в кабаке, ужинают.

— Пьют?

— Нет. Только сок. Но жрут много. Чувствуется, бабки получили.

— Значит, что-то им предстоит еще сделать, коли до сих пор не напились.

— Наверное, — соглашаясь с рассуждениями полковника, глянул на часы майор. — «Газель» неподалеку стоит. Похоже, куда-то им еще предстоит ехать.

— А наши где? — принимая выводы Сергея за основу, вновь задумался Рыжов.

— Как где? В машинах маются. Бутерброды доедают.

— Передай, чтобы были начеку. Сдается мне, что вот-вот карусель закрутится, и тогда уже будет не до бутербродов.

— Есть передать! — Шведов встал и, выйдя из-за стола, направился к выходу. Он уже успел распахнуть дверь, как вдруг звонок телефона, а за ним и знак полковника задержаться заставили Сергея остановиться и замереть на месте.

До места расположения точки, где, по заверению Дронова, должны были находиться Граф и Левицкий, езды было чуть больше получаса. Но даже сопровождение группы захвата сотрудниками ГИБДД не могло существенно сократить этот безмерно огромный отрезок времени, из-за которого надежды на успех сокращались до минимума.

— Эх, если бы Дронов раньше хотя бы намекнул, в каком районе находится берлога Графа, по крайней

мере, мы бы смогли сосредоточить людей где-нибудь поблизости. А так...

С сожалением думая о том, что он может упустить главных действующих лиц, Юрий Владимирович вдруг вспомнил, что еще три часа назад он вообще не имел ни малейшего представления о том, что можно предпринять такого неординарного, чтобы хоть как-то оживить ситуацию. И вот, когда уже карта легла так, как надо, ему вдруг опять стало мало. Не потому, что на руках почти не было козырей, а всего лишь из-за того, что не было простора для нападения. Да и очередь сделать свой последний ход была на этот раз не его, а соперника, причем такого, для которого ошибка в затеянной игре соизмерялась с ценой потери главного в жизни, ради чего он жил, — свободы. В таких ситуациях бандиты начинают вести себя просто непредсказуемо, а когда петля еще туже затягивалась на их шеях, то все могло запросто вылиться в крайность, допустить которую Рыжов просто не имел права.

Сооружение, больше похожее на самый обыкновенный магазин, чем на офис, люди в камуфляже, защитных касках и масках на лице обложили со всех сторон в считанные минуты. Они, как привидения, ушли в темноту и растворились в ней, готовые в любую секунду ринуться в самое пекло и навести ужас на тех, кто не хотел жить по установленным обществом законам. Желание взять штурмом эту конуру и на этот раз было явно сильнее разума Рыжова, который диктовал совершенно противоположное, а именно не торопиться, осмыслить происходящее и только после основательной проверки принимать решение. Ценой невероятных усилий полковник переступил

через самого себя и приказал Шведову еще раз проверить все вокруг, а главное — выяснить, есть ли какие-нибудь передвижения внутри помещения.

— Будь осторожен. Не лезь на рожон, — давал последние наставления Сергею Юрий Владимирович, когда, разрывая на части тишину, загудела лежащая между сиденьями портативная рация.

Вызывал Чернов. Он, как только полковник снял трубку, почти скороговоркой сообщил, что Грач с Хлыстом десять минут назад вышли из ресторана и сейчас все на той же «Газели» направляются в их сторону.

— Уж не к нему ли они решили наведаться? — подумал Рыжов, радуясь в душе представляющейся возможности одним махом взять всю банду, и, вызвав по рации командира собровцев, попросил его попридержать своих хлопцев.

— Кажись, в клетку еще птички лезут. Если минут через двадцать не подгребут, пускай своих парней. Только просьба, по возможности всех, кто там есть, надо взять живыми.

— А если они начнут брыкаться? — на всякий случай решил уточнить капитан.

— Тогда как получится.

Мысль о том, что Грач с Хлыстом двигаются к берлоге Графа, подтверждалась старшим лейтенантом каждые пять минут. Находясь от цели, как и положено, на допустимом для наблюдения расстоянии, он докладывал по приказу полковника в строго оговоренном временном интервале, что давало возможность Рыжову заранее просчитать встречу столь долгожданных гостей.

— «Газель» остановилась, — неожиданно вырвался из рации голос Чернова. — К ней подошел какой-то мужчина. Они разговаривают. Так. Мужчина отходит. Идет в сторону... Нет. Он уже бежит к проходному двору.

Алексей почти перешел на крик. Уже по одному его голосу было ясно, что он не ожидал такого поворота дела, а потому был крайне возбужден.

— Какой мужчина? Почему побежал? — растерялся Юрий Владимирович.

— Не знаю, — мгновенно донеслось из рации.

Мысли путались, не давая возможности сосредоточиться. Необходимо было принимать решение, а Рыжов не знал, как следует поступить в данной ситуации. Из оцепенения его вывело все то же характерное потрескивание рации и возникший ниоткуда голос Чернова, очень похожий на крик репортера, который, ведя хоккейный матч, каждый раз при создании голевой ситуации вдруг переходил на крик.

— Они отъезжают. Двигаются в вашу сторону. Что мне делать, товарищ полковник?

Шайба вот-вот должна была влететь в ворота, а это означало, что необходимо было дать болельщикам прочувствовать ситуацию в полном ее объеме. И он это делал так, как никто, заставляя сердце сжиматься и сладостно биться дальше, когда все же взятие ворот состоялось.

— Значит, так. Оставляй двоих там. Пусть все внимательно вокруг осмотрят. Только осторожно. Не дай бог, засветятся, не видать нам тогда Графа, как своих ушей. Сам продолжай двигаться за «Газелью». Как только они окажутся вблизи от нас, гаси фары и жди.

— Чего ждать? — не понял Чернов.

— Дальнейших указаний! — рявкнул Рыжов. Но тут же, словно что-то вспомнив, уже мягче добавил: — А вообще-то обеспечить дежурство вокруг грузовика. Вдруг эти ребятки слишком прыткие окажутся и рванут назад, а тут как раз ты, собственной персоной. Так что давай, старлей, дерзай. Не проворишь Графа, генералом будешь.

— А как же вы, товарищ полковник?

— Что — я? — не понял Рыжов.

— Вы-то куда, если я генералом стану? На пенсию, что ли?

— Не дожدهшься, — приняв шутку Чернова, Юрий Владимирович, усмехнувшись, отключил рацию.

Грузовик, подъехав к дому, минут пять стоял метрах в пятидесяти от ворот. Находящиеся в нем люди явно, прежде чем покинуть машину, решили на всякий случай присмотреть за зданием, нет ли каких-либо подозрительных передвижений вокруг него. Наконец, после томительного ожидания, правая дверца «Газели» медленно отошла в сторону, и из кабины ступил на асфальт среднего роста мужчина.

— Грач, — с первого взгляда в бинокль ночного видения определил Рыжов.

Пройдя к воротам, Грач вошел в калитку и, уже привычным движением открыв изнутри ворота, махнул рукой в сторону грузовика. Не включая фар, «Газель» дернулась и, плавно тронувшись с места, въехала во двор, после чего ворота закрылись.

— Ну вот, Сергей! И твое время пришло. — Юрий Владимирович обернулся и в упор глянул на сидящего сзади майора. — Давай двигай потихоньку. Только

осторожно. Как только посчитаешь, что пора действовать, дай команду собровцам.

— Есть! — коротко, по-военному произнес Шведов.

Он уже вынул из кобуры пистолет и хотел было выскочить из машины, но и на этот раз все та же рация остановила его.

— Товарищ полковник! — шепот Чернова только одной своей интонацией уже привел Рыжова в полное замешательство. — Товарищ полковник! — вновь прошелестел по всему салону голос Алексея.

— Я слушаю тебя, Чернов. Ты где? — предчувствуя что-то необычное, затаив дыхание, отозвался Юрий Владимирович.

— Я в кузове.

— В каком еще кузове?

— В «Газели». Вы же сами приказали контролировать грузовик. Вот я и залез... — Голос оборвался точно так же, как и появился.

Дал он о себе знать вновь только через минуту, которая показалась Рыжову настолько долгой, что он уже было собрался вызвать по рации командира СОБРа.

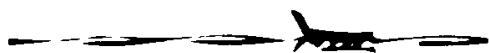
— Они вытаскивают мешки с деньгами и складывают их около машины.

— Что? — почти выкрикнул Рыжов, глянув назад, где должен был находиться Шведов.

Но майора в салоне уже не было. Мелькнувший среди покачивающихся на ветру лип Сергей сломя голову летел туда, где в любую минуту могла разыгаться трагедия.

Юрий Владимирович сорвал с рации трубку.

— Слушай меня, капитан! В грузовике мой чело-

век. Еще один на подходе. Штурм отменяется, так как бандиты могут быть вооружены. Надо срочно проникнуть на территорию и обезвредить их там, как только они вновь выйдут из здания.

— Не волнуйтесь, товарищ полковник. Сделаем все в лучшем виде, — слишком спокойно и даже невозмутимо отреагировал на взволнованный голос Рыжова собровец.

Только бы они не полезли в кузов. Судя по тому, что они складывают мешки сначала на улице, можно предположить, что грузить они их будут все сразу. Только бы не полезли. Мысль сверлила мозг Рыжова, заставляя в страхе прислушиваться, не прозвучит ли выстрел. Именно этого глухого щелчка, который должен был разнестись эхом по всей округе, он в эту минуту боялся больше всего. Секунды бежали неумолимо, но вокруг все по-прежнему было тихо и спокойно. Рыжов, выйдя из машины, сунув в рот сигарету, которую только что стрельнул у водителя, все ждал и ждал, с надеждой поглядывая на спящую рацию, которая почему-то именно сейчас, когда ей надо было голосить во все горло, упорно молчала.

Первым дал о себе знать капитан.

— Все, товарищ полковник, — прозвучало по рации. — Похоже, мы вам уже больше не понадобятся. Кстати, имея таких парней, как те двое, вы могли бы нас и не беспокоить. Они все сделали сами, причем так, что лучше и не придумаешь.

— Граф там? — радуясь и все еще не в силах избавиться от обуявшего его волнения, проговорил в трубку Рыжов.

— Я не знаю, кто здесь граф, а кто барон. Но, что народу в помещении полно и весь пол в кровище, это

точно. Кстати, без жмурика в этой конюшне не обошлось. Завалили какого-то старика. Но это, как говорится, уже претензии не к нам. Тут кто-то другой постарался. Придешь, сам убедишься.

* * *

Следующий день для полковника Рыжова начался с того, что он, проснувшись, тут же, сам даже того не замечая как, окунулся в размышления по поводу всего происшедшего за вчерашний день.

Грача с Хлыстом взяли с поличным. Левицкий получил пулю в лоб. Интересно, кто это его так? Граф с Сычом не могли, они не мокрушники. Остается только Соболев, вернее его люди. Ну да бог с ними. Потом разберемся. Сейчас надо искать Графа. Но где? Где искать этого проныру? Наверняка он уже знает об аресте подельников, а значит, одно из двух: или ляжет на дно, или уйдет за кордон.

Рыжов откинул одеяло и, присев на край кровати, хотел было уже подняться и идти в ванную, но мысли никак не хотели отпускать его.

Тот неизвестный, что подходил к «Газели», был или Сыч, или Тромбон. Так как после того, как он скрылся во дворе, оттуда вскоре на противоположную сторону улицы выехала черная «Волга». Проследить, куда она поехала, не удалось. Сотрудник был на своих двоих, и, пока он добежал до машины, «Волги» уже и след простыл. Опять эта «Волга». Опять. Будь она трижды проклята.

В висках застучало. Так всегда бывало, когда слишком многое лезло в голову, а отобрать из этой чехарды мыслей по-настоящему важные не получалось.

— При первом допросе людей Левицкого один из

охранников обмолвился, что слышал, как шеф говорил с кем-то о какой-то картине. Но картины в помещении не обнаружено. Значит, ее увез с собой Соболев или Граф. Хотя зачем она Графу? С ней ведь одни проблемы. Не дай бог, на таможне поймают. Нет. Ставить под удар все из-за какой-то там картины, даже если она и стоит баснословных денег? Нет. Исключено. Он не настолько глуп, чтобы своими же руками затягивать на собственной шее петлю. А что, если позвонить Дронову? Вдруг его человек, тот самый из приближенных к Соболеву, что-нибудь слышал о картине.

Идея поздравить начальника службы безопасности с успешно завершенным делом, а заодно поинтересоваться по поводу шедевра, несколько улучшила настроение Рыжова. А когда со стороны кухни в спальню поплыл запах его любимых оладушек, и вообще жизнь стала вдруг казаться по-прежнему прекрасной, даже несмотря на всяких там Графов, Сычей и Тромбонов. Юрий Владимирович встал и, потянувшись, прошел к окну, чтобы распахнуть настежь его створки и впустить в комнату поток свежего, прохладного воздуха.

Дронова удалось разыскать ближе к обеду. Извинившись за то, что в данную минуту не может говорить, он пообещал позвонить через пять минут.

Наверняка обмывают возврат денег, — подумал Рыжов. — А может быть, боится, что телефон прослушивается?

Вопросов было столько, что Юрий Владимирович даже не стал пытаться найти ответ хотя бы на один из них. Он лишь только подумал про себя, что не так этот Дронов и плох, как показалось ему при их

первой встрече. По крайней мере, если не обманул и не подвел вчера, может быть, выручит и сегодня. Глянув на часы, он вдруг отметил про себя, что пять обещанных минут уже почти на исходе, а звонка как не было, так и нет.

Неужели Дронов необязательный человек? — не успел подумать Рыжов, как тут же, словно в ответ на его вопрос, на столе зазвенел телефон.

Внимательно выслушав просьбу полковника, Игорь Леонидович задумался.

— А вы знаете, Юрий Владимирович, что-то такое в разговоре с этим человеком уже однажды выплывало. Нет. Я, конечно, сегодня же его разыщу и обо всем самым подробнейшим образом расспрошу. Но тем не менее я точно знаю, что в последнее время Соболев очень даже большое внимание уделял этому самому Левицкому, а буквально за два дня до всех событий он вдруг поручил одному из своих людей узнать все о каком-то англичанине. Фамилия его, если, конечно, мне не изменяет память, Маккенрой. Он то ли должен был приехать на днях в Москву, то ли уже приехал. На вопрос, кто такой, Соболев тогда высказался лаконично: свинья-копилка. Кроме как о картинах, ни о чем говорить не хочет.

Положив трубку, Рыжов, тут же вызвав к себе Шведова, приказал ему в самом срочном порядке разузнать все о Маккенрое и, самое главное, где он остановился.

Информация поступила уже через полчаса. Англичанин прилетел сегодня утром. Поселился он в отеле «Савой». До этого момента никуда из номера не выходил. Только лишь час назад спускался в ресторан, позавтракал и вернулся к себе в номер.

— Кому-нибудь звонил? — на всякий случай поинтересовался Рыжов.

— Нет. По городской связи звонков не было. Наверняка избегает всякого рода контактов сознательно, боясь прослушки. Да и зачем городской телефон, когда в кармане лежит сотовый.

— Организуйте за этим англичанином наблюдение. Сдается мне, что пожаловал он по поводу украденного шедевра. И наверняка с подачи Левицкого.

— Так Левицкий же убит, — решил напомнить Шведов.

— Да. Но Маккенрой, похоже, об этом еще не знает. Если бы знал, в Москву не прилетел.

Глава 19

КОНЕЦ ВЕРЕВОЧКИ

Во время последнего телефонного разговора Соболев предупредил Графа, что ровно через час он намерен позвонить начальнику службы безопасности банка, а значит, наверняка еще через тридцать минут ментовка во главе с полковником Рыжовым будет на месте. И вот сейчас, глянув на часы, Граф понял, что после разборок с Левицким у него осталось не больше сорока минут. Для того чтобы перепрятать деньги, времени было достаточно. И хотя это уже было нарушением их договоренности с Соболем, согласно которой он должен был оставить мешки нетронутыми, Граф в силу недоверия вору, а также в качестве гарантии своей собственной безопасности решил на всякий случай переправить саквояжи в более надежное место. Именно для этого он и вызвал Грача с

Хлыстом, чтобы те погрузили все мешки в грузовик и перепрятали их. Мысли о том, чтобы кинуть Соболя, у Графа не возникало изначально, а потому сообщить ему, где находятся деньги, он намеревался уже из самолета, отбывая в свое путешествие по миру.

Сейчас же ему оставалось закончить начатое дело, чтобы через час отбыть в Питер. Оттуда на автобусе или на тачке он намеревался достичь финской границы, а дальше как бог даст. Конечно, можно было рискнуть мотануть прямо из Шереметьева, но слишком многое было поставлено на карту, да и ни к чему вся эта прыть, когда существовала более реальная возможность уйти незамеченным.

Сыч вошел первым, дав понять взглядом, что машина у подъезда. За ним следом появился и Тромбон.

Уже находясь в салоне «Волги», Граф дал команду двигать в сторону центрального проспекта, но почти на самом к нему подъезде приказал свернуть во двор и ждать прибытия «Газели».

— Как только Грач с Хлыстом остановятся, пройдем к ним и в двух словах объяснишь задачу. В принципе они все уже знают. Поэтому тебе надо будет только уточнить нюансы, и все. Да, и не забудь предупредить, чтобы поторопились. На все про все у них времени меньше сорока минут.

— А мне как быть? — подал голос сидящий на заднем сиденье Тромбон.

— А тебе... — улыбнулся в ответ открытой улыбкой Граф. — Тебе, парень, жить и наслаждаться. Ты теперь у нас наследник всего, что удалось наворовать Хамелеону. Поезжай в кабак, напейся до пороссячьего визга и вали домой. Кроме нас с Сычом и твоего покойного батюшки, ведь никто не знает, что ты заме-

шан во всех этих делах, так что опасаться тебе нечего. Папа уже ничего не скажет, а нам тоже, сам понимаешь, трепать языком особо ни к чему.

Сыч, развернув машину в направлении выезда на параллельную улицу, проехал еще примерно полквартала и остановился у обочины. Отсюда он намеревался пройти через проходной двор и уже во дворе огромного дома, стоявшего на пересечении двух автомобильных магистралей, дожидаться Грача с Хлыстом, которые должны были прибыть на условленное место с минуты на минуту.

Назад он возвращался почти бегом. По договоренности он должен ждать «Газель» не больше десяти минут, но, когда пролетело уже почти двадцать, Сыч не выдержал и решил, что больше не стоит терять времени.

— Ну что там? — встретил его волнуемым всех вопросом Граф.

— Пусто. Время вышло, и я слинял, — с трудом переведя дыхание, проговорил в ответ Сыч. — Не нравится мне все это. Чувствует моя жопа, дергать надо из Москвы.

— Похоже, ты прав, а потому давай дави на гашетку, — прислушиваясь к совету друга, принял решение Граф. — А что касается корешей наших, так они и без того знают, как им следует поступить дальше.

Тромбона высадили ближе к центру. После чего оставалось заехать в гараж, забрать кое-какие вещи, припрятанные на дорогу деньги, и можно было со спокойной душой отваливать в сторону северной столицы. Там они должны были бросить машину и разбежаться в разные стороны: Граф — в Финляндию, а Сыч — в свой незабвенный Горный Иштан.

Уже где-то на середине пути засветившийся зеленым светом монитор сотового телефона показал, что звонит Соболев.

— Ты где? — вопрос вора был коротким.

— Еду, — так же лаконично ответил Граф, давая понять, что он в полном порядке.

— Я вот что подумал, а не прокрутить ли нам с тобой завтра одну совместную комбинацию. Имеется в виду наш договор с Хамелеоном.

— Забудь. Его больше нет.

— Как это нет? — с нескрываемым удивлением выкрикнул в трубку Соболев.

— Очень просто. Старик, после того как ты ушел, стал много брать на себя, поэтому пришлось усмирять. А так как слова не помогли, то все закончилось пулей в лоб.

— Вот это новость.

Пауза в разговоре, которую вдруг взял Соболев, явно ошарашенный столь неожиданным известием, дала понять Графу, что тот в эту минуту лихорадочно соображал, что же стоит предпринять такого, чтобы повернуть затеянное им дело, но уже без главного действующего лица.

— Тромбон с тобой? — вновь прозвучал голос Соболя, когда молчание стало уже тяготить.

— Нет. Мы его высадили на Садовом. Парень, похоже, решил, что пора расслабиться.

— Значит, так. Срочно разыщи его, и быстро ко мне. Записывай адрес.

— Но я вроде как уже в пути. И потом... — хотел было отказаться Граф. Однако тон Соболя был настолько категоричен, что желание спрыгнуть тут же отошло на второй план.

— Я сказал, бросай все и двигай ко мне, — гавкнул в трубку вор и выключил телефон.

Первый шаг для претворения в жизнь намеченного Соболев планом, касающегося не только украденной картины, но теперь уже и ее будущего владельца, англичанина Маккенроя, который прибыл в Россию специально ради нее, был сделан ровно пятнадцать минут назад. Позвонив по телефону прямо в гостиничный номер иностранного гостя, Тромбон представился как Левицкий-младший и, объяснив, что отец доверил закончить это дело ему, договорился с англичанином о встрече прямо по месту его временного проживания.

— А где сам Илья Вениаминович? — не замедлил обратиться с вполне закономерным вопросом Маккенрой.

— У отца проблемы с сердцем, — не моргнув глазом, соврал Тромбон. — Вчера вечером его увезли на «Скорой», а минут пятнадцать назад мне позвонил врач и передал, что у отца инфаркт.

— Сожалею. Сожалею, — недоверчиво сказал иностранец, но тут же уверенно произнес: — Надеюсь, то, о чем мы с ним договаривались, у вас будет с собой?

— Да-да. Конечно, — поспешил заверить его Левицкий-младший, понимая, что вопрос о встрече решен и сейчас остается лишь только уточнить время и некоторые организационные моменты.

На вопрос, будет он один или с кем-то, Маккенрой тут же получил ответ от Евгения, что по распоряжению отца на протяжении всей встречи его должен сопровождать охранник.

— Поймите, это не моя блажь. Это требование

отца, и нарушить его я не имею права. Кому, как не вам, знать о ценности данной вещицы и идти с ней без какого-либо прикрытия, согласитесь, было бы глупо и безрассудно.

— Ну что же, — после такого веского аргумента вынужден был согласиться Маккенрой. — Коль это воля самого Ильи Вениаминовича, то я жду вас, например завтра. В одиннадцать вас устроит?

— Вполне, — согласился Тромбон.

— Но учтите, молодой человек, — несколько изменив тон, решил оставить за собой последнее слово англичанин, — проверять то, что вы мне принесете, я буду с особой тщательностью. И если только возникнет какое-либо подозрение, то сделка прекратится тут же, без всяких объяснений.

В предстоящем спектакле распределение ролей прошло совершенно в противоположном плане, чем в двух предыдущих. На этот раз главная выпала на долю Тромбона, а Графу пришлось разыгрывать при нем охранника.

Точно в назначенный час они вошли в здание отеля. И, как только швейцар в ливрее, чуть склонив голову, пропустил их в холл, к гостям навстречу тут же поспешил один из администраторов, который заранее был предупрежден о предстоящем визите господ. Приблизившись вплотную, он вежливо поприветствовал Графа с Левицким и, мило улыбнувшись, попросил следовать за ним. Лифт совершенно бесшумно доставил их на третий этаж, и там, пройдя по коридору, украшенному небывалой красоты ковровой дорожкой, все трое вскоре оказались у двери, на

позолоченной табличке которой красовался триста двенадцатый номер.

Стоило администратору стукнуть в дверь, как она тут же распахнулась, и на пороге появился мужчина в белоснежной рубашке. Очевидно, это и был тот самый Маккенрой, которого ни Граф, ни Тромбон никогда даже в глаза не видели.

Поблагодарив администратора и сунув ему в ладонь пятидолларовую купюру, англичанин на ломаном английском вперемежку с русскими словами пригласил гостей пройти в номер.

— Прошу, господа. Может быть, желаете, чего-нибудь выпить? Коньяк? Виски? Водка? — доброжелательно улыбаясь, защебетал Маккенрой сразу же, как только Тромбон занял предложенное ему место на диване и демонстративно положил большой пластиковый пакет на журнальный столик. Граф же, как и положено охраннику, остался стоять у входа в комнату.

— Нет. Спасибо, — вежливо и с некоторым почтением отказался Левицкий. — Для нас прежде всего дело. Тем более что отец наверняка будет волноваться, пока я не позвоню и не сообщу ему о результатах нашей встречи. А волновать его, сами понимаете, в таком положении крайне нежелательно.

— Да-да. Конечно, — спохватился англичанин.

Заняв место в кресле напротив, он вопросительно взглянул на Тромбона. — Ну что же? Дело так дело. Давайте вашу картину. Посмотрим, и вправду ли она так хороша, как твердит об этом весь мир.

Левицкий, прежде чем раскрыть пакет и достать оттуда запечатанную картину, бросил на Графа тот самый выразительный взгляд, который был понятен

только им двоим. После того как в ответ был получен едва заметный кивок, он тут же перевел взгляд на англичанина.

— Извините, господин Маккенрой. Но у моего охранника есть инструкция, по которой он обязан проверить все помещение на случай присутствия здесь не только посторонних лиц, но и всевозможных подслушивающих устройств. Сами понимаете, значимость сделки обязывает соблюдать меры предосторожности.

— Конечно! Конечно! — соглашаясь, развел в стороны руки англичанин. — Ради бога. Обойдите все. Посмотрите, проверьте. Я и сам всегда так делаю, когда вопрос стоит о столь серьезных приобретениях.

Граф тут же, со знанием дела, начал осмотр номера с центральной комнаты. Проверив телефон, вазу с цветами, картину на стене, он не забыл также заглянуть и под столешницу. После чего для пущей важности самым тщательным образом осмотрел бра и исчез за дверью соседней комнаты. Появился он через несколько минут. Сделав еле заметный знак Тромбону, он, не произнеся ни слова, занял свое прежнее место у стены, внимательно следя за разговором и движениями англичанина.

После того как картина была изъята из пакета и освобождена от бумаги, она тут же перешла в руки Маккенроя. Открыв небольшую шкатулку, стоявшую здесь же на столе, он вынул из нее лупу и принялся разглядывать картину.

Все это время Граф и Тромбон с замиранием сердца следили за манипуляциями Маккенроя. Наконец он чмокнул языком, тем самым выразив свое восхи-

щение, бросил в последний раз взгляд на полотно и вернул его Левицкому.

— Ну что же, все в порядке. Вне всяких сомнений, это настоящий Антуан Ватто. Я рад, что мне наконец-то несказанно повезло. Я встретился с одним из шедевров самого загадочного художника того времени, и все это благодаря вам, господин Левицкий.

— Так вы берете картину или нет? — не выдержал Тромбон.

— Да-да. Конечно, — испуганно глянул на него Маккенрой. — Но с одним условием. Вы должны будете написать мне расписку, в которой укажете, что все деньги за этот шедевр вами получены в полном объеме.

Поднявшись из кресла, он вышел из комнаты, чтобы вернуться уже через минуту с конвертом в руках.

— Здесь документы на предъявителя, — проговорил англичанин, протягивая его Левицкому. Так что вы можете хоть сегодня получить все деньги, находящиеся на этом счете в одном из кипрских банков. Ровно столько, на сколько мы договорились с вашим отцом. Я предлагал Илье Вениаминовичу рассчитаться чеком, но он отказался, мотивируя это тем, что ему так якобы будет удобнее.

— Я в курсе, — кивнул в ответ Тромбон, принимая объяснения Маккенроя, касающиеся столь необычной и явно не в меру сложной системы расчета. Открыв конверт, он вынул из него бумаги и, разложив их на столе, начал внимательно разглядывать каждую из трех, то и дело переводя взгляд с одной подписи на другую. После чего, вложив их об-

ратно в конверт, пристально посмотрел на англичанина.

— Вы, конечно, меня извините, господин Маккенрой, но каждая бумага требует тщательной проверки. Особенно такие, как эти. А мне ой как не хочется опростоволоситься перед отцом. Поэтому я вынужден взять эти документы на проверку. До того момента, как мы появимся здесь вновь, картина останется у вас. Пусть она будет гарантом нашей сделки. Если бумаги настоящие и деньги на самом деле находятся на данном счете, мы через час вернемся и тогда окончательно приведем в порядок оформление нашей сделки. О'кей?

— О'кей! О'кей! — поспешно затараторил Маккенрой.

Законник ждал в условленном месте. Машина стояла среди множества таких же крутых тачек, как и его «мерин».

— Ну что? Как все прошло? — не дожидаясь, когда Граф хлопнет дверцей, встретил их вопросом Сობоль.

— Я думаю, что все в порядке, — глянув на подельника, проговорил Тромбон. — По крайней мере картину англичанин принял, деньги отдал. Осталось только нанести второй визит, и все.

— Через сколько договорились встретиться?

— Через час.

— Ну что же, — глянув на часы, проговорил Сობоль. — Я думаю, самое время выпить чего-нибудь, а то во рту, как в пустыне, все пересохло. Дав знак водителю, он повернулся к сидящему сзади Графу: — Не хотел говорить тебе, но сейчас вдруг подумал, что

надо. — Вчера, после того, как вы слиняли со своей берлоги, туда нагрянули мусора. Им удалось взять Грача с Хлыстом прямо на месте. Так что пора и тебе линять из Москвы. Как только дело с картиной закончим, сразу в путь. Все понял?

— Все, — после непродолжительной паузы произнес Граф.

Час пролетел незаметно. Сидя в одном из многочисленных летних кафе на берегу Москвы-реки, они, потягивая из высоких бокалов прохладное пиво, вглядывались в небольшой кораблик, плавно движущийся по речной глади. Сидели молча, не приставая друг к другу с вопросами и не утруждая себя бессмысленными разговорами. Все и так было предельно ясно и понятно. Оставалось только сделать последний ход, чтобы пройти в дамки, а дальше... Дальше уже было делом техники... Выйти из отеля и раствориться в той суматошной толпе прохожих, которая единым течением изо дня в день, из часа в час неслась и неслась по бескрайним просторам столицы.

Граф, вглядываясь в меланхоличные движения бармена, который со скучающим видом протирает бокалы, почему-то вдруг совершенно отчетливо представил себе, как два его неразлучных друга, Хлыст и Грач, сидят сейчас перед следователем и парят ему мозги в ответ на заковыристые вопросы по поводу того, где сейчас находится их шеф. А ведь вместо этого они запросто могли бы греть где-нибудь у моря животы и не думать ни о чем. Мысль об аресте подельников настолько взбудоражила Графа, что желание плюнуть на встречу с этим самым Маккенроем и бежать, бежать отсюда сломя голову куда-нибудь подальше, почти уж заставило его вскочить со стула. И только лишь один взгляд Соболя, неотступно сле-

дивший за ним, в один момент заставил его отказаться от всего, что только что так рьяно руководило его волей.

Стоило Графу с Тромбоном войти в отель, как тут же из-за стойки почти бегом к ним кинулся все тот же администратор, что встречал и провожал гостей до номера Маккенроя в их первый визит.

Уже на подходе к лифту Граф, как бы нечаянно сунув ему зеленую десятку в руку, проговорил:

— Провожать не надо. Сами дорогу знаем.

Администратор с пониманием тут же отошел в сторону и, спрятав в перчатку купюру, продолжал стоять и улыбаться своей притворной улыбкой до тех пор, пока дверцы лифта не сомкнулись, а бесшумный двигатель не заставил кабину плавно устремиться вверх.

Уже в двух шагах от дверей номера Граф дернул за руку Левицкого.

— Тормозни на секунду.

Вынув из кармана небольшой прямоугольный предмет, очень похожий на пульт от телевизора, он, направив его на дверь, аккуратно нажал на красную кнопку.

— Две минуты придется подождать, — заявил он, после того как пульт был спрятан в карман пиджака.

Пройдя до конца коридора, они повернули за угол и, глядя на часы, начали отсчитывать секунды. Те самые, которым почему-то именно сейчас вздумалось ползти гораздо медленнее, чем обычно.

Наконец, когда стрелка прошла необходимые два круга, Граф, достав из кармана набор отмычек и отстранив Левицкого, проговорил:

— Жди меня здесь. Как все сделаю, дам знать.

Замок поддался на редкость быстро. Легонько звякнули ригели, и дверь плавно отошла в сторону. Щелкнув пальцами, Граф махнул рукой, на что Тромбон отреагировал почти мгновенно. Переступив порог, оба, прежде чем войти внутрь, на всякий случай замерли на месте, прислушиваясь к тем звукам, которые с трудом, но проникали сквозь толстые стены, отделяющие комнаты от коридора.

— Это телевизор, — первым нарушил тишину Левицкий.

Прежде чем войти внутрь, оба как по команде достали из кармана заранее приготовленные, смоченные водой платки и, прикрыв нос и рот, двинулись вперед в направлении главной комнаты.

— Он спит. Вон на диване развалился, — прошептал Тромбон, показывая в глубь комнаты пальцем. — Похоже, и на этот раз твоя машинка сработала безотказно.

— Ладно языком-то чесать. Ищи картину — и линиям отсюда, а то что-то запах мне здесь не нравится.

— Какой еще запах? — не понял Тромбон. — Газом, что ли, несет?

— Каким газом? Тюрьмой, — проговорил тот и шагнул в сторону прилегающей к залу комнаты. Именно там еще час назад он спрятал в напольной вазе баллончик с газом.

— Нашел, — слышался голос Тромбона.

Повернувшись, Граф увидел, как тот извлек из принесенного с собой пакета копию картины Антуана Ватто и, аккуратно поменяв ее на оригинал, сунул его обратно в мешок.

— Все. Можно двигать, — подмигнув, улыбнулся Левицкий.

Но Граф уже не слышал его. Он вдруг совершенно отчетливо почувствовал столь знакомое ему дыхание тюрьмы. Оно было настолько очевидным, как будто он находился не в номере самого дорогого отеля страны, а на уже привычной ему шконке, насквозь пропахшей потом, мочой и мужскими слезами.

— Ты прав, Граф. Для тебя здесь на самом деле пахнет тюрьмой, — прямо за спиной прозвучал голос Рыжова.

Тромбон опустился на стул, не выпуская картину из рук, тогда как Граф все еще стоял, не поворачиваясь, словно пытался отогнать от себя этот долгий, почти нескончаемый и самый страшный сон в своей жизни.

— А платок можешь убрать. На этот раз уловка твоя не сработала. Баллончик мы обезвредили еще до того, как ты попытался включить газ.

Слова полковника отдельными звуками долетали до сознания Графа, который даже не пытался понять их смысл. Он все продолжал и продолжал стоять как вкопанный, словно все, что происходило вокруг, никоим образом не касалось его лично. Дальше все для Графа происходило как в замедленном действии. С дивана поднялся господин Маккенрой и, приблизившись вплотную к Графу, заломил ему за спину руки и защелкнул на них наручники. Включением в реальность оказались два слова полковника, который почему-то назвал англичанина майором. Именно в эту секунду Граф понял, что это не сон. Что все происходящее — это и есть та самая жизнь, которая была написана у него на роду. Непонятно было только одно,

почему он вдруг решил, что для того, чтобы стать по-настоящему счастливым и ни от кого не зависящим, надо просто иметь деньги. Иметь их столько, чтобы жизнь казалась раем, а он, пребывая в нем, наслаждался цветущим садом и нежно-голубым прозрачным небом.

И совсем неважно, каким путем и какой ценой были добыты эти деньги. Главное, чтобы они были, и желательно как можно больше.

Приказ: «На выход!» — эхом отозвался в сознании Графа, а внутренний голос устало и обреченно произнес: «Я же тебя предупреждал, Граф! Сколько веревочке ни виться, конец всегда будет».

Литературно-художественное издание
Жигалин Александр Петрович
ДЕЛЕЖ ПО ПОНЯТИЯМ

Ответственный редактор *С. Рубис*
Редактор *А. Чернов*
Художественный редактор *С. Груздев*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Н. Овсяникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-5

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, ,
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 16.05.2006.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 20, 16.

Тираж 4000 экз. Заказ № 4154.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
· 127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Владимир КОЛЫЧЕВ

**«Мы – одна бригада» –
истории, написанные
на основе реальных событий.
Книги о судьбах
молодых ребят.**

**«Мы – одна бригада» –
серия книг мастера
криминальных романов
Владимира Колычева**

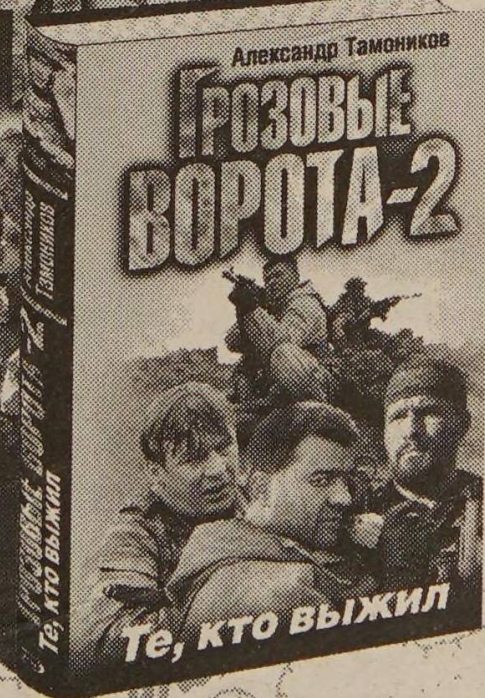
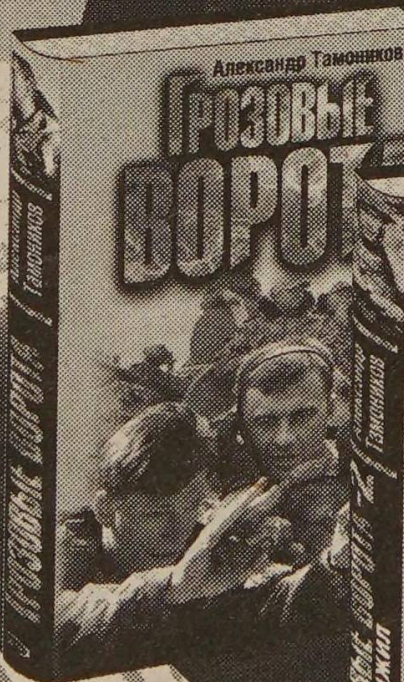
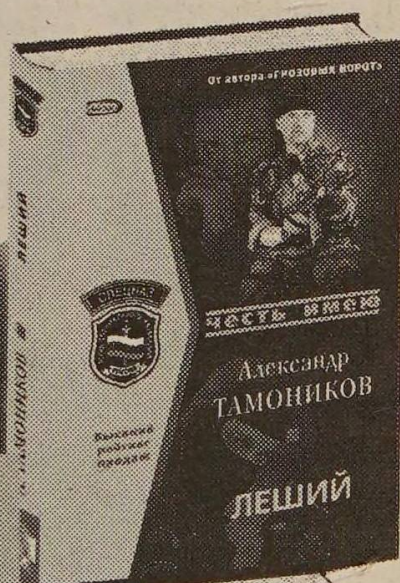
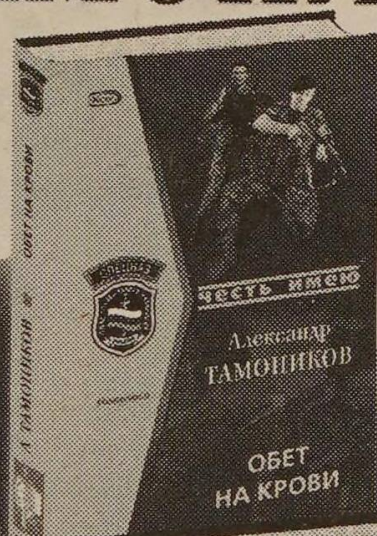
БРИГАДА

**ТАКЖЕ В СЕРИИ:
«Держи удар, парень»**

www.kolychev.ru

www.eksmo.ru

Александр ТАМОНИКОВ

Александр Тамоников –
лауреат литературной премии «Золотое перо России»,
автор многочисленных бестселлеров.

ЛУЧШИЕ КНИГИ О РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРАХ!

РЕЗУЛЬТАТ

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

СЕРИЯ

~~МАРШ~~
ТУРЕЦКОГО

«Марш Турецкого» –
персональная серия книг
знаменитого писателя
Фридриха Незнанского,
создателя яркого
литературного персонажа
и супергероя одноименного
фильма – старшего
помощника Генпрокурора
Александра Турецкого

Также в серии:
«Алмазная королева»

www.eksmo.ru

АЛЕКСАНДР ЖИГАЛИН

СОВРЕМЕННАЯ ВОРОВСКАЯ САГА

Один раз Граф уже брал банк. Обошлось ему это в восемь лет строгача. Так что следующее ограбление он продумал до мелочей: подобрал подельников, запасся баллонами с усыпляющим газом, придумал еще кое-какие хитроумные ноу-хау. В результате мешки с деньгами изъяты из инкассаторской машины так, что никто этого не заметил. Огромная сумма — почти шесть миллионов долларов. Теперь вопрос — как их отмывать и поделить. Тут тоже ошибаться нельзя, иначе или менты накроют или подельники пришибут. Граф снова затевает сложную игру, уж кто-кто, а он знает — не всем нравится дележ по понятиям...

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Александр Жигалин родился в 1953 году. Окончил Томский государственный педагогический университет. Долгое время работал тренером по игровым видам спорта. В 90-е годы занялся бизнесом, где на собственной шкуре испытал все прелести криминальной революции. Богатый жизненный опыт вкупе с литературным дарованием дали свет его новым криминальным романам. Произведениям А. Жигалина свойственна крутая напряженная интрига. Они рассчитаны на широкую читательскую аудиторию.

ДЕЛЕЖ ПО ПОНЯТИЯМ

ISBN 5-699-16950-4

9 785699 169504 >

